К.В. Татарников

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КОННЫЙ ПОЛК

ОБМУНДИРОВАНИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ

1731–1796 гг.

Москва
2012

Неизвестный художник XVIII в.

Рисунки проектного обмундирования рейтар лейб-гвардии Конного полка. 1780-е гг.

(Российский государственный военно-исторический архив)

Рисунки эти были представлены на высочайшее рассмотрение при рапорте за подписью премьер-майора Ивана Михельсона, командовавшего полком с марта 1781 по июнь 1788 г. Составители *«Исторического описания…»* датируют их началом 1788 г.

За исключением колета, кушака, ташки и выбеленных амуничных ремней, все остальные показанные здесь вещи входят в стандартный комплект конногвардейской экипировки.

СОДЕРЖАНИЕ

УСТРОЙСТВО ПОЛКА 7

ОБМУНДИРОВАНИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ 1731–1762 гг. 21

Строевые нижние чины 22

Шляпы 22

Прическа 26

Рубашки и галстуки 28

Кафтаны, камзолы и епанчи 28

Штаны и перчатки 44

Обувь 46

Рабочая и караульная одежда 47

Оружие 48

Амуниция 50

Лошади и конский убор 57

Отличия унтер-офицеров и капралов 61

Трубачи и литаврщики 63

Нестроевые нижние чины 67

Малолетние ученики 68

Извозчики 69

Офицеры 70

Полковые вещи 87

Штандарты 87

Литавры 90

Трубы 92

Квартирные значки 93

Рейтарские палатки 93

Пирамиды 94

Офицерские палатки 94

ОБМУНДИРОВАНИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ 1762–1796 гг. 100

Строевые нижние чины 101
Шляпы 101
Прическа 103
Рубашки и галстуки 104
Кафтаны, камзолы и епанчи 104
Штаны и перчатки 109
Обувь 112
Рабочая и караульная одежда 114
Оружие 116
Темляки 117
Амуниция 120
Лошади и конский убор 123

Отличия унтер-офицеров и капралов 128

Трубачи и литаврщики 132
Парадный мундир 132
Строевой мундир 136
Вседневный мундир 136

Музыканты 139

Нестроевые нижние чины 141

Берейторские ученики 142

Малолетние ученики 142

Извозчики 143

Офицеры 144

Полковые вещи 158
Штандарты 158
Литавры и трубы 158
Квартирные значки 159
Лагерные принадлежности 159

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ 161

Экзерциция 161

6 мая 1732. — Приказ по полку 161

21 июля 1733. — Из рапорта секунд-майора Карла Бирона подполковнику Бурхарду Эрнесту Траутфеттеру о препровождении к нему конной экзерциции 161

1733. — Конная экзерциция 162

20 сентября 1733. — Доношение подполковника лейб-гвардии Конного полка Бурхарда Эрнеста Траутфеттера на высочайшее имя, с требованием указа об обучении полка экзерциции по-ротно, а не по-эскадронно 168

16 мая 1734. — Из приказа по полку 168

28 мая 1734. — Из приказа по полку 170

11 июня 1734. — Из приказа по полку 170

5 января 1735. — Приказ по полку 171

18 января 1735. — Из приказа по полку 172

Сентябрь 1736. — Припомнение, как надлежит поступать в марше 172

10 июня 1753. — Из приказа по полку 173

24 октября 1762. — Из приказа по полку 174

8 февраля 1782. — Из приказа по полку 174

Инструкции и наставления о караульной и патрульной службе 174

2 сентября 1736. — Инструкция караульному офицеру в доме Ее Величества 174

28 мая 1752. — Инструкция унтер-офицеру на пикете в Смольном доме Ее Величества 176

23 сентября 1754. — Инструкция обер-офицерам на карауле при полковой гауптвахте 178

16 июля 1788. — Приказ обер-офицерам на карауле в Летнем доме Ее Величества 181

24 июля 1788. — Ордер [премьер-майора Петра Боборыкина] стоящему на карауле в Летнем доме Ее Величества поручику Дмитрию Зубову об оставлении его на этом карауле впредь до устранения замеченных неисправностей 181

28 августа 1789. — Инструкция обер-офицерам на карауле при полковой гауптвахте 182

1 октября 1789. — Инструкция унтер-офицерам на пикете при полковом парадном месте 184

20 февраля 1792. — Инструкция дежурному по полку ротмистру 185

Разное 189

19 сентября 1734. — Описание полковой церкви 189

19 апреля 1764. — Из приказа по полку 190

21 июля 1787. — Из приказа по полку 192

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УСТРОЙСТВО ПОЛКА

УКАЗОМ от 31 декабря 1730 г. императрица Анна Иоанновна повелела сформировать на основе Лейб-регимента полк Конной гвардии силой в тысячу человек унтер-офицеров и рядовых, положив тем самым начало славному корпусу русской гвардейской кавалерии. Фактически, однако, это превращение начало осуществляться лишь полгода спустя. Приказ от 29 июня 1731 г. гласил: *«...Сего числа его графское сиятельство высокоповелительный господин генерал и ордена святого апостола Андрея кавалер и лейб-гвардии Конного полку подполковник Павел Иванович Ягужинский соизволил объявить, что по именному Ее Императорского Величества указу велено бывшему Лейб-регименту именоваться лейб-гвардии Конным полком. И во оный полк пожалованы штаб- и обер-офицеры: в лейб-компанию ротмистр Стакелберг, поручик Борис Горскин, подпоручик князь Андрей Шаховской, корнет Иван Салтыков; во вторую роту подполковник его графское сиятельство генерал и кавалер граф Павел Иванович Ягужинский, подпоручик Григорий Корф, корнет Сергей Салтыков; в третью роту майор Бурхарт Эрнст фон Траутфеттер, поручик князь Григорий Шаховской, подпоручик Петр Гофштейн, корнет Яков Корсаков; в четвертую роту майор Яган фон Фрейман, поручик Федор Головин, подпоручик Карл фон Рудин, корнет Иван Быков; в пятую роту ротмистр Юрья Ливен, поручик князь Михайла Шаховской, подпоручик Афанасий Артюшков, корнет Функ; в шестую роту ротмистр барон Ганс Юрья Икскуль, поручик Андрей Леонтьев, корнет Игнатий Языков; в седьмую роту ротмитр Иван Пашков, подпоручик Иван Спешнев, корнет Алексей Макшеев; в восьмую роту ротмистр Афанасий Елизаров, поручик Федор Иниес, подпоручик князь Николай Волконский; в девятую роту поручик Кашпир Остгоф; в десятую роту поручик князь Яков Шаховской, подпоручик Михайла Салтыков; адъютант Алексей Извольский, штаб-лекарь Яган Дидриг Миллер, полковой лекарь Паульсон, полковой писарь Тимофей Еналеев. Того ради, по силе Ее Императорского Величества указу, бывшему Лейб-регименту именоваться лейб-гвардиею Конным полком, и о том во всех ротах публиковать, и ротам именоваться: гранодерской — лейб-компаниею, первой роте — второю ротою, второй роте — третьею ротою, третьей роте — четвертою ротою,*

четвертой роте — пятою ротою, пятой роте — шестою ротою, шестой роте — седьмою ротою, седьмой роте — восьмою ротою, восьмой роте — девятой ротою, девятой роте — десятою ротою, а прочих офицеров бывшего Лейб-регимента велено отослать в Государственную Военную коллегию для определения в армейские полки. Того ради бывшего Лейб-регимента офицерам роты свои отдавать по спискам офицерам лейб-гвардии Конного полку, и во всём им расписаться как надлежит»[1]. Только тогда, как свидетельствует книга приказов, полк утрачивает свое прежнее имя, а его рядовые стали называться *«рейтарами»* вместо *«драгун»* или *«гранодер»*, как было прежде.

Еще через шесть месяцев, 18 декабря 1731 г., императрица утвердила первый штат нового пятиэскадронного полка[2]:

РАНГ ПО АРМИИ	ЧИНЫ	ЧИСЛО ЛЮДЕЙ	ИМ ЛОШАДЕЙ
	ПОЛКОВОГО ШТАБА		
генерал-майор	полковник	1	–
бригадир	подполковников	2	–
полковник	премьер-майор	1	–
подполковник	секунд-майор	1	–
	УНТЕР-ШТАБА		
капитан	квартирмейстер	1	–
капитан	адъютант	1	–
капитан	полковой секретарь	1	–
капитан	полковой обозный	1	–
поручик	аудитор	1	–
поручик	комиссар, одиннадцатый корнет	1	–
–	поп	1	–
капитан	штаб-лекарь	1	–
подпоручик	берейтор	1	–
подпоручик	лекарь	1	–
капрал	полковой профос	1	1 драгунская
–	комиссарский писарь	1	–
–	провиантский писарь	1	–
–	трубачей иностранных	10	10 немецких
–	трубачей российских	10	10 немецких
–	литаврщик	1	1 немецкая
–	его ученик	1	1 драгунская
–	полковой коновал иностранный	1	1 драгунская
–	профосов	2	2 драгунских
	РОТНОГО ПРИМА-ПЛАНА		
подполковник	ротмистров	5	–
майор	секунд-ротмистр (в лейб-компании)	1	–

капитан	поручиков	10	–
капитан-поручик	подпоручиков	10	–
поручик	корнетов	10	–
–	вахмистров	10	10 немецких
–	квартирмейстеров	10	10 немецких
–	каптенармусов	10	10 немецких
–	гефрейт-капралов	10	10 немецких
–	капралов	40	40 немецких
–	ротных писарей	10	10 драгунских
–	цирюльников	10	10 драгунских
–	рейтар	1.000	1.000 немецких
–	слесарь иностранный	1	1 драгунская
–	слесарей российских	4	4 драгунских
–	кузнец иностранный	1	1 драгунская
–	кузнецов российских	9	9 драгунских
–	седельник иностранный	1	1 драгунская
–	седельников российских	4	4 драгунских
–	коновалов иностранных	5	5 драгунских
–	коновалов российских	5	5 драгунских
–	плотников	10	120 подъемных
–	извозчиков	40	
–	денщиков	97	–
–	итого	1.356	1.275

В начале следующего 1732 г., по предложению подполковника Траутфеттера, штаб-офицеров распределили по ротам следующим образом: первая рота (лейб-компания) традиционно поручалась полковому командиру, старший подполковник возглавил вторую роту, премьер-майор — четвертую, секунд-майор — пятую, младший подполковник — девятую, старший ротмистр — третью[3].

Спустя два с половиной месяца роты были переименованы еще раз. 12 марта 1732 г. майор Фрейман *«ордеровал»* командира 7-й роты ротмистра Елизарова: *«...по предложению лейб-гвардии Конного полку командующих тем полком господ полковников определено быть с сего числа гвардии Конного полку ротам нижепоказанными званиями, а именно: лейб-компании быть по-прежнему тем же званием — лейб-компания, и под именем господина полковника Ее Императорского Величества, а второй роте быть третьею ротою под именем второго подполковника; третьей роте быть четвертою ротою под именем премьер-майора; четвертой роте быть пятою ротою под именем, когда определен будет, секунд-майора; пятой роте быть десятою ротою, в которой ротмистру быть по-прежнему князю Черкасскому; шестой роте быть восьмою ротою, а ротмистру быть в той роте по-прежнему ж барону Икскулю; седьмой роте быть шестою ротою, а ротмистру быть в ней по-прежнему ж Пашкову; восьмой роте быть седьмою ротою, а ротмистру быть в ней по-прежнему ж вашему благородию; девятой роте быть второю*

ротою под именем первого подполковника, а десятой роте быть девятою ротою и ротмистру быть в ней по-прежнему Паткулю»[4].

Все основные преобразования в составе и устройстве Конной гвардии завершились осенью того же 1732 г. Штат, утвержденный Анной Иоанновной 2 октября[5], оставался в силе вплоть до конца правления Екатерины II.

РАНГ ПО АРМИИ	ЧИНЫ	ЧИСЛО ЛЮДЕЙ
	ПОЛКОВОГО ШТАБА	
генерал-майор	полковник	1
бригадир	подполковников	2
полковник	премьер-майор	1
подполковник	секунд-майор	1
	УНТЕР-ШТАБА	
капитан	квартирмейстер	1
капитан	адъютантов	2
капитан	полковой секретарь	1
капитан	полковой обозный	1
поручик	аудитор	1
поручик	комиссар, одиннадцатый корнет	1
–	поп	1
капитан	штаб-лекарь	1
поручик	берейтор	1
поручик	лекарь	1
капрал	полковой профос	1
–	писарей в полковой канцелярии	3
–	комиссарский писарь	1
–	провиантский писарь	1
–	дьячков	2
–	трубачей иностранных	10
–	трубачей российских	10
–	литаврщик	1
–	его ученик	1
–	полковой коновал иностранный	1
–	профосов	2
	РОТНОГО ПРИМА-ПЛАНА	
подполковник	ротмистров	5
майор	секунд-ротмистр (в лейб-компании)	1
капитан	поручиков	10
капитан-поручик	подпоручиков	10
поручик	корнетов	10
–	вахмистров	10

–	виц-вахмистров	10
–	квартирмейстеров	10
–	каптенармусов	10
–	гефрейт-капралов	10
–	капралов	40
–	ротных писарей	10
–	цирюльников	10
–	лекарских учеников	10
–	рейтар	1.000
–	слесарь иностранный	1
–	слесарей российских	4
–	кузнецов российских	10
–	седельник иностранный	1
–	седельников российских	4
–	коновалов иностранных	10
–	коновальских учеников	10
	фурманный мастер иностранный	1
	колесный мастер иностранный	1
–	плотников	10
–	извозчиков	40
–	денщиков*	126
	итого	1.423
	ЛОШАДЕЙ	
	рейтарских	1.111
	драгунских	81
	подъемных	120
	итого	1.312

* полковник имел при себе 12 денщиков, подполковники — по 11, премьер-майор — 10, секунд-майор — 8, ротмистры — по 4, секунд-ротмистр — 3, поручики, полковые квартирмейстер, адъютанты и секретарь — по 2, подпоручики, корнеты, полковые обозный и аудитор — по 1

Первые десять лет существования полка штат его оставался практически неизменным. Единственно, 16 апреля 1740 г. Анна Иоанновна повелела увеличить число извозчиков на 20 человек[6]. Наиболее серьезные перемены произошли во время правления Елизаветы Петровны. Указом от 25 апреля 1742 г. в штат было прибавлено пять ротмистров и девять секунд-ротмистров (должность командира лейб-компании Ее Величеству с тех пор, по-видимому, не принадлежала)[7]; в 1754 г. — 10 вахмистров, 10 виц-вахмистров, 10 квартирмейстеров, 10 каптенармусов и 10 капралов[8]. При Екатерине штат как таковой не менялся, однако уже в 1760-е гг. численность рейтар de facto сократилась до 700 человек — лошади, седла, карабины, сопутствующие им амуничные вещи, рабочие балахоны и т.д. приобретали именно в таком количестве[9]. Действительное число рейтар, находившихся в строю, было еще меньшим… С 1762 г. при полку состоял штаб-

(или штабс-) трубач; к 1783 г. при унтер-штабе наряду с берейтором числился также обер-берейтор[10].

Изначально лейб-гвардии Конный полк практически целиком был укомплектован *«благородным шляхетством»*. По состоянию на 9 февраля 1732 г. из 850 числившихся в полковом списке рейтар, 700 человек являлись российскими дворянами, 72 человека — близкими к ним по статусу однодворцами, 33 человека — представителями *«иноземного»* и трое — польского шляхетства. Служители, происходящие из иных сословий — иностранных мещан, рейтарских и солдатских детей, церковников, монастырских слуг, казаков, посадских, крестьян — оставались в явном меньшинстве. Последних, к примеру, среди рейтар было всего 11.[11]

Позднее ситуация весьма существенно изменилась. В период регентства и недолгого правления Анны Леопольдовны (1741 г.) гвардия, по соображениям политического характера, начала усиленно комплектоваться взятыми из податных сословий рекрутами и переведенными из армейских полков *«беспоместными разночинцами»*[12]. Занявшая российский престол в результате переворота Елизавета Петровна, а затем и Екатерина, также не слишком доверявшие «первой опоре трона», продолжили комплектовать гвардейские полки лицами не-благородного происхождения. Выбирались в рейтары *«собою видные»*, не старые летами, широкие, крепкие и здоровые солдаты и рекруты доброго и трезвого состояния, прежде не бывавшие в штрафах, ростом не менее двух аршин и восьми с половиной или девяти вершков, *«а что выше, то и лучше»*[13]. Представительная внешность вообще была одним из основных критериев для зачисления в гвардию — *«невзрачные»* и малорослые чины, вне зависимости от происхождения, стали исключаться из полка сразу же по обретении им гвардейского статуса.

В первые годы существования Конной гвардии доля *«иноземцев»* в ней была довольно велика. Согласно рапорту от 11 ноября 1733 г., среди нижних строевых и нестроевых чинов таковых насчитывалось 147 человек (91 из шляхетства, 56 из мещан), то есть примерно каждый десятый. Стоит отметить, что основная часть из этого числа — 105 человек — приходится на долю рядовых рейтар. Из 50 положенных по штату унтер-офицеров иноземцами являлись 12 человек, из 40 капралов — семь. Больше всего в полку служило лифляндцев, эстляндцев, курляндцев, прусаков и шведов; помимо них были также саксонцы, голштинцы, бранденбуржцы, мекленбуржцы, цесарцы, поляки, чехи[14]. Особенно ценились присланные от прусского короля унтер-офицеры, *«весьма потребные»* к обучению рейтарской экзерциции; их полковое начальство было готово содержать даже *«сверх положенного унтер-офицерского числа»*[15].

На протяжении всего рассматриваемого периода чин полковника лейб-гвардии Конного полка оставляли за собой высочайшие особы — Анна Иоанновна, затем Елизавета Петровна, Петр III, Екатерина II. Сделать исключение

из этого порядка позволил себе только Петр Федорович, 9 марта 1762 г. пожаловавший звание полковника Конной гвардии своему дяде принцу Георгу Людвигу Голштинскому. Фактическими командирами полка первое время были подполковники, а впоследствии, когда и это звание приобрело характер почетной должности или награды — майоры. В аннинские времена полком командовали: подполковники Павел Ягужинский (с декабря 1730 по декабрь 1731 г.), князь Алексей Шаховской (с декабря 1731 по 1736 г.), Бурхард Эрнст Траутфеттер (с 1731 по март 1738 г.), премьер-майор Рейнгольд Фрейман (с 1731 по 1735 г.), секунд-майор Карл Бирон (с 1732 по 1739 г.); при Елизавете — подполковники Юрий Ливен (с ноября 1740 по 1763 г.), граф Алексей Разумовский (с 1748 по 1762 г.), премьер-майор князь Петр Черкасский (с 1744 по 1762 г.), секунд-майор Григорий Корф (с 1742 по 1758 г.); при Петре III — премьер-майор Яков Бергер, секунд-майоры Адам Баранов и князь Петр Голицын; при Екатерине — подполковник князь Михаил Волконский (с 1762 по март 1764 г.), премьер-майоры князь Петр Голицын (с 1762 по сентябрь 1767 г.), Иван Давыдов (с сентября 1767 по март 1781 г.), Иван Михельсон (с марта 1781 по июнь 1788 г.), Петр Боборыкин (с июня 1788 по март 1792 г.), Александр Римский-Корсаков (с мая по июль 1789 г.), Василий Шереметев (с ноября 1792 по январь 1793 г.), секунд-майор Григорий Васильчиков (с января 1793 по сентябрь 1797 г.).

И, наконец, несколько слов о структуре полка. Основу его составляли 1.000 рейтар, разделенных на 10 рот по 100 человек в каждой (точно так же, как в полках армейской кавалерии, две роты объединялись в эскадрон). Вахмистры, виц-вахмистры, каптенармусы и гефрейт-капралы входили в категорию унтер-офицеров. Капралы стояли особняком. Все перечисленные выше, а также литаврщик и трубачи, считались строевыми чинами; нередко к таковым относили еще ротных писарей, цирюльников, литаврщичьего ученика и полкового профоса. Из числа обер-офицеров в каждой роте находились: ротмистр (в 1730-е гг. в пяти ротах место ротмистра занимали штаб-офицеры, а в лейб-компании, наряду с полковником, был секунд-ротмистр), поручик, подпоручик и корнет; с 1742 г. ротмистры и секунд-ротмистры состояли во всех десяти ротах. Помимо названных, строевыми офицерами были также полковые адъютанты и квартирмейстер, числившиеся при унтер-штабе. Управление полком осуществлял полковой штаб, куда входили все старшие офицеры — полковник, подполковники и майоры. Все остальные чины унтер-штаба и ротного прима-плана являлись нестроевыми. Особой категорией нестроевых чинов были извозчики и офицерские денщики, всегда упоминавшиеся отдельно от прочих.

«Шквадроновались» роты обыкновенным порядком — точно как же, как это было принято во всех полках армейской кавалерии и *«в чужих войсках»*: первая и шестая роты составляли первый эскадрон, третья и восьмая — второй, пятая и десятая — третий, четвертая и девятая — четвертый, вторая и седьмая — пятый[16]. По приказу от 8 февраля 1782 г., третий эскадрон стал именоваться вторым, пятый — третьим, а второй — пятым[17].

Впервые в отечественной историографии обмундирование и снаряжение лейб-гвардии Конного полка за выбранный нами период (1731–1796 гг.) рассматривались в соответствующих разделах *«Исторического описания одежды и вооружения российских войск...»*. Раздел, охватывающий первые десять лет существования полка, с 1731 по 1741 г., уместился всего в один абзац из 16 строк. Небольшой объем текста позволяет привести его целиком:

«Лейб-гвардии Конного полка обмундирование и вооружение были одинаковые с кирасирскими, с тою разностию, что при вседневном мундире все чины вместо лосиных штанов носили красные суконные, а офицеры имели кафтан и камзол с золотым галуном, как в прочих полках гвардии. Колеты и подколетники офицерские, кроме красной суконной по краям нашивки, обшивались узким золотым галуном, а латы, как у них, так и у нижних чинов, были светлые полированные, с васильковою или синею опушкою вместо красной. Портупеи, перевязи и лядунки обшивались: у рядовых — красным сукном и желтым шерстяным галуном, у унтер-офицеров — красным сукном и золотым галуном, а у офицеров — красным бархатом и золотым галуном. Это же самое различие существовало на чепраках и чушках»[18].

Сказанное выше, мягко говоря, мало соответствует действительности. Начнем с того, что ни при Анне, ни при Елизавете Конная гвардия не имела никаких «одинаковых с кирасирскими» вещей — ни колетов, ни подколетников, ни кирас, ни даже каскетов на шляпах (Петр III хотел переобмундировать полк на кирасирский манер, однако дальше изготовления образцов и закупки некоторых материалов дело не пошло). Равным образом, нижние чины никогда не носили красных штанов (с 1732 по 1781 г. такие полагались офицерам). Столь же фантазийно описание амуниции и конского убора: во-первых, парадную амуницию нижних чинов стали обшивать красным сукном только с 1764 г. (то есть уже при Екатерине); во-вторых, шерстяные галуны для украшения парадных вещей не использовались в принципе (исключительно золотой позумент!); в-третьих, бархатные чепраки и чушки в 1730-е гг. были не у всех офицеров вообще, а лишь у *«господ полковых штабов»*.

Не менее фантастичен раздел, касающийся обмундирования и снаряжения Конной гвардии времен Елизаветы Петровны[19]. Вместо шпаг составители *«Описания...»* присвоили рейтарам палаши с двуглавыми орлами на эфесах (на самом деле, впервые тесаки были выданы в 1765 г.), вместо черных галстуков — белые (видимо, по аналогии с армейскими полками), взамен замшевых штанов — красные суконные, украсили шляпы рейтар золотыми кистями (такие, действительно, были сделаны в 1741 г., но не при Елизавете, а при Анне Леопольдовне), вызолотили весь медный прибор на оружейных вещах, приделали к карабинам штыки (происхождение этого «открытия» непонятно совсем), а офицерам пожаловали некие парадные красные кафтаны с васильковым прикладом и подбоем (здесь, очевидно, за офицерские вещи были приняты парадные мундиры трубачей). Какие материалы послужили основой для описания чиновых отличий унтер-офицеров, парадных и вседневных мундиров литаврщика и трубачей, а также конского убора, остается лишь предполагать. Достоверных сведений об экипировке конногвардейцев в «елизаветинском»

разделе, увы, совсем немного: шляпы рейтар, действительно, обшивались золотым галуном, кафтаны были васильковые; камзолы, воротники, обшлага и подбой у кафтанов — красные; *«сапоги — тупоносые, с штибель-манжетами, раструбами и шпорами; перчатки — с обшлагами»*...

Раздел с описанием форменных и амуничных вещей Конной гвардии екатерининских времен столь же лаконичен и поверхностен, как оба предыдущих[20]. На двух занимаемых им страницах сообщается, что *«обмундирование и вооружение... рейтар, капралов, унтер-офицеров и офицеров по 1786 год оставались прежние, с переменою только в палашах, которые прежде имели эфесы с вензелями Елизаветы Петровны и ножны совсем кожаные, а с 1783 года первые с вензелем Екатерины II, последние — с железною полированною оковкою»*. Далее следует словесное описание мундиров трубачей, сделанное на основе рисунков из альбома под названием *«Tableau général des Gardes de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies»*, выполненного в 1773 г. (обмундирование это без каких-либо логичных тому оснований датировано 1764 г.), и описание серебряных труб, источником для которого явно послужили подлинные вещи. Как сказано в следующем абзаце, с 1786 г. *«...кафтаны начали носить у́же, камзолы короче и шляпы выше, с белыми страусовыми султанами, которых прежде не полагалось, у офицеров же отменен плюмаж. Нижние чины носили по два белых эполета с желтыми кистями. С сим вместе прежние красные штаны заменены лосиными, палаши начали носить не в лопасти портупеи, а на двух прикрепленных к ней погонных ремнях, и как лядунку, так и погонную или карабинную перевязь — на одной стороне, правой»*. Завершает раздел словесное описание рисунков проектного обмундирования, представленных на высочайшее рассмотрение тогдашним командиром полка Иваном Михельсоном в 1780-е гг. (составители *«Исторического описания...»* датируют эти рисунки началом 1788 г.)

Не перечисляя всего упущенного (занятие это рискует занять слишком много времени), скажем только, что лосиные штаны нижние чины лейб-гвардии Конного полка носили с 1763 г. (прежде штаны делались из козловой кожи), палаши и портупеи с пасовыми ремнями — с 1765 г., эполеты — с конца 1776 г., султаны на шляпах — с 1783 г. Датировка всех этих перемен 1786 годом — сказано об этом почти впрямую — увязывается с реформой армейского обмундирования, хотя никакого отношения к гвардии мундирные «прожекты» князя Потемкина не имели.

Выяснить причины ошибок и неточностей, допущенных составителями *«Исторического описания...»* отнюдь непросто, а в ряде случаев невозможно вообще. Так, рассказ про *«обмундирование и вооружение»* лейб-гвардии Конного полка времен Анны Иоанновны построен на его штатах и неких *«принятых в соображение»* делах *«о заготовлении на сей полк мундирных, амуничных и оружейных вещей»*[21]. На весь «гвардейский» раздел третьего тома, охватывающего период с 1740 по 1762 гг., приходится одна-единственная ссылка, звучащая следующим образом: *«все приведенные здесь сведения о гвардии заимствованы из архивов Инспекторского департамента, Комиссариатского и лейб-гвардии Преображенского полка»*[22]. Источники, послужившие основой для описания

униформы Конной гвардии екатерининских времен указаны ненамного конкретней. Помимо дел *«о постройке обмундирования, находящихся в гвардейских полковых архивах»*, были задействованы подлинные вещи из *«разных арсеналов»*, рисунки гвардейского обмундирования из собственной императорской библиотеки (уже упомянутые выше *«Tableau général des Gardes de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies, 1773»*), книга под названием *«Изображение мундиров российско-императорского войска»* (СПб., 1793) и *«показания лиц, служивших при императрице Екатерине II в гвардии»*[23].

Гораздо ближе к истине описание обмундирования и снаряжения, содержащееся в знаменитом труде ротмистра И.В. Анненкова *«История лейб-гвардии Конного полка 1731–1748»*, хотя и здесь ошибок и неточностей более чем достаточно[24].

Ни одну, ни вторую работу излишне строго оценивать не стоит. *«Историческое описание...»* в отношении гвардейских частей представляет собой вольный пересказ минимально необходимого количества выявленных (не путать с имеющимися в наличии!) в результате исполнения казенного задания делопроизводственных, иконографических и вещественных материалов из государственных и частных собраний (полковые архивы, императорская библиотека, подлинные вещи и др.). Сочинение Анненкова, написанное на основе документов полкового архива, вообще не является исследованием по униформе. Данная тема проходит здесь как одна из составляющих истории Конной гвардии в целом.

Первое собственно аналитическое исследование обмундирования и снаряжения Конной гвардии принадлежит С.А. Летину[25]. Несмотря на вторичность большинства задействованных в его статье материалов (из 31 ссылки девять приходятся на упомянутый выше труд Анненкова, 12 — на Полное собрание законов Российской империи), имеющиеся здесь изобразительные реконструкции парадного офицерского и трубаческого мундиров не утратили своей актуальности и по сей день. Однако из-за нехватки достоверной фактической информации добиться по-настоящему значимых результатов в изучении конногвардейского мундира Летину, к сожалению, не удалось (да и не было возможно в принципе).

Разделы о лейб-гвардии Конном полку содержит также изданная в 2008 г. книга под названием *«Русский военный костюм. От Петра I до Петра III»*, авторами которой значатся С.А. Летин и О.Г. Леонов[26]. Не поднимая в очередной раз тему о странностях соавторства с покойными исследователями (Летин, как известно, умер в 2005 г., то есть за три года до выхода поименованного издания), отметим только, что размещенные в данной книге тексты про обмундирование и снаряжение Конной гвардии представляют собой не самую грамотную компиляцию прижизненных (скажем так) работ первого из авторов[27]. По сути своей, книга в целом является тиражированием ошибок и заблуждений времен еще *«Исторического описания...»*, с добавлением ошибок «собственного сочинения», обусловленных, в первую очередь, всё той же самой причиной — недостаточным количеством выявленных и задействованных в работе первоисточников. Единственный неоспоримый плюс издания — обилие иконографических материалов, атрибуция которых, впрочем, выполнена

столь же халтурно, как и вся текстовая часть книги в целом. Вот, например, на С.200 помещен написанный И.Я. Вишняковым в 1760 г. портрет князя Федора Голицына *«в мундире сержанта лейб-гвардии Конного полка»*. Начнем с того, что в конных полках были не сержанты, а вахмистры (желающие убедится в этом могут взять штат любого кавалерийского полка); во-вторых, на князе капральский мундир — позумент по обшлагам кафтана нашит в один ряд. На соседней 201-й странице фотография лядунки *«рейтара лейб-гвардии Конного полка. 1741–1761 гг.»*. У этой лядунки деревянная колодка с гнездами на 18 патронов, черная кожаная обшивка и по бокам две желтого металла пряжки со шпеньками. Между тем, и при Анне, и при Елизавете рейтарские лядунки имели колодки с 22 патронными гнездами, обшивку из белой (периодически начищавшейся мелом) замшевой кожи и железные пряжки.

Следующая книга из этой серии — *«Русский военный костюм. Эпоха Екатерины II»* — целиком принадлежит О.Г. Леонову. Есть раздел, посвященный лейб-гвардии Конному полку и в ней[28]. Текст данного раздела практически целиком составлен на основе архивных документов (РГВИА. Ф.3543), однако неумение автора работать с попавшими к нему в руки источниками любого происхождения сводит фактически на нет ценность конечного продукта. В пределах трех страниц, которые занимает авторский текст, нет ни одного абзаца без грубых фактологических ошибок, отдельных неточностей или существенных упущений, искажающих содержание исходных материалов:

— Шляпы нижних чинов, действительно, обшивались позументом с городками, но не все шляпы вообще, а только парадные, и не всегда, а лишь с 1768 г. На вседневных шляпах гладкий позумент сохранялся по 1782 г. включительно.

— Никакого парадного мундирного комплекта, отличного *«качеством расходных материалов и декоративными украшениями»*, не существовало в принципе. Последний раз парадные кафтаны и камзолы для нижних чинов были построены в 1753 г. Все подробности, приведенные автором относительно различий между парадными и вседневными мундирными вещами — не более, чем плод его воображения. Весьма спорно и утверждение о том, что мундир нижних чинов *«сохранился почти без изменений со времен Елизаветы Петровны»* — изменения эти происходили едва ли не всякий раз при постройке нового обмундирования.

— Кафтаны и камзолы нижних чинов и вправду делались из английского сукна, но только начиная с 1770-х гг. До этого употреблялись отечественные материалы.

— Алое сукно на выкройку камзолов, кафтанных воротников и обшлагов стало использоваться еще на десять лет позднее — в 1780-е гг. Прежде все эти детали, а также подбой кафтанов (будь то каразея, байка или фланель) были красного цвета.

— Сведения о расходе сукна и приклада на постройку кафтанов, камзолов и епанеч в целом верны, но относятся они, во-первых, исключительно к мундиру по сроку 1768 г. Во-вторых, красная байка шла вовсе не *«на подкладку спины»*, а на подкладку под унтер-офицерские и капральские кафтаны; красная каразея — не *«на подбой фалд»*, а на подкладку под кафтаны рядовых рейтар.

В-третьих, по 19 кафтанных и 23 камзольных пуговицы отпускалось не всякому *«человеку»*, а только рядовым рейтарам — унтер-офицеры, капралы и прочие чины, не имевшие карабинов и погонных перевязей, получали на одну камзольную пуговицу меньше.

— *«Полагавшиеся на оба плеча»* эполеты украшали собой мундиры конногвардейцев отнюдь не всегда, а только с 1776 г. Также хотелось бы знать, на основе каких данных сделано утверждение о том, что унтер-офицеры носили по одному эполету (ссылок ни на архивные документы, ни на иконографические произведения нет).

— Воротники камзолов обшивались узким золотым галуном не *«у парадных мундиров»* (тем паче, что таких не было вовсе), а у самых обычных, обновлявшихся через каждые два с половиной года, и не у всех нижних чинов вообще, а только у рядовых рейтар, трубачей и цирюльников.

— Лосиных штанов *«в каждый мундирный комплект»*, как сказано в разбираемом тексте, входило по паре. На самом деле, штаны к мундиру полагались одни, просто использовали их два срока: первые два с половиной года в качестве парадных, следующие два с половиной года — в качестве вседневных.

— Парадная амуниция обшивалась не только золотым позументом, но и красным сукном (довольно существенный нюанс, который стоило бы отметить), а портупейные пряжки с государственными гербами появляются, по-видимому, не ранее начала 1780-х гг. Парадная пешая амуниция, состоявшая в полку с 1784 г. не упомянута вообще.

— *«Цветовые различия шляпных кордонов и темляков»* по ротам *«вводятся»* не в августе 1763 г., а еще при Петре III. В 1763 г. нижние чины получают уже второй комплект этих вещей.

— Парадные чепраки и чушки с вышитыми на них вензелями Екатерины II для нижних чинов впервые были построены в конце 1784 или в начале 1785 г. До этого продолжали использоваться сделанные в 1753 г., с вензелями Елизаветы Петровны. Кроме того, вощаными чехлами парадные чепрак и чушки *«при повседневной службе»* не закрывались. Во-первых, парадные вещи, будь то чепраки или шляпы, употребляли только в «парадных» же случаях — повседневное использование их не предусматривалось в принципе; во-вторых, чехлы эти служили для хранения чепраков и чушек и перевозки их в свернутом виде позади седла.

— Каламенковые кители, штанные чехлы и колпаки для хозяйственных работ полагались не всем строевым нижним чинам, а только трубачам и рейтарам. Кроме того, комплект коломенковых вещей со временем менялся. В 1760-е гг. он состоял из колпака, балахона и чехлов на штаны, с начала 1770-х гг. — из колпака, кителя, камзола и штанных чехлов, а с 1780-х гг. еще и чикчир. Следовало бы упомянуть и о том, что вещи эти имели деревянные обтяжные пуговицы и отделку из цветного сукна (околыши на колпаках, воротники, обшлага, лацканы и полы на камзолах, обшивка по швам на чикчирах).

— Описание мундиров трубачей и литаврщика (в пределах задействованного материала) в целом сделано верно, за исключением того, что в 1788 г. трубачам строятся не парадные, а вседневные мундиры. К тому же, вариантов

тех и других на самом деле было гораздо больше, чем следует из сочиненного Леоновым текста.

— *«Отделка»* офицерских чепраков чушек и вправду, отличалась от *«рейтарского варианта»*, вот только приведенное для подтверждения тому описание конского убора полковых ординарцев, являвшихся нижними чинами, совсем не к месту.

— Откуда почерпнуты сведения о том, что офицерам были положены эполеты и шпаги *«общекавалерийского образца»* (да и был ли такой образец в рассматриваемый период?), автором не поясняется. Кроме того, при перечислении положенного офицерам оружия, стоило бы отметить не только тесаки, но и пистолеты.

— Шарфы делились на парадные и повседневные не только у обер-офицеров, как это следует из текста, но у всех офицеров вообще. И штаб-, и обер-офицерам новые шарфы подряжали одновременно.

— Извозчиков в полку еще с аннинских времен было 60 человек, а не 23 (количество вещей, состоящих в ведомстве полкового комиссара — это одно, штатное расписание — совсем другое). *«Мундирный комплект»* их, действительно, состоял из черного кожаного картуза, шинели, камзола и чикчир синего сукна, вот только носился он не все тридцать с лишним лет царствования Екатерины II, а только с 1783 г. В 1764 и 1765 гг. извозчикам Конной гвардии выдавались синие картузы, кафтаны, камзолы и штаны, а с 1766 г. — такого же типа, как в армейских полках епанчи с рукавами, камзолы и картузы синего сукна российских фабрик и замшевой выделки штаны из козлиной кожи. Кроме того, при описании извозчицких вещей следовало бы отметить, что красного цвета были не только воротники и обшлага, но также лацканы и полы камзолов, выкладка по боковым швам чикчир и каразейная подкладка шинелей; что штаны помимо выкладки имели черную кожаную обшивку внизу, а в теплое время года извозчики носили полотняную одежду…

Уровень других разделов книги не сильно отличается от этого — точно так же награждают они своих читателей поверхностными знаниями и ложными представлениями. А впрочем, в качестве иллюстративного альбома (опять же, с учетом критического подхода к авторским атрибуциям и комментариям) книга довольно хороша.

Основным источником для настоящей работы послужили делопроизводственные материалы канцелярии лейб-гвардии Конного полка, ныне хранящиеся в собрании Российского государственного исторического архива (фонд № 3543, опись № 1). Многие из дел фонда № 3543 не пронумерованы по сей день. В этом случае вместо указания листов в ссылках приводятся номера, под которыми использованные в работе документы были учтены еще в XVIII веке. Если отсутствуют и они, в ссылке после номера дела стоит помета *«Л. н/н»*, означающая, что листы не нумерованы. Также привлечены отдельные дела Российского государственного архива древних актов из фонда № 248 (Сенат). Подавляющая часть использованных документов вводится в научный оборот впервые.

Биографические сведения об офицерах Конной гвардии заимствованы из четвертой части *«Истории...»* И.В. Анненкова.

Для создания иллюстративного ряда послужили следующие издания:

Белецкий П.А. Украинская портретная живопись XVII–XVIII вв. Л., 1981.

Валькович А.М. Золотой век российской гвардии. Т.1–2. М., 2010.

Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Серия: Рисунок XVIII–XX веков. Т.1. Рисунок XVIII века. М., 1996.

Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Серия: Живопись XVIII–XX веков. Т.2. Живопись XVIII века. М., 1998.

Государственный Русский музей. Каталог живописи. Т.1. Живопись XVIII в. СПб., 1998.

«За веру и верность». Три века российской императорской гвардии. Каталог выставки. Вып.2. СПб., 2003.

Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. Изд. 2 е. Т.2–5. СПб., 1899.

Кулинский А.Н. Русское холодное оружие XVIII–XX вв. Т.1. СПб., 2001.

Кулинский А.Н. Русское холодное оружие. СПб., 2005.

Летин С.А. Русский военный мундир XVIII века. М., 1996.

Летин С.А. Российская императорская гвардия. СПб., 2005.

Летин С.А., Леонов О.Г. Русский военный костюм. От Петра I до Петра III. М., 2008.

Леонов О.Г. Русский военный костюм. Эпоха Екатерины II. М., 2010.

Муковоз А. «...Хранят фамильные черты». Портреты Шереметевых в усадьбе Кусково. М., 2011.

Орел. № 3. СПб., 1993.

Український портрет XVII–XVIII століть. Каталог-альбом. Київ, 2006.

Ярославские портреты XVIII–XIX вв. Каталог выставки. М., 1986.

Broce J.K. Zīmējumi un apraksti. 1 s. Rīga, 1992.

Автор выражает искреннюю благодарность всем, кто оказывал содействие и помощь в реализации этого проекта: заведующему третьим архивохранилищем РГВИА А.Д. Лазерсону — за возможность полноценно работать с документами; П.Г. Алехину, М.Ю. Катин-Ярцеву, Р. Паласиосу-Фернандесу, С.И. Шаменкову — за помощь в сборе иллюстративного материала; Т.Ю. Бурмистровой — за помощь в его обработке; директору Рундальского дворца-музея Имантсу Ланцманису и сотруднице Государственного исторического архива Латвии Валде Кваскової — за предоставление иллюстративного материала и сопроводительной информации к нему.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОБМУНДИРОВАНИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ 1731–1762 гг.

СЛОЖИВШИЙСЯ в первой половине 1730-х гг. комплект форменных вещей лейб-гвардии Конного полка — обложенные золотым позументом шляпы, васильковые* кафтаны и епанчи с красным прибором, красные камзолы, замшевой выделки кожаные штаны — сохранял свои основные черты вплоть до царствования Павла I. Точно так же, как это было в других гвардейских полках, с течением времени под влиянием моды менялся покрой вещей, и незначительно варьировались материалы, используемые при их постройке, однако в целом облик конногвардейцев оставался неизменным на протяжении более шестидесяти лет.

Требования, предъявляемые к *«мундирным припасам»* Конного полка, несмотря на его первенствующее положение среди других гвардейских частей, были вполне стандартные. Сукна следовало приобретать английские, шириною, кроме покромей, в 1 аршин 14 вершков, *«как добротою в материи, так и цветами хорошие и здоровые и не линючие… каждого цвета под один колер»*, не хуже, чем в полках гвардейской пехоты и, по возможности, лучшего качества, чем купленные в предыдущий раз. Сукно, оказавшееся шире или у́же положенной нормы, принимали *«по исчислению»* дробных (квадратных) вершков. На обмундирование унтер-офицеров, капралов, писарей и музыкантов традиционно требовались сукна *«лучшей доброты»*, чем для рядовых (в отношении парадных вещей, по определению строившихся из дорогих и качественных материалов, это правило не действовало). Указная ширина каразеи составляла один аршин два вершка. Стамеды, как одинарные, так и двойные, делали шириной от 15 вершков до одного аршина с двумя или четырьмя вершками[29]. Крашенина, холст, клеенка, гарус и шелк относились к категории *«приклада»* — материалов, в отличие от сукон и шерстяных подкладочных тканей, второстепенных. Холст, а также делающиеся на его основе крашенина и клеенка, по обыкновению были шириной девять или десять вершков[30]. Ширина выписанной в 1732 г. *«из иностранных городов» «вощаной*

---

* Васильковый цвет нередко называли просто синим. Применительно к обмундированию лейб-гвардии Конного полка, до 1770-х гг. эти определения были синонимами.

клеенки» для изготовления чехлов на чепраки, чушки и амуничные ремни равнялась одному аршину восьми вершкам[31].

Парадные вещи, будь то шляпы, обмундирование или амуниция, не имели определенных сроков службы и заменялись новыми по приходе в негодность. Со вседневными вещами ситуация была проще: срок службы шляп и штанов составлял два года ровно, кафтанов и камзолов — два с половиной года, епанеч — пять лет (одна на два комплекта мундиров). Стоит отметить, что эти нормы, окончательно сложившиеся только к началу 1740-х гг., выдерживались довольно относительно — разница между окончанием установленных сроков службы старых вещей и временем фактической выдачи новых могла составлять больше полугода[32]. В 1750-е гг. срок службы штанов и шляп вырос до двух с половиной лет. Парадный мундир строился от казны, вседневный — на деньги, вычитаемые из жалованья военнослужащих[33].

Все форменные вещи делались трех *«рук»* или же *«ростов»* (размеров): большого, среднего и малого (иногда только большого и среднего), а затем подгонялись на каждого человека по пропорции его *«возраста»* (роста) и фигуры. Штаны и шляпы могли подряжаться двух и даже одного (большого) размера.

В соответствии со штатом 1732 г., из числа нижних чинов на вещевом довольствии (употребим это столь несвойственное XVIII веку выражение) состояло 1.204 человека: 10 вахмистров, 10 виц-вахмистров, 10 квартирмейстеров, 10 каптенармусов, 10 гефрейт-капралов, 40 капралов, 15 писарей, 20 трубачей, литаврщик, его ученик, 1.000 рейтар, 10 цирюльников, 10 лекарских учеников, полковой профос, 2 дьячка, 5 слесарей, 10 кузнецов, 5 седельников, 10 коновалов, 10 коновальских учеников, 10 плотников, колесный и фурманный мастера, 2 ротных профоса (собственно говоря, здесь перечислены все нижние чины за исключением полкового коновала, извозчиков и офицерских денщиков).

1.138 человек из этого числа — унтер-офицеры, капралы, рейтары, писари, цирюльники, трубачи, литаврщик, его ученик и полковой профос (в строевых рапортах нередко все они показаны строевыми чинами) — обеспечивались как вседневными, так и парадными форменными вещами. Лекарские ученики, дьячки, мастеровые, коновалы и ротные профосы, всего 66 человек, относящиеся к категории нестроевых, получали только вседневное обмундирование. На 1.111 человек — унтер-офицеров, капралов, рейтар, трубачей и литаврщика — помимо полного перечня парадных и вседневных форменных вещей, выдавалось оружие, амуниция и конский убор. Извозчиков полк также снабжал обмундированием, но делалось оно отдельно от заготовлявшегося для остальных чинов.

СТРОЕВЫЕ НИЖНИЕ ЧИНЫ

Шляпы

Головным убором всех строевых и нестроевых чинов, за исключением извозчиков, были шляпы, свалянные из *«самой доброй и чистой»* поярковой шерсти

«хорошею и твердою увалкою» с добавлением клея, а затем выкрашенные в черный цвет *«нелинючей»* краской[34]. Как и прочие вещи, *«мундирные шляпы»* подряжались трех рук (размеров) — большой, средней и малой, отличавшихся друг от друга шириной тульи; остальные размерные характеристики — глубина тулей и величина полей — были одинаковы. Так, в октябре 1752 г. иностранный купец и санкт-петербургский житель Андрей Палем пообещал выписать из Берлина 1.138 новых парадных шляп, сделанных *«из самого доброго материалу и в прочной краске, добрым и плотным мастерством, трех рук, а именно: на первый рост триста семьдесят девять — в ширине и с тульею шляпа двенадцать вершков, между полями тулья в четыре вершка, глубина тулье три вершка; на второй рост тож число, триста семьдесят девять — в ширине и с тульею одиннадцать вершков с половиною, между полями тулья в четыре вершка, глубина тулье три вершка; на третий рост триста восемьдесят — в ширине и с тульею шляпа одиннадцать вершков, между полями тулья в четыре вершка, глубина тулье три вершка; верхи у тулей у всех тех шляп сделать не плоские, но в самый верх круглые, по препорции пол»*[35]. В 1750 г. подрядили шляпы только двух размеров (*«двух рук пополам»*)[36], а в 1759 г. — *«все одной руки»*[37].

Делились шляпы на парадные (первое время их нередко называли просто *«строевыми»*) и вседневные (они же *«носильные»*). Первые надевались только в *«большие строи»* и на караул в *«дом Ее Императорского Величества»*, вторые — во всех прочих случаях (при экзерциициях, караулах на полковой гауптвахте и т.д.). Не следует, однако, думать, что раз от раза на целый полк подряжался двойной комплект шляп — такого не случалось никогда. Точно так же, как это было, например, с офицерскими шарфами, при получении новых шляп старые переходили в категорию вседневных: *«...по рассуждению господ полковых штабов и по учиненным определениям, для лучшей в полку красоты и парада шляпы содержатся с позументом, одни вседневные, а другие парадные, следующим порядком: первое, когда срок тем шляпам, который держится с мундиром вседневным в два года с половиною, минует, тогда оные вменяются во вседневные, и так до крайнего изношения служат, а в парадные строятся новые, и токмо употребляются для вышеобъявленных к красоте полку касающихся знатных оказий»*[38].

Способов связать шляпу, придав ей нужные очертания, существовало множество и, судя по всему, мода на это довольно часто менялась — в приказах по полку за разные годы регулярно встречаются указания, чтобы шляпы связывали *«одним манером»*, против данных в роты образцов[39]. Вот, например, выдержка из инструкции майора Карла Бирона от 16 октября 1733 г.: *«...дабы всякий рейтар шляпу свою носил порядочно, напустя на глаза, а назад не носил бы. И чтоб около шляпы всякий рейтар имел бы шнурок, чем оный может оную шляпу перевязать — убавить или прибавить по голове своей. И дабы оные шляпы подстегнуты и кокарды привязаны были все одним манером, от унтер-офицеров против данного образца»*[40]. Приказом от 13 мая 1755 г. у шляп было велено связывать *«передний угол меньше, а два боковые больше, и надевать единственно — передний носок на левый глаз, и краем шляпы чтоб правая бровь была прикрыта»*[41].

Как уже говорилось выше, по размеру головы шляпа стягивалась обвязанным вокруг тульи черным шелковым шнурком. На каждую шляпу, вне зависимости от ее величины, такого шнура выходило полтора аршина. Приказом от 4 мая 1754 г. новые парадные шляпы было велено сшивать нитками против имеющейся в полковой канцелярии образцовой, *«а шнурком отнюдь не связывать, ибо от оного шляпы портятся»*[42].

Внутрь шляпы в 1730-е гг. ставилась скроенная из восьми вершков белого холста *«тулья»*, на которой, после раздачи шляп по рукам, подписывалось имя владельца[43]. Сшивали такие тульи белыми нитками. Начиная с 1743 г. подряжались шляпы *«с подшивными вместо тульи юфтевыми черными опойковыми ремнями»*, то есть с кожаной обшивкой по внутренним краям тульи[44]. Торопецкий купец Петр Белавин, подрядившийся поставить в полк 1.204 вседневных шляпы к 1 мая 1760 г., обещал сделать у них подшивку из черной опойковой кожи шириной в вершок[45].

На шляпах унтер-офицеров, капралов, рейтар, цирюльников, трубачей, литаврщика и его ученика, всех писарей и полкового профоса по краям полей нашивался *«широкий»** золотой позумент. В 1732 г. был подряжен *«двойной»* (двухсторонний)** гладкий позумент шириной в две трети вершка, с небольшими каймами по краям[46]. Этим же позументом обложили бо̀льшую часть новых шляп, купленных в 1739 г., а взамен недостающего *«употребили»* позумент, оставшийся от постройки парадных офицерских мундиров, *«который узором к означенному шляпному позументу сходен, точию нескольким шире»*[47] (видимо, именно эти шляпы *«с широким позументом»* были розданы унтер-офицерам, капралам и трубачам[48]). Позумент, сделанный в 1743 г. оказался немного шире прежнего, а *«узором и работою несколько лучше»*[49]. В конце 1752 г. шляпы обшили двойным позументом *«первой широты»*, выписанным из Лиона[50]. Весной 1757 г. купец Матвей Смирнов подрядился поставить на 1.138 вседневных шляп позумент, *«употребляя»* в него *«шелк густого померанцевого цвету свежий и не лежалый, а золото как возможно краснее»*[51].

Количество отпускаемого позумента не было постоянным. В начале 1730-х гг. на каждую шляпу его считалось по два аршина (здесь и далее речь идет об усредненных цифрах, исходя из которых подряжали позумент на шляпы всех размеров), в 1739 г. — 1 аршин 12½ вершков, в 1740-е гг. — 1 аршин

---

* В 1730-е гг. украшавший амуничные вещи и унтер-офицерские мундиры позумент полувершковой ширины назывался *«узким»*, по сравнению с ним позумент на шляпах был *«широкий»*. Позднее разновидностей позумента стало на порядок больше. Летом 1751 г. в Санкт-Петербург прибыли выписанные из Лиона двойные позументы пяти различных *«широт»*. Самые дорогие позументы *«первой широты»* предназначались на шляпы, чепраки, чушки, мундиры трубачей и штандартные перевязи; второй широты — на мундиры унтер-офицеров и капралов, третьей — на амуничные ремни (часть его пошла на расшивку трубаческих мундиров), четвертой (*«узкие»*) — на мундиры трубачей, пятой — на литавренные завесы и прибивку к штандартным древкам. РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1206. Л.85 об.-86 об., 377-377 об.

** Двойной, двоеличный позумент — позумент, затканный цветными (шерстяными, шелковыми) или металлическими нитями по обеим сторонам своей основы.

12 вершков. На новые парадные шляпы, сделанные в 1743 г., оказавшиеся *«против прежних в полях шире, и тем гораздо лучше и виднее»*, позумента, соответственно, также было необходимо больше, чем прежде — по 1 аршину 13–14 вершков[52]. В 1750-е гг. на шляпу считалось по два аршина четыре вершка золотого позумента[53].

Пришивался позумент тонкими желтыми нитками, немного загибаясь на внутреннюю сторону полей[54]. На шляпах, сделанных в 1732 г., под позумент *«для выворачивания»* было подшито полотно[55]. Так же, видимо, поступали и в дальнейшем.

Периодически шляпы приводились в порядок: позумент с них спарывался, мылся и чистился, сами шляпы чернились, а затем позумент пришивался на них обратно, повернутый наружу *«другою стороною»*[56]. В 1737 г. на каждую шляпу отправляющейся в *«Турецкую кампанию»* трехротной команды было велено купить по четверти аршина (четыре вершка) черной клеенки для обшивки позумента[57].

Построенный на казенные деньги, без вычетов за него у *«полковых служителей»*, шляпный позумент являлся собственностью полка — по приходе в полную негодность его спарывали и отдавали в выжигу. Чины, утратившие выданный им позумент, несмотря на степень сохранности последнего, целиком возмещали его стоимость из своего жалованья (такое же наказание грозило тем, кто самовольно обрезал шляпные поля, истрепавшиеся от времени)[58].

Еще одним украшением шляп были шнуры с кистями. В августе 1741 г. санкт-петербургский купец Яган Томас Миллер отдал в полк 1.137 золотых шнурков с кисточками к *«носильным»* шляпам нижних чинов[59]. Упоминаний об изготовлении подобных шнуров прежде, в аннинские времена, или позднее, при Елизавете, на страницах просмотренных нами документов не встречается.

На поле с левой стороны крепились медная камзольная пуговица и свернутый из белых шелковых лент (*«лентовый»*) бант-кокарда. С 1734 г. на шляпах были пуговицы *«с именем Ее Императорского Величества»*. Если на все шляпы таких пуговиц не хватало, *«калиберные»* пуговицы с вензелями спарывались *«из-под рукавов»* кафтана или с карманных клапанов камзола (с тех мест, где их было трудно рассмотреть)[60]. При Елизавете все пуговицы с аннинскими вензелями заменили на просто гладкие. Приказом от 31 августа 1747 г. пуговицы на шляпах было велено нашивать *«как от верху, так и от низу на самой средине»*[61].

Вопрос с цветом кокард решился не сразу. Еще в октябре 1731 г. предполагалось, что они будут черные[62], однако после того, как Воинская комиссия присвоила белому банту статус *«российского полевого знака»*, эту идею пришлось оставить. В ордере от 26 февраля 1732 г. подполковник Траутфеттер писал к находящемуся в Риге адъютанту: *«по получении сего извольте… сказать иноземцу Янкавичу, который подрядился в Конную гвардию делать на шляпы рейтарам кокарды из черных лент, и ежели у него оные кокарды еще не построены, то не можно ли выписать ему на оные кокарды белых лент, ибо из белых лент кокарды имеют быть виднее»*[63]. Первые 200 белых бантов на шляпы полк принял в начале августа того же 1732 г.[64]

Способ связывать банты, так же, как и шляпные поля, со временем менялся. Приказ по полку за подписью секунд-майора Григория Корфа от 7 июля 1753 г. гласил: *«...Понеже с начала сочинения полку у строевых чинов таковые кокарды на шляпах содержаны были, каков ныне при полковой канцелярии сделан и при сем приказе во все роты объявляется, а усмотрено мною, что в некоторых ротах во оных кокардах имеется великая разность. Того ради господам ротным командирам приказать в ротах своих всем строевым чинам сделать кокарды одним манером, противу вышеписанного сделанного в полковой канцелярии, и чтоб оные кокарды содержаны были безотменно, а не другого манера. А ежели впредь усмотрено будет во оных кокардах какая перемена манеру, за оное господа ротные командиры имеют ответствовать»*[65].

Никаких различий по чинам не предусматривалось — и для вахмистров, и для профосов шляпы и весь прибор к ним подряжали по одному образцу. Впрочем, если что-либо из принятого оказывалось лучшего качества, это отдавали унтер-офицерам или музыкантам (обычная практика того времени). Нестроевые чины, напротив, традиционно получали вещи, имеющие те или иные дефекты. Так, в августе 1751 г. 80 новых шляп, принятых с уступкой в цене из-за малой величины полей, были розданы писарям, цирюльникам и прочим нестроевым[66].

Начиная с 1762 г. шляпы и темляки строевых чинов украшались разных цветов шерстяными кистями. 9 мая позументный мастер Яган Антон Ган подрядился сделать 1.111 шляпных кордонов и столько же темляков: *«кордоны, как кисти, так и шнуры, гарусные, а темляки гарусные ж на красных ремнях, в том числе на унтер-офицеров и капралов девяносто кордонов, толикое ж число и темляков, из черного с желтым, а прочие кордоны и темляки из красного гарусу... а на темляки ремни из самых же добрых, чистых и прочных и посредственной толщины красных ремней»*[67]. Готовые вещи надлежало отдать в полк через два месяца после заключения контракта.

Прическа

В течение всего 1731 и, по-видимому, бо̀льшей части 1732 г. конногвардейцы, как и прежде, убирали волосы в кошелки. Сами кошельки шились из гладкого черного трипа или тафты, а подкладывались опойковой кожей[68]. Партию из 200 черных тафтяных (по другим сведениям *«гардитуровых»*[69]) кошельков *«с бантами и с лентами»* рижские мастера сделали к началу августа 1732 г.[70] По всей вероятности, эта партия была первой и единственной, так как кошелки тогда стали уже выходить из моды. Конечно же, у подобной вещи своевременно обнаружилась масса недостатков: *«...у рейтар на волосах косам ли быть или кошелькам?* — доносил подполковник Траутфеттер Ягужинскому осенью 1731 г., — *По моему мнению, лучше бы косы, понеже, первое, когда у рейтар волосы коротки, кошельку держаться не можно; второе, когда ветрено, то кошелек непрестанно ветром шатает»*[71]. Тем не менее, несмотря на описанные выше неудобства, рейтары продолжали носить кошельки вне строя по крайней мере до середины 1730-х гг.[72]

К сентябрю 1732 г. на смену кошелькам пришли черные *«лентовые»* косы[73]. Привязывать к голове их следовало *«как можно ближе»*, и в *«одну препорцию»* у всех чинов[74]. Верхнюю часть косы украшал бант. Приказом от 17 апреля 1753 г. нижним чинам первой и третьей шеренг предписывалось иметь косы длиной 10 вершков, второй шеренги — девять, с проволокой посередине, *«а завязывать таким образом, как показано, дабы отнюдь не ниже галстука было, почему следовать может в полку уравнение и к красоте изрядный способ»*[75]. В приказе от 27 февраля 1756 г. дополнительно разъяснялось, что косы привязываются к волосам *«против самого воротника»*[76].

Со временем мода на прически претерпевала изменения. Так, в январе 1747 г. некоторые унтер-офицеры и капралы стали ходить *«с двойными завитыми косами»,* что по мнению полкового начальства весьма *«не приличествовало»* к мундиру, а потому, соответственно, запрещалось[77].

О иных составляющих прически известно совсем немного. Волосы на передней части головы зачесывались назад[78]. Виски подвивали перед парадами. В *«больших»* парадах и строях волосы пудрились (в гвардейских полках эта практика существовала уже в 1720-е гг.). По-видимому, довольно многие рейтары, жалея свои *«природные»* волосы, взамен пудрения и сопутствующих этому процедур, предпочитали использовать парики. В обычные дни прическа была проще. Один из пунктов приказа по полку от 26 апреля 1759 г. гласил: *«…господам командующим ротами приказать в воскресные и праздничные дни, собрав роты, приводить к полковой божией церкви ко всенощному пению, и чтоб все были в мундирах и волосы б были убраны в бумажках»*[79].

Усы строевым чинам предписывалось иметь *«одним манером»* во всём полку и *«величиною по препорции лица»*. Те, у кого в силу возраста или по другим причинам не росли собственные волосы, выходили в строй, надев *«фальшивые»* (накладные) усы против данных образцов[80]. Приказом от 4 сентября 1736 г. всем офицерам и нижним чинам было велено иметь косы без бантов, а молодым, не бреющим бороды унтер-офицерам и капралам, не носить фальшивые усы[81]. В дальнейшем приказы вновь требовали, чтобы усы имелись у рейтар всех возрастов[82]. При парадах усы фабрили в черный цвет.

Единообразие в отношении усов соблюдалось ничуть не меньше, чем во всём прочем. Приказ по полку за подписью секунд-майора Григория Корфа от 8 июля 1753 г. гласил: *«…усмотрено мною, что у унтер-офицеров, капралов и рейтар фальшивые усы разных манеров употребляются, и того ради ныне для единственного у всех строевых чинов усам содержания, и дабы в том никакой разности происходить не могло, учинены образцовые, и при сем приказе для снятия со оных манеру в роты объявляется, и рекомендуется командующим ротами господам офицерам в ротах своих приказать всем строевым чинам фальшивые усы поделать против оного манеру неотменно, токмо при том наблюдать, чтоб по препорции лица величиною были содержаны»*[83].

Рубашки и галстуки

В 1732 г. всем нижним чинам были сделаны черные фланелевые галстуки и полурубашки с рукавами из верендорского полотна для *«одних рейтар»*[84]. Повязывать галстук следовало крепко и гладко, немного выпустив из-под него рубашечный воротник[85]. Верендорского полотна на каждые две полурубашки отпускалось от четырех до четырех с четвертью аршин, в зависимости от роста человека[86]. В дальнейшем ни галстуков, ни рубашек от полка не подряжали.

Типичным украшением рубашки являлись крепящиеся к рукавам манжеты. Приказом от 20 июня 1741 г. унтер-офицерам и капралам было велено иметь их длиной в три четверти вершка, *«токмо не простые, и ежели кто камартухов не может, то бы из добрых самых полотен»*. Рейтарам носить манжеты запрещалось вовсе[87]. Один из пунктов приказа, отданного на следующий день, 21 июня, гласил: *«...во всех ротах унтер-офицерам, капралам и рейтарам сделать галстуки атласные черные, по данному при сем образцу в лейб-компанию, и притом господам ротным командирам смотреть, ежели у которых шеи коротки, то б оные галстуки тем людям делать [шириной] в три четверти вершка»*[88].

В начале 1750-х гг. многие нижние чины, следуя моде, обматывали шеи черными лентами[89]. Приказом от 17 апреля 1753 г. вместо них было велено носить черные тафтяные галстуки с пряжками из зеленой меди.

Кафтаны, камзолы и епанчи

Первый комплект парадного обмундирования (а также всех остальных вещей) для лейб-гвардии Конного полка был изготовлен в течение 1732 — первой половины 1733 гг.:

Кафтан длиной до колен[90] строился из тонкого василькового сукна. Воротник и *«шведские»* обшлага у него были красные суконные, одинаковой величины для всех чинов. Полы подшивались двойным[91] красным стамедом; спина, рукава и карманы — красной крашениной. Носили кафтан подвернув полы *«сверх фалдов»** и скрепив их между собой крючками[92]. Красный суконный камзол подбивался двойным красным стамедом в полах и белым холстом (крашениной) в спине, рукавах и карманах. Под пуговицы и петли для крепости дополнительно подкладывалась клеенка, а пуговичные петли обметывались гарусом в цвет сукна (синим на кафтанах, красным на камзолах). Кроме основных *«припасов»*, для шитья мундира были необходимы суровые, синие и красные нитки, синий и красный шелк, иглы, воск и мел (конкретные цифры расхода материалов приводятся в таблицах).

Медные позолоченные пуговицы в 1731 г. были подряжены двух видов: гладкие и *«резные»* с *«именем Ее Императорского Величества»*[93]. Гладкие пуговицы пошли на первый комплект парадного обмундирования[94], резные украшали собой вседневные мундиры вплоть до начала 1742 г.[95] Те и другие, по

* Фалды (нем. Falte) — складки в боковых разрезах кафтанных пол.

обыкновению, делились на кафтанные и камзольные. Первых на каждый мундир отпускали 22 штуки, вторых — 30 (по другим сведениям 29). Расположение пуговиц было вполне традиционным: кафтанные ставили по борту (точное количество зависело от роста человека), под клапанами карманов и *«в фалдах»* кафтана; меньшей величины камзольные — по борту и под клапанами карманов камзола, а также на *«рукавах»* (обшлагах) и под воротником кафтана (последние — по одной штуке с левой и с правой стороны)[96]. К пуговицам под воротником пристегивались синие гарусные *«плетешки с петлями»* (они же просто *«петли»*), служившие для поддержания лежавших на плечах перевязей[97]. До сентября 1732 г. пуговицы и петли были только слева[98].

В холодную и ненастную погоду поверх мундира надевалась круглая васильковая епанча без рукавов, длиной по подвязку[99]. Воротники конногвардейских епанеч также были васильковые. В декабре 1731 г. майор Фрейман приказал делать их *«образцом против прежних… токмо… малым пополнее старых»*[100]. Воротник подкладывался васильковым сукном *«из оставших от мундирного строения обрезков»*[101]; плечи, полы и задняя прореха (по другим сведениям только плечи и полы) — красным стамедом[102]. Застегивалась епанча на медные крючок и петлю. В 1732 г. епанчи были сшиты трех ростов, а в дальнейшем делались одинаковой величины. В конном строю епанчу свертывали и возили связанной в тороках[103].

В конце ноября 1731 г. устанавливаются следующие нормы отпуска материалов на пошив мундирных вещей: *«на каждого человека сукна на кафтан по четыре аршина, на камзол и на обшлага и на воротник по три аршина, подбою на кафтан и на камзол красного стамеду по шести аршин с четвертью, крашенины белой по три, красной по четыре, клеенки по два аршина, шелку синего и красного пол лота на пару, гарусу синего пол лота на кафтан, красного на камзол пол лота ж, ниток синих пол мотка, красных пол же мотка или пятинки, а пуговиц… по толикому числу, сколько положено на образцовых кафтанах и камзолах»*[104].

Сведения о действительном расходе *«сукон и прикладов»*, представленные от разных рот в начале февраля 1732 г., в целом совпадают с предварительными исчислениями:

РАСКЛАДКА ВЕЩЕЙ И МАТЕРИАЛОВ НА ПАРАДНОЕ ОБМУНДИРОВАНИЕ НИЖНИХ ЧИНОВ ШЕСТОЙ И ДЕСЯТОЙ РОТ, ПОСТРОЕННОЕ В ФЕВРАЛЕ 1732 Г.*

	РОСТ		
КАФТАН И КАМЗОЛ	БОЛЬШОЙ	СРЕДНИЙ	МАЛЫЙ
василькового сукна на кафтан	3 арш. 14 вер.	3 арш. 12 вер.	3 арш. 11 вер.
красного сукна на камзол, воротник и обшлага кафтана	2 арш. 11 вер.	2 арш. 10 вер.	2 арш. 9 вер.
двойного красного стамеда под кафтан и камзол	6 арш. 5 вер.	6 арш. 4 вер.	6 арш. 3 вер.
красной крашенины под кафтан	4 арш.	4 арш.	4 арш.

белой крашенины под камзол	3 арш.	3 арш.	3 арш.
клеенки	2 арш.	2 арш.	2 арш.
синего гаруса	2 зол.	2 зол.	2 зол.
красного гаруса	2 зол.	2 зол.	2 зол.
синего шелка	¾ зол.	¾ зол.	¾ зол.
красного шелка	¾ зол.	¾ зол.	¾ зол.
синих ниток	½ мотка	½ мотка	½ мотка
красных ниток	½ мотка	½ мотка	½ мотка
ЕПАНЧА			
василькового сукна	6 арш.	5 арш. 14 вер.	5 арш. 12 вер.
красного стамеда	2 арш. 8 вер.	2 арш. 8 вер.	2 арш. 8 вер.
синих ниток	1/3 мотка	1/3 мотка	1/3 мотка
красных ниток	1/3 мотка	1/3 мотка	1/3 мотка

* Таблица составлена: Ф.3543. Оп.1. Д.580. Л.352-352 об., 357-357 об.

Похожие цифры показывает ведомость восьмой роты. Разница состояла в том, что васильковое и красное сукно на кафтаны, камзолы и епанчи здесь выдавали по мере каждого конкретного человека, зато расход остальных материалов был одинаковым для всех: шесть аршин четыре вершка красного стамеда под кафтан и камзол, 2 аршина 12 вершков — под епанчу, четыре аршина красной крашенины под кафтан, три аршина красной крашенины под камзол, два золотника синего и два золотника красного гаруса, пол лота синего, пол лота красного шелка, пол мотка синих и пол мотка красных ниток на кафтан и камзол, 22 кафтанных и 29 камзольных пуговиц, четверть мотка синих и четверть же мотка красных ниток на епанчу[105].

В четвертой роте, согласно рапорту от 2 февраля 1732 г., отпускалось: *«...сукна на кафтан большого росту по 4 аршина, на среднего по 3 аршина по 3 четверти, на самого малорослого по 3 аршина по 2 четверти; камзольного на большого по 3 аршина, на среднего по 2 аршина по 3 четверти, на самого малорослого по 2 аршина по 2 четверти; епанечного на большого по 6 аршин по одной четверти, на среднего по 6 аршин, на самого малорослого по 5 аршин по 14 вершков; стамеду на большого по 6 аршин по 2 четверти, на среднего по 6 аршин по 1 четверти, на самого малорослого по 6 аршин; гарусу синего и красного, который поровнее — по полулоту по полузолотнику, а который тонее — по полулоту; пуговиц, ниток васильковых и красных, також крашенины красной и белой пошло на кафтаны и на камзолы по предложенному... ордеру»*[106].

На основании этих данных, в конце февраля была составлена сводная ведомость, показывающая средний расход основных материалов на изготовление форменных вещей:

ПЛАНОВАЯ РАСКЛАДКА ОСНОВНЫХ МАТЕРИАЛОВ НА ПАРАДНОЕ ОБМУНДИРОВАНИЕ НИЖНИХ ЧИНОВ, СОСТАВЛЕННАЯ В ФЕВРАЛЕ 1732 г.*			
	РОСТ		
КАФТАН И КАМЗОЛ	БОЛЬШОЙ	СРЕДНИЙ	МАЛЫЙ
василькового сукна на кафтан	4 арш. – 4 арш. 2 вер.	3 арш. 12–14 вер.	3 арш. 11–12 вер.
красного сукна на камзол, воротник и обшлага кафтана	3 арш.	2 арш. 12 вер.	2 арш. 10 вер.
красного стамеда под кафтан и камзол	6 арш. 4–5 вер.	6 арш. 4 вер.	6 арш. 3 вер.
кафтанных пуговиц	22 штуки	22 штуки	22 штуки
камзольных пуговиц	30 штук	30 штук	30 штук
ЕПАНЧА			
василькового сукна	6 арш. 4–5 вер.	6 арш. 2 вер.	6 арш.
красного стамеда	2 арш. 12 вер.	2 арш. 10 вер.	2 арш. 9 вер.

* Таблица составлена: Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.89-91.

В 1733 г. сукна и приклад на изготовление парадных кафтанов, камзолов и епанеч отпускались в следующем «усредненном» количестве:

РАСКЛАДКА ВЕЩЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОТПУСКАВШИХСЯ НА ИЗГОТОВЛЕНИЕ ПАРАДНОГО ОБМУНДИРОВАНИЯ В 1733 г.*	
КАФТАН И КАМЗОЛ	
василькового сукна	3 арш. 12 вер.
красного сукна на камзол, воротник и обшлага кафтана	2 арш. 12 вер.
красного стамеда под кафтан и камзол	6 арш.
красной крашенины под кафтан	4 арш.
белой крашенины под камзол	3 арш.
клеенки на кафтан и камзол	1 арш. 8 вер.
синего гаруса	1½ зол
красного гаруса	1½ зол.
синего шелка	½ зол.
красного шелка	½ зол.
синих ниток	½ пятинки
красных ниток	½ пятинки
медных позолоченных кафтанных пуговиц	22 штуки
медных позолоченных камзольных пуговиц	28 штук

ЕПАНЧА	
василькового сукна	6 арш.
красного стамеда	2 арш. 4 вер.

* Таблица составлена: РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1321. Л.258 об., 565, 566 об.-567, 568, 570-570 об., 572 об.-573 и др.

Плановая раскладка вещей и материалов на постройку парадного обмундирования и снаряжения, составленная в декабре 1748 г. на основе данных об изготовлении первого комплекта аналогичных вещей в начале аннинского царствования, также небезынтересна:

ПЛАНОВАЯ РАСКЛАДКА ВЕЩЕЙ И МАТЕРИАЛОВ НА ИЗГОТОВЛЕНИЕ ПАРАДНЫХ ВЕЩЕЙ, СОСТАВЛЕННАЯ В 1748 г.*	
КАФТАН	
василькового сукна	3 арш. 14 вер.
красного сукна на воротник и обшлага	4 вер.
двойного красного стамеда	4 арш.
красной крашенины в спину, рукава и карманы	4 арш.
клеенки	1 арш. 4 вер.
синего гаруса	3 зол.
синего шелка	1 зол.
медных позолоченных кафтанных пуговиц	22 штуки
медных позолоченных камзольных пуговиц к рукавам	6 штук
КАМЗОЛ	
красного сукна	2 арш. 8 вер.
двойного красного стамеда	2 арш. 4 вер.
белого лощеного полотна в спину, рукава и карманы	3 арш.
клеенки	12 вер.
красного гаруса	1½ зол.
красного шелка	½ зол.
медных позолоченных камзольных пуговиц	24 штуки
ЕПАНЧА	
василькового сукна *«и с воротником»*	6 арш. 6 вер.
одинакого красного стамеда	2 арш. 8 вер.
медные крючок и петля	1 пара
УЗКОГО ОДНОСТОРОННЕГО ПОЗУМЕНТА ШИРИНОЙ ½ ВЕРШКА	
на мундир унтер-офицера	16 арш.
на мундир капрала и писаря	5 арш.
на мундир трубача и литаврщика	44 арш.
на карабинную перевязь (в два ряда)	4 арш. 12 вер.

на лядуночный ремень (в один ряд)	2 арш. 5 вер.
на портупею (в два ряда)	5 арш. 5 вер.
ЧЕПРАК И ЧУШКИ	
красного сукна	1 арш. 7 вер.
вощанки под чепрак	1 арш.
синей крашенины под чушки	1 арш. 8 вер.
широкого одностороннего позумента	7 арш. 1 вер.
вензеля с коронами из *«самого узкого»* позумента	4 штуки
желтого шелка на пришивку вензелей	1 зол.

* Таблица составлена: РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.476. Л.22 об.-27.

Второй раз нижние чины получили парадный мундир *«из тонких сукон»* в начале 1753 г.[107] Все пуговицы на нем, а также пряжки на амуниции и лядуночные *«доски»*, были покрыты червонным золотом[108].

РАСКЛАДКА ВЕЩЕЙ И МАТЕРИАЛОВ НА ПАРАДНОЕ ОБМУНДИРОВАНИЕ, ПОСТРОЕННОЕ В 1753 г.*			
	РОСТ		
КАФТАН	ПЕРВЫЙ (от 2 арш. 10 вер.)	СРЕДНИЙ (от 2 арш. 9 вер.)	МЕНЬШИЙ (от 2 арш. 8 вер.)
василькового сукна	4 арш. 3 вер.	4 арш. 2 вер.	4 арш.
двойного алого валяного стамеда	5 арш.	5 арш.	5 арш.
красной крашенины в спину, рукава и карманы	4 арш.	4 арш.	4 арш.
клеенки	1 арш. 4 вер.	1 арш. 4 вер.	1 арш. 4 вер.
синего гаруса	2 зол.	2 зол.	2 зол.
синего шелка	½ зол.	½ зол.	½ зол.
позолоченных кафтанных пуговиц	29 штук	29 штук	29 штук
КАМЗОЛ			
красного сукна на камзол, воротник и обшлага кафтана	2 арш. 11 вер.	2 арш. 10 вер.	2 арш. 8 вер.
двойного алого валяного стамеда	2 арш.	2 арш.	2 арш.
тонкого белого лощеного холста (крашенины) в спину, рукава и карманы	3 арш.	3 арш.	3 арш.
клеенки	12 вер.	12 вер.	12 вер.
красного гаруса	1½ зол.	1½ зол.	1½ зол.
красного шелка	½ зол.	½ зол.	½ зол.
позолоченных камзольных пуговиц**	28 штук	28 штук	28 штук
ЕПАНЧА			
василькового сукна	6 арш. 6 вер.	6 арш. 6 вер.	6 арш. 6 вер.

красного одинакого стамеда	2 арш. 8 вер.	2 арш. 8 вер.	2 арш. 8 вер.
ТРУБАЧИ И ЛИТАВРЩИК (без различия по ростам)			
красного сукна на кафтан	4 арш. 4 вер.	–	–
василькового сукна на камзол, воротник и обшлага	3 арш.	–	–
двойного синего валяного стамеда под кафтан	5 арш.	–	–
двойного белого валяного стамеда под камзол	2 арш.	–	–
ДВУХСТОРОННЕГО ПОЗУМЕНТА			
вахмистрам и виц-вахмистрам	12 арш. 4 вер.	12 арш.	–
унтер-офицерам	11 арш. 4 вер.	11 арш.	–
капралам	10 арш.	9 арш. 12 вер.	–
писарям и полковому профосу	5 арш.	–	–
трубачам и литаврщику	89 арш. 4 вер.***	–	–

* Таблица составлена: Ф.3543. Оп.1. Д.538. Л.237-239; Д.1208. Л.367; Д.1214. Л.191-192.

** Из 28 камзольных пуговиц шесть предназначалось к *«кафтанным рукавам»* (на обшлага), две на плечи кафтана *«для пристежки перевязи и лядуночного ремня»*, одна на шляпу; остальные 19 ставили по борту и на карманные клапаны камзола.

*** Первоначально трубачам и литаврщику полагалось по 64 аршина 9 вершков позумента.

При Петре III покрой парадных кафтанов и камзолов несколько изменился. В июне 1762 г. на *«перестройку»* 717 мундирных пар было израсходовано 18 аршин 8 вершков двойного красного валяного стамеда, 606 аршин 8 вершков клеенки, 58 аршин 4 вершка красной крашенины, 6 фунтов 70 золотников синего и 70 золотников красного гаруса, 10 золотников синего, 10 золотников красного и пять золотников желтого шелка, 225½ пятинок синих, 225½ пятинок красных, 30 пятинок желтых и 15 пятинок суровых ниток, 459 портищ медных крючков и петель[109]. Судя по количеству и перечню использованных материалов, а также отведенному на эту работу сроку, равнявшемуся всего 10 дням, о серьезной переделке форменных вещей речи не шло[110]. Вероятнее всего, их попытались исправить на манер голштинских.

Данное мероприятие, впрочем, рассматривалось лишь в качестве временной меры, так как в самые ближайшие месяцы Конную гвардию ожидало полное переобмундирование по образцу кирасирских полков — на смену привычным кафтанам и камзолам должны были прийти колеты с подколетниками, кушаки и ташки. В течение всего двух месяцев, мая и июня, по приказу тогдашнего командира полка принца Георга Голштинского, в Берлин в качестве задатка переводится без малого 10.000 рублей на покупку офицерских и рейтарских сукон, *«кирзей»* (Cirsoy), разнообразных позументов, *«басаманов»* (басонов) и шитых петлиц. Заказанные вещи и материалы стали прибывать практически сразу. Уже в июне берлинский купец Шмиль (Schmiel) отправил в Петербург

несколько бочек, ящиков и пакетов, где находилось 50 *«локот»* (локтей) золотого позумента с городками, 128 локтей широкого *«ординарного»*, 48 локтей среднего и 154 локтя узкого позумента; 1.007½ локтей широких и 1.011½ локтей узких *«колетных шнуров»* (Collet-schnüre)*; 260 локтей золотого позумента для колетов (Collet-tressen), 95 локтей золотого позумента для подколетников; 996½ локтей широких *«золотых и пунцовых шнуров»* для колетов, 942 локтя таких же узких шнуров для подколетников; 431 локоть желтой (в подлинниках на немецком языке этот цвет назван *«paille»* — палевым) кирзы, 280 локтей желтого (paille) и столько же белого (weiss) сукна для офицеров, 866 локтей (очевидно, желтой) кирзы для рядовых[111].

Само собой, были изготовлены и образцовые вещи. Уже после переворота подпоручик и полковой комиссар Александр Наумов получил приказ принять на хранение в свое ведомство *«сделанные для образца из лосиного сукна два колета с подколетниками суконными красными, с позументом и басаманом золотыми, вахмистрский один, рейтарский один, кушаков красных стамедных два, ташек с позументом золотым и с басаманом две»*[112]. На постройку этих вещей *«в разных месяцах и числах»* 1762 г. по словесным приказам подполковника Бергера и премьер-майора Баранова из полкового комиссарства, без записи в расходные книги, было выдано: *«…рейтару Климу Бубнову на покупку на дело образцовых двух колетов и двух подколетников холста тонкого, крючков с петли медных, ниток желтых и красных — один рубль двадцать девять копеек… рейтару Агибину на покупку на дело штандартных чехлов вощанки трех аршин — один рубль двадцать копеек; да употреблено по их же словесному приказанию на дело двух подколетников и ташек сукна парадного алого четыре аршина шесть вершков с четвертью; на один образцовый вахмистровский колет позументу золотого из оставшего от парадной амуниции пять аршин, клеенки два аршина; на образцовую ж ташку позументу широкого [от] вседневных шляп один аршин четырнадцать вершков с половиною»*[113].

Для сбережения дорогостоящего парадного обмундирования и амуниции, 30 октября 1732 г. Анна Иоанновна повелела сделать нижним чинам лейб-гвардии Конного полка *«другой носильный мундир… а именно: кафтаны и епанчи васильковые, из таких же сукон, какие даются в драгунские полки; камзолы и обшлаги и воротники из красного сукна, какое отпускается в полевые пехотные полки; и подложить те кафтаны красною каразеею; також перевязи карабинные с погоны и лядуночные и портупеи такие ж, какие в драгунских полках; шляпы с позументом золотным, какие в кирасирских полках положены… а помянутые перевязи и портупеи для отмены от драгун-*

* Шнур (от нем. Schnur) — слово, чаще всего использовавшееся в немецком языке XVIII в. для обозначения тесьмы. Универсальный термин, к которому прибавлялось наименование предмета: Hut-Schnur, Collet-Schnur, Pallasch-Taschen-Schnur, Carabiner-Schnur и тому подобное, вплоть до Rund-Schnur, то есть собственно шнура (прим. В.И. Егорова).

ских полков обложить гарусным триповым галуном красного цвету... И как тот мундир сделан будет, то нынешний мундир иметь токмо для парадов, а окроме парадов не носить»[114].

Внешне *«вседневный ординарный»* мундир, состоявший из василькового кафтана с красными воротником, обшлагами и подкладкой, красного камзола и васильковой с красным подбоем епанчи, мало отличался от парадного, построенного *«из добрых сукон»*. По большому счету, разница между *«богатыми»* и *«носильными»* вещами заключалась только в качестве и количестве используемых для их изготовления материалов[115].

В январе 1733 г. в роты были разосланы подробные наставления по пошиву *«вторичного носильного»* мундира. В длину кафтан надлежало делать так, чтобы у поставленного на колени человека он не доходил до земли на два вершка без четверти; камзол шился на два с половиной вершка короче кафтана. Воротники и обшлага вседневных кафтанов предписывалось иметь точно такие же, как у парадных, а фалды — *«малым выше»*. Медных кафтанных и камзольных пуговиц *«с именем Ее Императорского Величества»* на каждый мундир было отпущено по 20 штук тех и других. Ставить их следовало *«реже прежнего мундиру, а именно великорослым на кафтаны на борт по 13, по 12, а другим и по 11, на клапаны и в фалды по восьми пуговиц, на камзолы на борт по 15, по 14 и по 13, да на клапаны по 6 пуговиц, а к рукавам кафтанным и камзольным из оных пуговиц за недовольным числом не класть, но могут в тех местах, ежели потребно будет, положить рейтары от себя хотя гладкие, токмо б медные ж, також и на плеча к кафтанам для пристежки перевязей от себя ж, а среднего и меньшего ростов людям класть оные пуговицы, как у кафтанов, так и у камзолов, на борт меньше великорослых людей, но смотря по препорции каждого человека»*. Пуговичные петли по борту кафтана и камзола прорезались на равном расстоянии друг от друга: на кафтане — не реже, чем *«в вершок с восьмою долею»*; на камзоле — *«малым меньше вершка»*[116].

Материалы на изготовление вседневного мундира в 1733 г. были отпущены практически в соответствии с нормами, установленными для армейских полков в *«новом Воинском штате»*:

РАСКЛАДКА ВЕЩЕЙ И МАТЕРИАЛОВ НА ВСЕДНЕВНОЕ ОБМУНДИРОВАНИЕ НИЖНИХ ЧИНОВ, ПОСТРОЕННОЕ В 1733 Г.*	
КАФТАН	
синего сукна	3 арш. 7 вер.
красного сукна на воротник и обшлага	4 вер.
красной каразеи в спину и под полы	3 арш. 8 вер.
красной крашенины в фалды, рукава и карманы	5 арш. (по другим сведениям – 5 арш. 8 вер.)
клеенки под пуговицы и полы	8 вер.
синего гаруса	1½ зол.
медных позолоченных кафтанных пуговиц	20 штук

КАМЗОЛ	
красного сукна	2 арш. 4 вер.
красной крашенины под полы	2 арш. 8 вер.
белого холста в спину, рукава и карманы	4 арш. 4 вер. (по другим сведениям – 4 арш. 2 вер.)
клеенки под пуговицы и полы	8 вер.
красного гаруса	1½ зол.
медных позолоченных камзольных пуговиц	20 штук
ЕПАНЧА	
синего сукна	5 арш. 8 вер.
красной каразеи под полы	1 арш. 14½ вер. (по другим сведениям – 1 арш. 14 вер.)
синих ниток на весь мундир	½ пятинки
красных ниток на весь мундир	½ пятинки
УЗКОГО ОДНОСТОРОННЕГО ПОЗУМЕНТА ШИРИНОЙ ½ ВЕРШКА	
на мундир вахмистра	6 арш. 6 вер.
на мундир унтер-офицера	5 арш. 4 вер.
на мундир капрала	2 арш. 14 вер.

* Таблица составлена: РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д. 584. Л.20-20 об., 77; Д.1189. Л.666 об.-667, 681-681 об.; Д.1321. Л.549-580 об.

Ведомость, представленная от четвертой роты 27 июня 1733 г. показывает фактический расход вещей и материалов в зависимости от роста людей:

РАСКЛАДКА ВЕЩЕЙ И МАТЕРИАЛОВ НА ВСЕДНЕВНОЕ ОБМУНДИРОВАНИЕ НИЖНИХ ЧИНОВ, ПОСТРОЕННОЕ В ЧЕТВЕРТОЙ РОТЕ В 1733 Г.*			
	РОСТ		
КАФТАН И КАМЗОЛ	БОЛЬШОЙ	СРЕДНИЙ	МЕНЬШИЙ
василькового сукна	3 арш. 7 вер.	3 арш. 4 вер.	3 арш. 3 вер.
красного сукна на камзол, воротник и обшлага кафтана	2 арш. 9 вер.	2 арш. 6 вер.	2 арш. 4 вер.
красной каразеи под кафтан	3 арш. 10 вер.	3 арш. 8 вер.	3 арш. 6 вер.
красной крашенины под кафтан и камзол	7 арш. 11 вер.	7 арш. 8 вер.	7 арш. 6 вер.
белого холста под камзол	4 арш. 4 вер.	4 арш. 2 вер.	4 арш.
клеенки на кафтан и камзол	1 арш.	1 арш.	1 арш.
синего гаруса	1½ зол.	1½ зол.	1½ зол.
красного гаруса	1½ зол.	1½ зол.	1½ зол.
синих ниток	½ пятинки	½ пятинки	½ пятинки
красных ниток	½ пятинки	½ пятинки	½ пятинки
кафтанных пуговиц	21 штука	20 штук	19 штук

камзольных пуговиц	21 штука	20 штук	19 штук
ЕПАНЧА			
василькового сукна	5 арш. 9 вер.	5 арш. 7 вер.	5 арш. 5 вер.
красной каразеи	2 арш. 2 вер.	1 арш. 14 вер.	1 арш. 13 вер.

* Таблица составлена: РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1321. Л.258-258 об.

В дальнейшем новые вседневные кафтаны и камзолы на весь полк строились каждые два с половиной года: к 1 января 1736, 1 июля 1738, 1 января 1741, 1 июля 1743, 1 января 1746, 1 июля 1748, 1 января 1751, 1 июля 1753, 1 января 1756, 1 июля 1758 и 1 января 1761 гг. Епанчи делали вдвое реже (один раз в пять лет): к 1 июля 1738, 1 июля 1743, 1 июля 1748, 1 июля 1753 и 1 июля 1758 гг.

Нормы отпуска материалов на изготовление этих вещей за 30 лет правления Анны и Елизаветы успели смениться дважды:

РАСКЛАДКА ВЕЩЕЙ И МАТЕРИАЛОВ НА ВСЕДНЕВНОЕ ОБМУНДИРОВАНИЕ НИЖНИХ СТРОЕВЫХ И НЕСТРОЕВЫХ ЧИНОВ В 1736–1748 гг.*	
КАФТАН	
василькового сукна	3 арш. 12 вер.
красного сукна на воротник и обшлага	4 вер.
красной каразеи в спину и под полы	3 арш. 12 вер.
красной крашенины в фалды, рукава и карманы	4 арш. 8 вер.
клеенки под пуговицы, петли и клапаны карманов	1 арш.
синего гаруса	2 зол.
медных кафтанных пуговиц	1¾ портища (21 штука)
КАМЗОЛ	
красного сукна	2 арш. 4 вер.
красной крашенины под полы	3 арш. 8 вер.
белого холста в спину, рукава и карманы	4 арш. 8 вер.
клеенки под пуговицы, петли и клапаны карманов	8 вер.
красного гаруса	1½ зол.
медных камзольных пуговиц	1¾ портища (21 штука)
ЕПАНЧА	
василькового сукна	6 арш.
красной каразеи	2 арш.
медные крючок с петлею	1 пара
синих ниток на весь мундир	½ пятинки
красных ниток на весь мундир	½ пятинки

* Таблица составлена: РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.8. Л.249 об.-250; Д.10. Л.42 об.-44; Д.524. № 69; Д.526. № 42; Д.530. Л.12-16; Д.532. Л.267-272 об.; Д.534. Л. н/н.; Д.1191. Л.194-195; Д.1201. Л.584-584 об.; Д.1203. Л.470 об.-472.

РАСКЛАДКА ВЕЩЕЙ И МАТЕРИАЛОВ НА ВСЕДНЕВНОЕ ОБМУНДИРОВАНИЕ НИЖНИХ СТРОЕВЫХ И НЕСТРОЕВЫХ ЧИНОВ В 1751–1761 гг.*			
	РОСТ		
КАФТАН	ПЕРВЫЙ (от 2 арш. 10 вер.)	СРЕДНИЙ (от 2 арш. 9 вер.)	МЕНЬШИЙ (от 2 арш. 8 вер.)
василькового сукна	4 арш. 4 вер.	4 арш. 2 вер.	4 арш.
красной каразеи под полы	3 арш. 15 вер.	3 арш. 15 вер.	3 арш. 15 вер.
красной крашенины в фалды, рукава и карманы	4 арш. 8 вер.	4 арш. 8 вер.	4 арш. 8 вер.
клеенки под петли и пуговицы	1 арш. 3½ вер.	1 арш. 3½ вер.	1 арш. 3½ вер.
синего гаруса	2½ зол.	2½ зол.	2½ зол.
кафтанных пуговиц	1¾ портища**	1¾ портища	1¾ портища
КАМЗОЛ			
красного сукна на камзол, воротник и обшлага кафтана	2 арш. 11 вер.	2 арш. 10 вер.	2 арш. 8 вер.
красной крашенины под полы	3 арш. 8 вер.	3 арш. 8 вер.	3 арш. 8 вер.
белого холста в спину, рукава и карманы	4 арш. 8 вер.	4 арш. 8 вер.	4 арш. 8 вер.
клеенки под петли и пуговицы	9 вер.	9 вер.	9 вер.
красного гаруса	1½ зол.	1½ зол.	1½ зол.
камзольных пуговиц	1¾ портища**	1¾ портища	1¾ портища
ЕПАНЧА			
василькового сукна	6 арш.	6 арш.	6 арш.
красной каразеи	2 арш.	2 арш.	2 арш.
медные крючок с петлею	1 пара	1 пара	1 пара

* Таблица составлена: РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.537. № 162; Д.544. Л.292-292 об.; Д.547. Л.23-24; Д.1206. Л.185-190 об.; Д.1217. Л.233; Д.1227. Л.118-119.

** С 1758 г. на мундиры всех ростов полагалось по 19 кафтанных и 17 камзольных пуговиц.

Все перечисленные в таблицах материалы, за исключением пуговиц, покупались при постройке каждого нового комплекта обмундирования. Последние, напротив, в качестве бессрочных вещей продолжали использоваться до прихода в полную негодность. Позолоченные пуговицы с вензелями Анны Иоанновны, отпущенные на первый комплект вседневных кафтанов и камзолов в 1733 г., переходили с мундира на мундир, предварительно вычищаясь (позолоту не возобновляли), вплоть до начала правления Елизаветы, когда были сняты и заменены гладкими, частично споротыми со старых парадных мундиров, частично изготовленными вновь[117]. Эти пуговицы продолжали службу еще полтора десятка лет, пока на смену им в середине 1758 г. не пришли новые, сделанные дмитровским купцом Павлом Толченовым *«из самой хорошей желтой меди, и как в ушках, так и в прочем самою доброю, прочною и чистою полированною работою»*[118].

Покрой отдельных деталей кафтанов и камзолов мог меняться при постройке каждого нового комплекта форменных вещей. Основную часть сведений об этом содержат приказы по полку. Ниже мы приводим все обнаруженные нами подробности в хронологической последовательности.

Приказом от 16 декабря 1735 г. кафтаны было велено делать длиной на два с половиной вершка выше колен, камзолы — на четыре вершка, *«а шириною по препорции каждого ж человека. Кафтаны ж сшить о четырех фалдах, точию б были те фалды глубже прежнего мундиру, ибо ныне на каждый кафтан сукна против оных прежних прибавлено по пяти вершков. А рукава, как у кафтана, так и у камзола, сшить узкие, точию б каждому ж человеку можно было свободно действовать при экзерциции, а длиною кафтанные не допуская до кисти на два вершка, а камзольные малым того короче. А петли прорезать по борту длиною петля от петли на каждом кафтане и камзоле всякого росту равные, по числу пуговиц, а именно на кафтанах положить на борт пуговиц большому по четырнадцати, среднему по тринадцати, меньшему по двенадцати пуговиц, да на карманы и фалды по восьми, а на камзолы на борт же большому по пятнадцати, среднему по четырнадцати, меньшему по тринадцати, да на карманы и на плечо по семи, а к рукавам не класть»*[119].

В начале 1736 г., когда в ротах приступили к пошиву новых вещей, требования к покрою несколько изменились. Кафтаны и камзолы было велено делать еще короче, а их рукава, напротив, немного длиннее. Другим стало и количество пуговиц по борту. Приказ от 7 февраля 1736 г. гласил: *«…Кафтаны под рез полы от колена три вершка, а камзолы под рез полы ж от колена пять вершков, а шириною по препорции ж каждого ж человека. Кафтаны ж сшить о четырех фалдах, точию б были те фалды глубже прежнего мундира, а рукава, как у кафтана, так и у камзола, сшить шведским манером — узкие, токмо б каждому ж человеку можно было свободно действовать при экзерциях, а длиною кафтанные не допуская до кисти на полтора вершка, а камзольные малым того короче. А петли сделать по борту длиною петля от петли на каждом кафтане и камзоле всякого росту равные, по числу пуговиц, а именно положить тех пуговиц на кафтанах на борт большого росту по тринадцати, среднего и меньшего по двенадцати и по одиннадцати, да на карманы и фалды по восьми, а на камзолы на борт же большому по пятнадцати и по четырнадцати, а среднему и меньшему по четырнадцати и по тринадцати и по двенадцати и по одиннадцати, смотря по возрасту ж каждого человека, да на карманы и на плеча по семи, а к рукавам, как к кафтанным, так и к камзольным, не класть. Також нестроевым положить на тот мундир пуговицы с ветхого их мундиру прежние ж гладкие, а не рейтарские, кои с именем Ее Императорского Величества»*[120].

В марте 1738 г. предписывалось *«в фалдах кафтан шить не меньше, как в три вершка в нижнем конце, и ежели будет выходить из [определенной меры] сукна, то и более, и быть по четыре фалды, а кроить кафтан в длину, как на колени станет, от земли в полтретья вершка, а камзол в пять вершков, також бы фалды по мере каждого стану не низко б были, ибо оные еще обтянутся, а воротникам и обшлагам закройщики имеют меру»*[121].

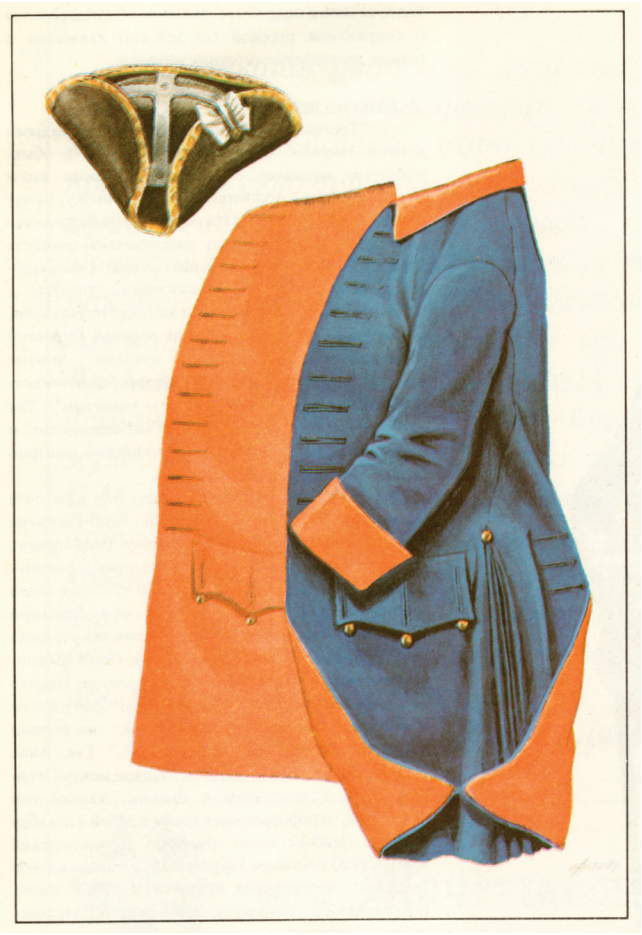
Приказом от 2 октября 1738 г. в каждой роте было велено сделать по одному образцовому рейтарскому кафтану и камзолу *«длиною по мере каждого человека, кафтаны в отделке под рез полы от колена в три вершка без четверти, а камзолы под рез полы ж от колена в полшеста вершка. Рукава у кафтанов длиною ж не допущая по руке до кисти у каждого человека на полтретья вершка, а камзольные малым короче того, а шириною как кафтаны, так камзолы и рукава по препорции каждого ж человека, и кафтаны ж сшить о четырех фалдах и не мелкие. Петли прорезать и обшить гарусом, по борту шириною и длиною петля от петли на каждом кафтане и на камзоле всякого росту равные, по числу пуговиц, а именно на кафтанах положить на борт большого росту людям по двенадцати, среднего по одиннадцати, меньшего по десяти пуговиц, да на карманы и фалды по восьми, а на камзолы на борт же большому [человеку] по тринадцати, среднему по двенадцати, меньшему по одиннадцати, да на карманы и на плечо по семи, а к рукавам не класть… також и воротники у кафтанов сделаны ж были б в препорцию ж каждого человека»*[122].

Через несколько дней, по приказу от 10 октября 1738 г., для людей большого и среднего роста кафтаны было велено делать длиной на три вершка выше колен, камзолы — на шесть вершков, для малорослых — выше на два с половиной и пять с половиной вершков соответственно. Кроме того, кафтаны и камзолы для малорослых предписывалось кроить *«как в ширине, так и в длине и в рукавах с довольными запасами, дабы впредь можно было тот с малорослых рейтар мундир сняв, переделать на великорослых рейтар же без всякого повреждения»*[123].

В дальнейшем столь подробных описаний, увы, не составляли. Сведения о покрое вещей, строившихся в елизаветинские времена, сохранились весьма отрывочные. Известно, например, что при пошиве мундиров по срокам 1746 и 1748 гг. (а также, видимо, и в дальнейшем) пуговиц по борту кафтанов и камзолов ставили одинаковое количество: у людей большого роста по 12 штук, среднего — по 11, меньшего — по 10[124]. В ноябре 1745 г. подполковник граф Алексей Разумовский приказал сделать на новых камзолах небольшие васильковые обшлага и воротнички из обрезков сукна, остающихся при кройке кафтанов (до каких пор их носили, нам неизвестно)[125]. При изготовлении новых вещей по срокам 1756 и 1761 гг. кафтаны было велено делать длиной на три вершка выше колен, а камзолы — на четыре вершка короче кафтанов[126]; по сроку 1758 г. — на два и на четыре вершка соответственно[127].

Вне строя конногвардейцев также заставляли выглядеть подобающим образом. Так, приказ от 29 сентября 1744 г. гласил: *«…Напредь сего всегда обыкновенно полку лейб-гвардии [в] Конном рейтары и прочие служащие чины содержали себя как в мундире с амуниц[ею], так и во всяком убранстве в надлежащей чистоте. А ныне усмотрено, что отпущенные в город рейтары ходят запросто — не убрав волосов в косы и мундир где подрался не починивши, что ко оным весьма в ротах за служащими смотреть, дабы*

Мундир и шляпа рейтара лейб-гвардии Конного полка. 1731–1741 гг.
Реконструкция С.А. Летина

Единственная серьезная неточность этой реконструкции — каскет на шляпе. Также не хватает синей гарусной *«петли»* на плече кафтана и, если это парадный мундир — малого размера камзольных пуговиц на обшлагах (вседневные кафтаны обходились без них).

Трубач и унтер-офицер лейб-гвардии Конного полка в парадных мундирах. Конец 1730-х — начало 1740-х гг.
Реконструкция С.А. Летина

Парадные чепраки и чушки трубачам полагались точно такие же, как у рядовых рейтар — из красного сукна, с широким золотым позументом по краям и выложенными *«самым узким»* позументом императорскими вензелями; бахромы на них не было. В остальном представленная реконструкция трубаческого мундира вполне заслуживает право на существование.
Ни колетов, ни кирас, ни каскетов конногвардейцы не имели. Также вполне вероятно, что до 1754 г. нижние чины не носили и темляков. Парадная амуниция к середине 1730-х гг. стала выбеливаться мелом. Ножны шпаг и у офицеров, и у нижних чинов были обтянутые белой кожей. На обшлагах не хватает камзольных пуговиц. Кроме того, неверно показана расшивка позументом (два ряда на обшлагах). В 1730-е гг. на парадных кафтанах унтер-офицеров он нашивался в один ряд по борту, воротнику, обшлагам и карманным клапанам.

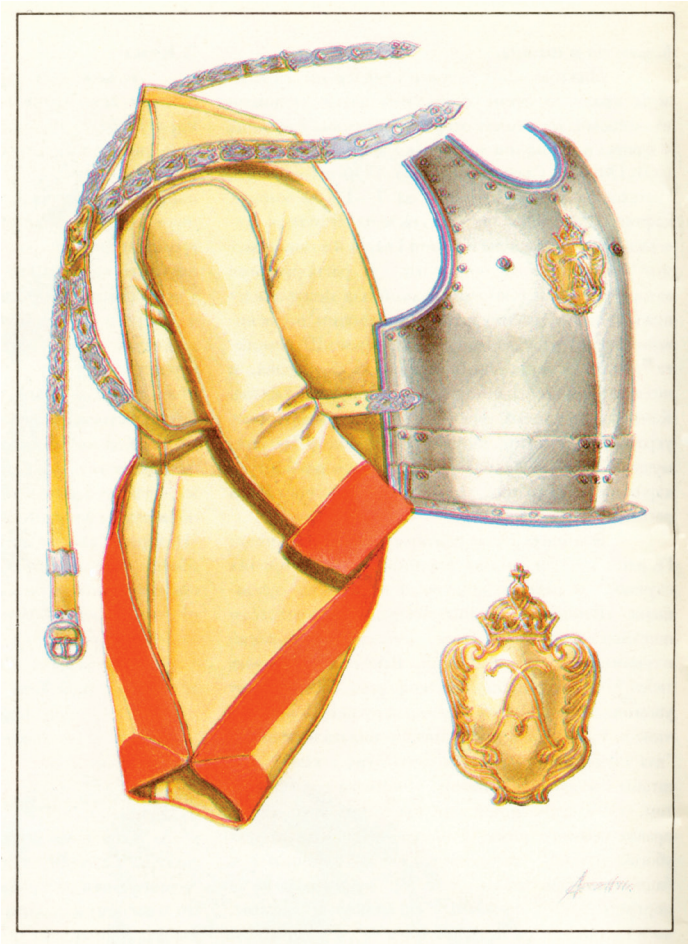
оные как всегда обыкновение имели от того непременно находились во всякой чистоте и в убранстве, и мундиры б на них были чисты и целы, и волосы б имели в косах и убраны. И для того кто из них проситься будет в город, сиих прежде не отпускать, пока они чрез унтер-офицера усмотрены будут, что в убранстве состоят исправны, а запросто ходить не токмо в город, но и при полку по улицам не велеть»[128].

Подобные приказы выходили достаточно регулярно. В приказе от 7 апреля 1753 г. вновь отмечалось, *«что многие рейтары и прочие нижние чины носят на шеях вместо галстуков платки и ходят по улицам в шубах и в туфлях и не убранными волосами, что есть весьма непорядочно»*[129]. А вот выдержка из приказа от 26 декабря 1755 г.: *«…Усмотрено дежур-майором, что командированные на недельный караул к его высокопревосходительству господину генерал-аншефу, лейб-гвардии Конного полку подполковнику и кавалеру Юрью Григорьевичу Ливену рейтары на тот караул ходят в шапках и в нагольных шубах, и волосы не пудрят, и весьма не в убранстве, и те шубы прикрыты только одними епанчами. Також многие рейтары по улицам ходят в шубах же и не в убранстве, что по толь знатному полку весьма неприлично есть. А как довольно отданными в полк приказами подтверждаемо было, дабы полковые нижние чины ходили как надлежит по чину своему в убранстве и волосы б подвивали б и пудрились, того ради и еще сим наикрепчайше подтверждается, дабы все полковые нижние чины отнюдь в шубах и не в убранстве, в силе прежних приказов, не ходили. А ежели кто усмотрен будет на караул или куда в другое место идущий в шубе и не в убранстве, за оное имеют жестоко штрафованы быть»*[130].

Еще одним нарушением регламента являлась самовольная переделка вещей. Так, умерший в феврале 1745 г. рейтар Иван Греченинов в числе прочих вещей оставил после себя васильковую епанчу с рукавами, *«которая де им самовольно перешита»*[131].

Штаны и перчатки

Штаны из *«доброй и ровной»* козловой кожи замшевой выделки (обычно документы называют их просто *«замшевыми»*) имели холстинную подкладку под поясом. Пуговицы, которыми застегивались *«банты»* (лацбанты) и пояса, были деревянные, обтянутые замшей[132]. Подробностей относительно покроя штанов известно не слишком много. Требовалось, чтобы они гладко сидели по ляжкам[133], но в то же время не были узки *«как в ширинках, так и на ногах к коленям»*, ибо узкие штаны скорее изнашивались[134]. Кроме того, контракты обязывали подрядчиков делать штаны *«полные и цельные, без наставок в соплях и ширинках, разве по необходимости в огузе, и то с одними, а не многими наставками»*[135]. В феврале 1733 г. купец Иван Русинов предлагал сделать для полка полный комплект штанов с двумя холщовыми карманами по бокам, причем если *«на оных штанах по сторонам прострачивать змейками»*, они оценивались в один рубль, а *«без строчек»* — только в 80 копеек[136]. Контракты, заключенные 20 лет спустя, столь же небогаты интересующими нас

Колет и кираса рядового лейб-гвардии Конного полка. 1731–1741 гг.
Реконструкция С.А. Летина

Ни при Анне, ни при Елизавете лейб-гвардии Конный полк не носил ни колетов, ни кирас, ни даже каскетов на шляпах. В первой половине 1740 г. шла переписка о заготовлении для Конной гвардии лосиных колетов взамен парадного мундира, однако закончилось это ничем. Указом Кабинета министров от 29 апреля 1740 г. все принятые к тому моменту лосиные кожи было велено возвратить поставщикам, а полку — иметь мундир прежнего образца. РГАДА. Ф.248. Оп.17. Кн.1107. Л.745-757 об.; РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.468. Л.34-35.

деталями. Так, в июне 1753 г. мастера штанного и перчаточного дела Самуил Форшман (Forsman) и Карл Фридрих Гилбрант (Hüldebrandt) подрядились сделать 1.138 штанов *«манером против данных им из полковой канцелярии… а замши б были плотные, мягкие, из ревельских козлиных кож»*[137]. Все штаны на этот раз предписывалось сшить большой руки, с холстинной подкладкой под поясами и лацбантами[138]. Контракты на изготовление таких же штанов полк заключал в мае 1755, феврале 1757 и ноябре 1759 гг.[139] 4 июня 1762 г. для полка впервые были подряжены штаны из лосиной кожи «*с подложением под пояс замшевою подкладкою*»[140]. Подобно шляпам и офицерским шарфам, вновь сделанные штаны становились *«парадными»*, а старые переводились в разряд вседневных.

Кожаные перчатки состояли из двух основных деталей: *«ладоней»* и *«обшлагов»*. Первые непременно были *«замшевые»*, вторые — *«лосиные»*. Подполковник Ягужинский осенью 1731 г. приказал делать перчатки *«против саксонских»*[141]. О имеющихся в полку образцовых саксонских перчатках известно, что у них были *«круглые»*, то есть с закругленными концами, обшлага[142]. В 1732 г. дерптскими мастерами строились перчатки с *«большими»* обшлагами из *«лосиных обрезков»*, оставшихся от выкройки перевязей и портупей[143]. В 1750 г. подрядчики обещали сделать новые штаны и перчатки *«из самых добрых, чистых, плотных, белых и мягких козлиных замш, а на перчатках обшлага лосиные замшевые, и подшить те обшлага снизу желтою крашениною»*[144].

Кроме обычных перчаток, в холодное время разрешалось носить рукавицы. Так, один из пунктов приказа от 4 января 1737 г. гласил: *«…завтрешнего ж числа быть полковому строю пехотою в парадном мундире, без ружья, а собраться оному строю перед полковым двором, пополудни во 2-м часу, а унтер-офицеры и рейтары были б в теплых рукавицах»*[145].

Обувь

Обувью строевых чинов были смазные тупоносые *«строевые»* сапоги *«немецкой работы»*. На выкройку голенищ и голов требовались *«самые добрые, мягкие, плотные и ровные»*, на раструбы — *«толстые»* яловичные, на подошвы — английские пумповые кожи[146]. Голенища сапог надлежало подвязывать под коленями и *«гладко»* вытягивать на ногах, а раструбы поднимать до *«самого колена»*. Если голенища оказывались широки, для достижения требуемой гладкости рейтары обматывали ноги онучами, либо же клали внутрь своих сапог солому[147]. Приказ от 21 декабря 1738 г. обязывал всех нижних строевых чинов *«к приходящему новому году»* иметь сапоги с большими раструбами[148]. Высота каблуков в 1730-е — начале 1740-х гг. определялась в один вершок[149]; в 1753 г. каблуки к новым сапогам было велено делать *«величиною и вышиною против образцовых, не свышее полутора вершка, и из цельного товару, крепкою работою, и поверх оных каблуков класть кожу пумповую самую толстую российского дела в два ряда»*[150]. Железные луженые шпоры с такими же пряжками и цепочками, пристегивались к сапогам при помощи кожаных клапанов-нашпорников. 13 мая 1755 г. всему полку было приказано *«чистить*

те шпоры шомполом и наводить на них глянец»[151]. Носились сапоги с белыми полотняными штибель-манжетами.

25 апреля 1762 г. мастера сапожного дела Карл Мориц, Яган Фридрих Бем, Мартын Ланганц, Яган Балк и Фридрих Кетнер заключили контракт на изготовление 1.111 пар строевых смазных тупоносых сапог из русского яловичного товара, с пумповыми английскими подошвами и *«потребными»* нашпорниками, *«во всём против… образцовых двух пар сапогов, с разделением таковым: против первых — голенищи, головы и раструбы из самых добрых русских яловичных кож, и у закаблучника стрелки из двойной яловичной же кожи, и чтоб где шпоры лежать будут, исподней той стрелки ремень был из толстой и крепкой кожи, и кляпышек, который сверх шпор будет лежать, дабы они вверх не поднимались, против образцового делать побольше и толще; а против других — аглинские пумповые подошвы со обыкновенными стельками, с двойною вервою подшивкою, без подложения под подошвы бересты и лубка. И каблуки ставить у всех тех сапогов во всём неотменно, и чтоб оные мерою были и с накладкою на те каблуки двух целых рядов аглинской пумповой толстой кожи, не более высотою полутора вершка, также и те каблуки набирать из целого товару, а не из лоскутья, а нашпорники из хорошей средней толстой лощеной кожи… раструбы из добрых толстых выбитых яловичных кож»*[152]. Отдать готовые сапоги в полк следовало через полгода — к 1 ноября.

В декабре 1731 г. подполковник Траутфеттер предлагал сделать рейтарам башмаки и кожаные штиблеты для сбережения сапог, но осуществлено это, скорее всего, не было[153].

Рабочая и караульная одежда

При работе на конюшнях и в полку взамен мундиров и шляп рейтары надевали каламенковые колпаки и балахоны, застегивающиеся деревянными (видимо, обтяжными) пуговицами (изначально балахоны предполагалось шить из крученого полотна)[154]. Четко установленного срока службы эти вещи, судя по всему, не имели. Определением полковой канцелярии от 11 мая 1762 г. на 1.000 рейтар было велено построить новые белые каламенковые балахоны и колпаки. Помимо самогò каламенка (приобрели его 7.250 аршин), на каждый балахон требовалось по одному аршину клеенки под петли, полтора аршина подкладочного холста и 22 точеных деревяшки на пуговицы. Колпак (иногда его называли просто *«шапкой»*) имел красную шерстяную кисточку и *«опушку»* из красного сукна, оставшегося от постройки мундиров[155].

Часовые в зимнее время надевали поверх мундира овчинные тулупы. В ноябре 1750 г. их было куплено 18 — по числу постов на гауптвахте. Уже в полку 13 тулупов покрыли серым понитком, пять — синим сукном, оставшимся от мундирного строения[156]. К августу 1757 г. *«от долговременного ношения и бывающей мокроты»* все они истрепались настолько, что уже не подлежали починке. На изготовление новых тулупов в добавок к недостающему (часть материалов взяли от старых вещей) было куплено 128 овчин большой руки,

84½ аршина фламского полотна на покрытие 13 тулупов, 24 аршина васильковового сукна на покрытие четырех тулупов (на один тулуп хватило старого сукна), 18 пятинок суровых ниток и 50 игл[157].

Оружие

Вооружение рейтара состояло из карабина, шпаги и пары носимых в седельных ольстрах пистолетов. Унтер-офицерам, капралам, трубачам, литаврщику, его ученику, писарям, цирюльникам и полковому профосу полагались только пистолеты и шпаги (нестроевые чины получали их из числа старых).

Первый комплект оружейных вещей для лейб-гвардии Конного полка — 1.000 *«малых»* карабинов, 1.100 шпаг и 1.113 пар пистолетов — *«торговый иноземец»* Еремей Мейер выписал *«из немецких краев»* (а точнее, Голландии) в 1731 г.[158]

Итак, сделанные в Голландии карабины и пистолеты имели *«станки»* (ложи) из орехового дерева, медный прибор и деревянные (видимо, также ореховые) шомпола. Калибр тех и других был меньше, чем у драгунских фузей отечественного производства[159]. Общая длина карабина составляла 1 аршин 11 вершков, длина его ствола — 1 аршин 3 вершка. Пороха на каждый карабинный патрон отпускалось по три (по другим сведениям два) золотника, на пистолетный — по полтора[160].

Всего через несколько лет карабины *«голландского дела»*, не слишком удачные сами по себе*, оказались уже порядком изношены. В докладе на высочайшее имя от 22 сентября 1736 г. подполковник Траутфеттер писал о них: *«...весьма не видны и малы, и у замков пружины стали уже слабы и мягки, и многократно в экзерциициях случается, что по заряде многие напредь с первого взводу спускают, и от того в пальбе чинится частое помешательство и неисправность»*[161].

По числу карабинов были изготовлены необходимые к ним *«принадлежности»* — пыжовники с трещотками, замочные отвертки и роговые натруски с медными цепочками[162]. Последние (натруски) продолжали использоваться по крайней мере до 1748 г.,[163] а в апреле 1755 г. пошли на продажу вместе с другими старыми вещами, непригодными к дальнейшей службе[164]. Карабинные нагалища из черной юфтевой кожи в 1732 г. сделали по образцу фузейных — с вырезкой *«от замка»*[165]. Огнива карабинов закрывались специальными кожаными чехлами[166].

Рейтарские шпаги, выписанные из Голландии в 1731 г., имели кованые, точеные и полированные клинки, *«большие»* медные эфесы с обмотанными медной проволокой грифами[167] и так называемые *«двойные»* ножны с *«исподом»* из черной, а *«верхом»* из белой кожи[168], металлический прибор которых

* Из рапорта Траутфеттера Ягужинскому от 24 октября 1731 г.: *«...выписанные из-за моря купцом Меэром карабины [и] пистолеты, оных похвалить не можно, ибо впредь оные карабины и пистолеты и сам своею особою ваше сиятельство усмотреть соизволите».* РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.579. Л.273 об.

включал медные крючок и наконечник. Эфесы предполагалось вызолотить, но цена этой работы — мастера просили по три рубля за каждый эфес — была сочтена слишком высокой[169]. Темляков на шпагах до середины 1750-х гг. рейтары, по-видимому, не носили вовсе. В 1732 г. вырезанные из лосиной кожи темляки были сделаны в количестве всего 200 штук — для одного эскадрона, командированного в Санкт-Петербург[170]. Подполковник Траутфеттер, например, считал их для рейтар вещью вообще не нужной[171].

В 1737 г. мастера Сестрорецких заводов изготовили 1.000 новых карабинов с медным прибором *«да с шомполы, с пыжовники, с трещотки и с завертками замочными железными»*[172]. Образцом для них послужили состоявшие в Лейб-кирасирском полку саксонские карабины *«весьма к рейтарской службе способные и годные»*[173]. Помимо бо̀льшего размера, новые карабины должны были отличаться от прежних вырезанными *«надписями»*: *«на стволах — номеры да год, в котором будет сделано, и еще литеры о звании полку против сего: ЛГ КП; потому ж и в наличниках* (щитках на шейке прикладов. — *Авт.*) *высочайшее имя Ее Императорского Величества под короною»*[174]. Вместе с карабинами в полк поступило пять медных форм[175] *«о двадцати пулях»* каждая*.

В феврале 1737 г. командир отправленной в Крымский поход трехротной команды премьер-майор Юрий Ливен потребовал сделать к рейтарским карабинам такие же, как у солдатских ружей скобки и ремни[176]. Впоследствии погонные ремни имели все карабины, состоящие в полку. В 1741 г., вместе с новой вседневной амуницией, было подряжено 1.000 карабинных ремней из красной юфтевой кожи[177].

Стрелять боевыми патронами конногвардейцам доводилось нечасто. Как свидетельствуют приказы по полку, еще в августе 1741 г. в ротах состояли патроны с пулями, вылитыми для *«малых»* голландских карабинов[178]. Во избежание, как говорят сегодня, внештатных ситуаций, и на учениях, и на смотрах пальба велась в основном холостыми патронами. В августе того же 1741 г. пули было велено лить с шейками — такие пули, в отличие от просто круглых, привязывались к патронам снаружи, что позволяло сразу отличить боевой патрон от холостого[179].

К началу 1750-х гг. и карабины, и состоявшие в полку *«с начала его учреждения»* пистолеты и шпаги пришли в *«крайнюю негодность»*. Определением полковой канцелярии от 21 декабря 1752 г. полный комплект нового оружия было решено сделать на Тульских заводах[180]. Командированный туда для наблюдения за ходом работ корнет князь Александр Голицын распрощался со столицей на полтора с лишним года. Лишь в августе 1754 г., будучи уже в чине подпоручика, князь привез в полк 1.000 карабинов, 1.111 пар пистолетов, 1.111 шпаг, а также 20 железных карабинных и пистолетных форм. Калибр

* В начале 1754 г. новые формы для оружейных вещей, очевидно, предполагалось сделать по образцу именно этих: *«…форм с ручками зеленой меди, в каждый шквадрон пистолетных по одной, карабинных по одной же, в коих бы было мест в каждой карабинной и пистолетной по двадцати, и в средине бы тех форм для стягивания надлежащие винты были»*. РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1213. Л.90.

новых карабинов и пистолетов был несколько меньше, чем у прежних[181]; прибор — медный, ложи — из волнистого березового дерева, шомпола — железные с медными головками; у карабинов золотились налобники, у пистолетов — *«налобки»* и гвозди[182]. По крайней мере с 1759 г. карабинные и пистолетные ложи красили *«крепкой водкой»*, отпускавшейся из Медицинской канцелярии[183]. Шпаги имели медные эфесы *«с золочеными грифы»* и кожаные ножны, прибор которых включал медные крючок и наконечник. За месяц до получения нового оружия, в июле 1754 г., нижним чинам раздается 1.138 темляков, вырезанных *«из доброй, плотной, мягкой и чистой и неворсоватой лосины»*[184].

Новое оружие было распределено между ротами по порядку номеров. Рейтары первой роты получили карабины, пистолеты и шпаги с №№ 1–100, второй роты — №№ 101–200, третьей — 201–300 и т.д. Шпаги и пистолеты унтер-офицеров, капралов и трубачей в каждой из рот клеймились одинаково: в первой — «1 Р», во второй — «2 Р» и т.д. Литаврщик, числившийся при унтер-штабе, имел шпагу и пистолеты с персональной маркировкой — «Л».[185]

В апреле 1762 г. командир полка герцог Голштинский приказал сделать для офицеров и нижних чинов тесаки взамен привычных шпаг. Судя по описанию, посланному на Тульские оружейные заводы вместе с образцовым тесаком, разница между офицерскими и рейтарскими вещами была невелика (на эфесах последних отсутствовала позолота и, кроме того, отличались надписи на клинках):

«…Штаб- и обер-офицерам шестьдесят три тесака, во всём против приложенного при всём образцового тесака, с принадлежащими к ним медными эфесами и на оных крыжами и грифами, так, чтоб все сделаны были самою чистою работою, единственно как в препорции, так и резьбою на крыжах, из хорошей меди, с прочною и густою оных эфесов и крыжей позолотою. К ним ко всем клинки против оного ж образцового ни в чём неотменно, как в длине, так и широте, из доброго и не кропкого железа, с наилучшею полировкою. На оных клинках надписать на каждом на одной верхней стороне от эфеса «лейб-гвардии Конного полку», а на другой, нижней стороне, «офицерские». На оные клинки ножны во всём против образцовых же, как манером, так в доброте кожи и в принадлежащем с кольцами приборе из лучшей стали, и выполировать.

Для унтер-офицеров, капралов и рейтар тысяча сто одиннадцать тесаков во всём против вышеписанного образцового в эфесах, клинках и в ножнах сходственные, без всякой отличности, только у оных эфесы и крыжи без позолоты, но оные эфесы и крыжи были б сделаны из доброй меди, чистою работою, с хорошею полировкою, и на всех клинках на одной верхней стороне надписать «лейб-гвардии Конного полку», а на нижней стороне для счету их надлежащие номеры поставить»[186].

Амуниция

Первый комплект парадной амуниции — 1.000 перевязей для ношения карабинов, 1.110 патронных лядунок с ремнями и 1.111 портупей — был сделан

Пистолет нижних чинов лейб-гвардии Конного полка. 1753 г.
(Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи)

Шомпола у этих пистолетов изначально были железные, с медными головками. Имеющиеся ныне деревянные сделаны позднее.

в 1732 г. Рейтарам полагались все вышеперечисленные вещи; унтер-офицерам, капралам, трубачам и литаврщику — только портупеи и лядунки (последней, вероятнее всего, не имел литаврщик). Писари, цирюльники, полковой профос и ученик литаврщика получали старые портупеи и лядунки.

Перевязи, портупеи и лядуночные ремни вырезались из *«чистой, плотной и не тонкой»* лосиной кожи. Ширина перевязи составляла три вершка без четверти, портупеи — два вершка без четверти, лядуночного ремня — по-видимому, вершок. С изнаночной стороны для укрепления краев все ремни подшивались узкой нитяной тесьмой, а затем, уже поверх нее, крашениной желтого цвета[187]. Металлический прибор перевязи включал медную позолоченную пряжку с медным шпеньком (шпеньками?) и железный погонный крюк со стальной пружиной[188]; на портупее были медные позолоченные пряжка с крючком и петля (она же подпряжник), на лядуночном ремне — медная не золоченая пряжка. Снаружи амуничные ремни украшал *«узкий»* золотой односторонний позумент полувершковой ширины. На карабинную перевязь его считалось 4 аршина 12 вершков, на портупею — 5 аршин 5 вершков (по другим сведениям 5 аршин 3 вершка), оба предмета окладывали позументом *«в два ряда»*; на лядуночный ремень — 2 аршина 5 вершков[189]. Пришивался позумент желтым шелком. Для предохранения позумента, на все амуничные ремни строились чехлы из черного *«вощаного полотна»* или же *«вощаной клеенки»*, подложенные синей крашениной и застегивающиеся на маленькие железные крючки и петли[190]. Приказом от 18 сентября 1732 г. перевязи и лядуночные ремни было велено иметь длиной по пуговицы *«на фалдах»* кафтана[191].

Новая парадная амуниция, окончательно доделанная к весне 1753 г., мало отличалась от прежней. 1.000 карабинных перевязей, 1.111 лядуночных ремней и 1.111 портупей, вырезанных из лосиной кожи, были подшиты нитяной тесьмой и желтой крашениной[192]. Из деталей металлического прибора на новой амуниции упоминаются медные позолоченные пряжки и железные крюки к перевязям, медные позолоченные пряжки и просто медные петли к портупеям; лядуночные ремни никакого прибора, кажется, не имели вовсе[193]. Позумент для обшивки этой амуниции был подряжен двухсторонний лионский, *«третьей широты»* — чуть у́же, чем на мундиры унтер-офицеров.

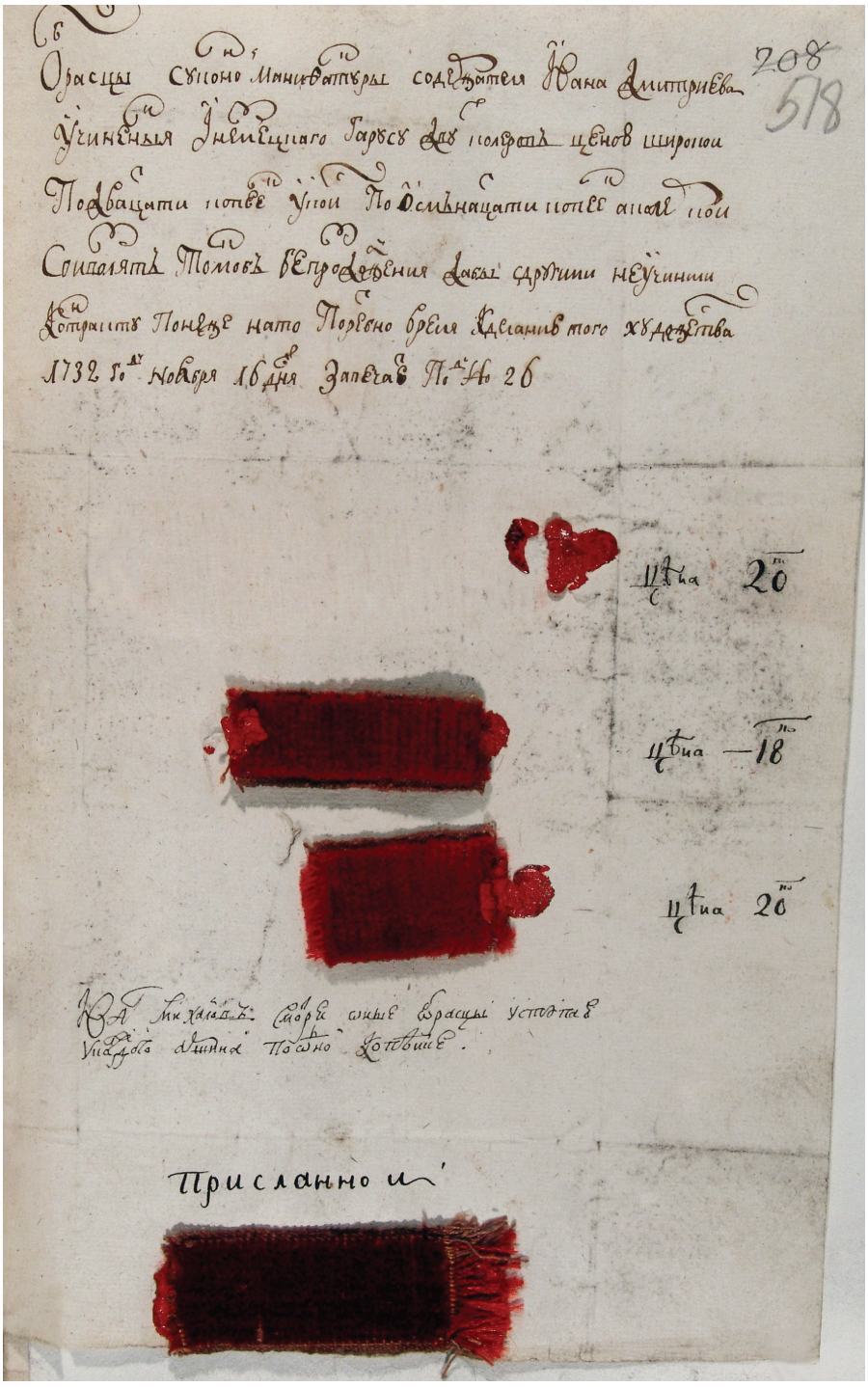
В 1731 г. состоявшие в полку перевязи, лядуночные ремни, портупеи и перчатки продолжали начищаться вохрой с добавлением мела (последнего надлежало *«додавать больше»*)[194]. К середине 1734 г. ременная амуниция, штаны и перчатки уже просто белились[195]. Приказом от 13 мая 1755 г. перевязи, портупеи, лядунки, лядуночные ремни и темляки было велено *«белить мелом с овчинным клеем, что долее держится и вид гораздо лучше»*[196].

С середины 1734 по 1754 г. наряду с парадной амуницией при полку состояли такие же, как у армейских драгун *«носильные»* (они же *«вседневные»* и *«расхожие»*) перевязи, портупеи и лядуночные ремни из яловичной кожи *«на лосиное дело»*. Металлический прибор на них не золотился, а вместо позумента был нашит триповый галун. В конце 1732 г. находившийся в Москве поручик князь Михаил Шаховской подрядил на все амуничные ремни 13.766 аршин *«широкого»* красного *«гарусного трипового»* галуна по цене 18 копеек за аршин[197]. Триповые

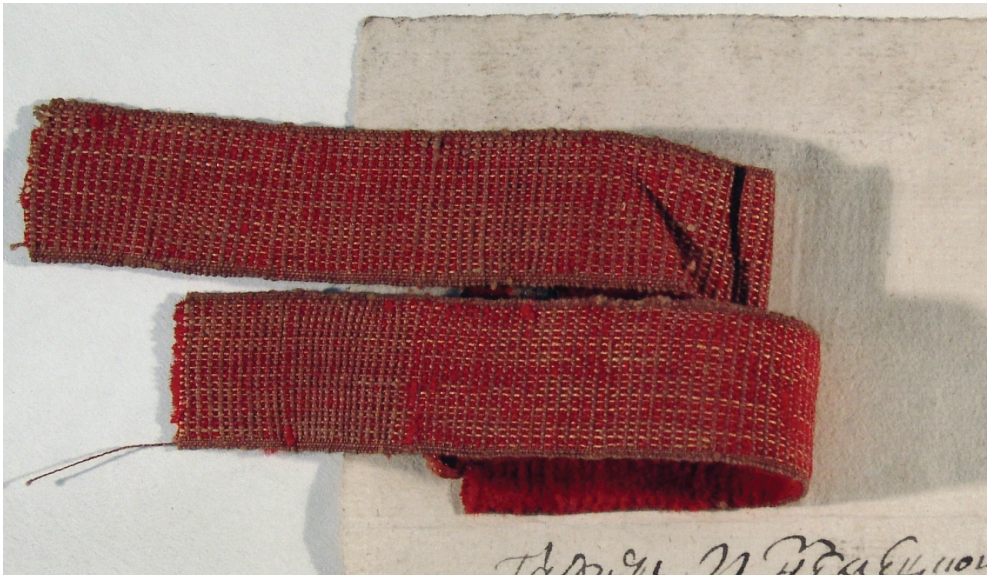
галуны, сделанные для новой амуниции в 1742 г., были на порядок дешевле и различались по *«сортам»*: галун для перевязей стоил девять копеек за аршин, для лядуночных ремней — восемь, для портупей — семь (цвет их неизвестен). Первого подрядили 4.750 аршин, второго — 2.359 аршин, третьего — 5.555 аршин, всего — 12.664 аршина[198]. Нетрудно рассчитать, сколько галуна расходовалось на каждый предмет: на перевязь — 4 аршина 12 вершков, на лядуночный ремень — 2 аршина 2 вершка, на портупею — 5 аршин ровно. Единственное, что не до конца понятно с этой амуницией — из каких именно деталей состоял ее металлический прибор. Лядуночные ремни, похоже, не имели его вовсе. Так, один из пунктов приказа от 5 июля 1734 г. гласил: *«…Носильные перевязи и портупеи и ремни лядуночные приказать принять в роты по прежнему приказу немедленно, и к тем перевязям и портупеям крюки и пряжки и запряжники и наконечники принять же, а к лядуночным ремням пряжек с наконечники и с запряжниками не принимать»*[199].

С середины 1754 г. в качестве вседневной амуниции использовались уцелевшие к тому времени старые парадные вещи, сделанные еще *«при учреждении полку»*. Предварительно все их потребовалось вымыть, вычистить, навести *«надлежащий лосиный цвет»*, обшить новой широкой нитяной тесьмой и желтой крашениной (а истончившиеся еще и холстом) с изнанки и *«разных широт»* гарусными *«полосатыми»* сине-красными галунами с наружной стороны[200]. На перевязь такого галуна выходило 4 аршина 12 вершков, на лядуночный ремень — 2 аршина 2 вершка, на портупею — 5 аршин (столько же, как в 1742 г.)[201]. Позднее эти нормы стали немного меньше. В 1761 г. на перевязи было приказано отпускать по 4 аршина 8 вершков гарусного галуна, на лядуночные ремни — по 2 аршина ровно, на портупеи — как и прежде по 5 аршин[202]. На перевязях и портупеях галун нашивался *«по краям»*, на лядуночных ремнях — *«посредине»* (последние, видимо, галун закрывал собой целиком)[203]. Нитяной тесьмы расходовалось примерно столько же — 4 аршина 8 вершков под перевязь, 2 аршина 1 вершок под лядуночный ремень; *«широтою же имеет быть та тесьма в один вершок и в три четверти вершка»* (очевидно, речь идет о двух видах тесьмы, различных по ширине)[204].

Основу лядунки составляла колодка из сухого липового дерева, с выточенными в ней гнездами для патронов. В июле 1733 г. имеющимся в наличии рейтарам было приказано *«поделать»* в каждую лядунку по 11 карабинных и 12 пистолетных патронов с пулями, *«и пороху класть в карабинный по два, в пистолетный по полтора золотника, и пулю запустя в патрон, закладывать бумагою, чтоб от той пули порох не отсырел»*[205]. Московский купец второй гильдии Алексей Логинов, в июне 1742 г. заключивший подряд на изготовление 1.110 новых лядунок точно по образцу предыдущих, — *«в таком же качестве, как и прежние ныне имеющиеся во оном полку сделаны были»*, — обещал просверлить в каждой колодке *«в одной половине по калиберу карабинов, а в другой по калиберу пистолет по одиннадцати, а обоих калиберов по двадцати по два гнезда»*. Урядники, капралы и трубачи носили в своих лядунках только пистолетные патроны. В колодке же обыкновенно вытачивалось и место под *«малую»* жестяную фляжку (*«жестянку»*) *«на держание масла»*[206].

Образцы сукна Миниватюры содержателя Ивана Дмитриева
Учиненныя Инфицкаго Гарбса для полотъ цвѣтов широкои
Подвацати потѣе узкои Осмнацати потѣе алой поли
Сукалятъ Томовъ безпродѣрения дабы другими неучинили
Хотящихъ Понеже ната Порвано время Исданиѣ того художества
1732 го Ноября 16 дня Запечат No 26
208
518
цвѣта 26
цвѣта 18
цвѣта 26
Присланно и

Образцы трипового галуна для обшивки вседневной амуниции. 1732 г.
(Российский государственный военно-исторический архив)

Ширина верхнего отрезка галуна, припечатанного к 518-му листу, составляет два сантиметра, двух других и утраченного — два с половиной. Оба отрезка на листе 518 а (сфотографированные с лицевой и оборотной стороны), имеют ширину два сантиметра восемь миллиметров.

Образцы гарусного галуна для обшивки вседневной амуниции. 1753 г.
(Российский государственный военно-исторический архив)

Три верхних «пробы» были представлены от переславль-залесского купца Захарова и московского купца первой гильдии Петра [Пи]лщикова (часть листа с началом фамилии утрачена) в мае 1753 г. Отрез, припечатанный внизу листа, по-видимому, является образчиком вседневного галуна, действительно употреблявшегося в полку на тот момент. Ширина лядуночного галуна составляет 30 миллиметров, перевязного — 38, портупейного — 22; четвертый фрагмент шириной 28 миллиметров. Все галуны двухсторонние, то есть затканные цветным гарусом по обеим сторонам белой нитяной основы, которая хорошо видна по краям. Образцы эти полковому начальству не приглянулись — в августе того же года контракт на изготовление галунов для обложения вседневной амениции получил рижский житель галунный мастер Яган Георгий Леиск.

Для *«лучшей прочности»* колодку *«вкруг»* оклеивали жилами, а затем обтягивали (нередко в документах говорится об оклейке) белой замшевой лосиной или *«самой лучшей»* козловой кожей, *«с потребными притом таковыми ж ремнями и помочьми»*. На концах этих ремней по бокам лядунки крепились две небольшие железные пряжки *«с вертлюжками»*. Крышек у лядунки было две. Первая, вырезанная из такой же, но более толстой кожи, что и сама лядунка, имела *«оторочку»* вокруг. При помощи тонкой медной проволоки к данной крышке пришивался медный позолоченный *«герб»* (он же *«доска»*) с *«выбивным»* изображением императорского вензеля. Вторая, более длинная и широкая крышка из черной юфтевой (козловой) или опойковой (телячьей) кожи, защищавшая *«от мокроты»* всю лядунку, пришивалась над первой. В обычное время эта крышка лежала поверх золоченой бляхи, а в торжественных случаях отворачивалась назад, за внутреннюю сторону лядунки[207]. Приказом от 1 сентября 1736 г. *«к лядункам»* было велено пришить петли, чтобы пристегивать их *«к камзольной пуговице»* во время пехотного ученья[208]. Медные золоченые доски *«с вензелями всевысочайшего имени»* к лядункам делались дважды — в 1732 и 1742 гг. На лядунки, изготовленные в начале 1750-х гг., переставили старые гербы, заново позолотив их, *«употребляя на каждую доску золота по получервонцу»*[209].

Каптенармусам полагались сумы из черных яловичных кож с лосиными ремнями[210].

Лошади и конский убор

Самым дорогостоящим украшением лейб-гвардии Конного полка были *«государевы рейтарские»* или же *«немецкие»* лошади. Офицеры, отправленные в Данциг и Гамбург в январе 1731 г., получили задание купить там *«добрых и рослых лошадей, которых бы бо́льшая часть была против датской кавалерии, и половина б была кобылиц, ежели не очень дороги, а другая меринов, а против ганноверской кавалерии было б лошадей на одну роту, ко усмотрению Ее Императорскому Величеству»*[211]. Цена такой лошади определялась в 40–55 курант-талеров[212]. *«По учиненным в полку проектам»*, для рейтар следовало приобретать *«во всём здоровых и крепких»* лошадей *«мерою»* (ростом) в 36–37 вершков и возрастом от четырех до семи лет[213]. Из всего многообразия лошадиных *«шерстей»* Конной гвардии подходило только две — вороная и каряя. Первоначально вороные лошади полагались и трубачам; позднее, с 1737 г., они ездили на серых и темно-серых лошадях[214]. В основном в полку состояли мерины, однако допускалось иметь и *«малое число»* кобыл. У нестроевых чинов (профосов, писарей, цирюльников, коновалов, слесарей, кузнецов и др.) были обычные *«драгунские»* лошади.

За внешностью вверенных им лошадей рейтарам приходилось следить ничуть не меньше, чем за своей собственной. Длинные волосы *«около морд и глаз»* выщипывались руками, волосы в ушах и щетки на ногах *«начисто»* выстригались ножницами. Перед парадами и заступлением в караул гривы заплетали, а подрезавшиеся в начале каждого месяца хвосты завязывали *«одним манером»*[215].

Первый комплект *«рейтарских»* седел и необходимого к ним прибора был сделан в Риге в 1732 г. Прибор этот составляли: пара пистолетных *«ольстредей»*, юфтевый чепрак, кожаные походные (видимо, тоже юфтевые) чушки, пеньковая подпруга с пристугой, паперсть, пахви, путлища с железными стременами, троки, мундштучное оголовье с поводами, юфтевая с поводами же подмундштучная уздечка, смык, и, только у рейтар, бушмат для карабина. Мундштучные удила были железные луженые, с цепочками и с медными бляхами. Пистолеты в ольстрах накрывались малыми *«капами»* из вощаного холста[216]. Наряду с обычными юфтевыми переметными сумами, унтер-офицеры, капралы, рейтары, трубачи и литаврщик имели специальные юфтевые же чемоданы *«для возки в тороках маршем»* суконных чепраков и чушек (речь о них пойдет дальше)[217]. *«Для вождения на водопой и к смотру и для проезду от настоев»* по числу немецких лошадей делались белые ременные сыромятные уздечки с двойными поводами, железными удилами и пряжками[218]. Недоуздок с двойными поводами, железными пряжками и кольцами, также вырезался из сыромятной кожи. На новых недоуздках, построенных в 1751 г., было по три пряжки и два кольца[219].

Иногда необходимые для изготовления конского убора вещи и материалы перечисляются в документах подробно. Так, в мае 1740 г. на дело 100 новых седел и стольких же мундштуков с уздечками и поводами полковым мастерам понадобилось: 55 больших толстых и 40 средних черных яловичных кож, 100 небольших черных телячьих кож, 30 толстых белых дубленых кож, 100 пеньковых веревочных подпруг, 100 аршин пеньковой веревочной или нитяной тесьмы под арчаки, 50 фунтов *«способных на дратвы»* ниток; 1.100 аршин ровного холста на оклейку арчаков, на подушки, ольстры и на пуки; 18 фунтов рыбьего (*«осетрья»*) и 200 фунтов мездринного (*«овчинного»*) клея, 30 фунтов лошадиных жил для оклейки передних и задних лук у арчаков, 100 медных головок *«на седлы»*, 10.000 средних и 30.000 мелких железных гвоздей, 15.000 гвоздей с медными головками, 600 небольших железных блях на оковку арчаков, 100 колец с небольшими цепочками и крючками на мундштучные смыки; 1.900 железных пряжек на мундштуки, паперсти, пахви и к ольстрам; 900 железных же пряжек бо̀льшего размера к подпругам, путлищам, бушматам; 400 фунтов лосиной шерсти для набивки пуков, а также вар на верви, купорос, конопляное масло, сало и воск на чернение *«окрайков»* у кож и ремней общей стоимостью 30½ копеек на каждое седло[220].

Еще одной принадлежностью седла были ременные троки с кожаными подушками. В октябре 1751 г. купец Иван Соловьев подрядился сделать 887 новых троков, подушки к которым вместо кожи обшивались холстом и *«крепкой»* крашениной, так как *«обложенная подушка кожею во время ненастий и от поту лошадиного может мокнуть, и когда высохнет, лошадей от скорбости саднит»*[221].

При Петре III кожаные переметные сумы заменяются красными суконными чемоданами. В конце мая 1762 г. *«ко обложениею оных по швам»* в Москве было приказано купить 4.300 аршин желтой полушелковой тесьмы[222]. Крепость арчаков у подряженных в том же мае месяце рейтарских седел проверялась

довольно жестким способом: *«ставя на них человека, и если от того уцелеют, таковые приказывать оклеивать… который же арчак при свидетельстве не вытерпит пробы и окажется негодным, таковых целыми у тех седельников не оставлять, а изломав или изрубя, приказывать бросить»*[223]. После «революции» 28 июня 1762 г. в Конногвардейский полк поступило немало голштинских лошадей, кирасирских седел и прочих вещей из Ораниенбаума[224].

Привыкшие к хорошему уходу и теплым конюшням, рослые и холеные *«немецкие»* лошади плохо подходили для реальной воинской службы. В 1737 г., перед отправлением к действующей армии в Крым, трехротная команда лейб-гвардии Конного полка, взамен *«настоящих»* рейтарских, получила лошадей, собранных для драгунских полков[225]. Из предметов конского снаряжения на квартирах в столице остались парадные чепраки и водопойные уздечки. В январе 1739 г., взамен изношенного *«чрез прошедшие две кампании»* и утраченного *«под Очаковым и в разных случаях во время маршев»*, полк затребовал для команды обычные драгунские седла со всем прибором, свалянные из овечьей шерсти войлоки с кожаными крышками, мундштуки с удилами и поводами, недоуздки и сермяжные попоны с ременными троками[226].

Унтер-офицерам, капралам, рейтарам, трубачам и литаврщику были положены парадные чепраки и чушки из красного сукна*, обшитые *«широким»* золотым односторонним позументом вдоль краев. В центре чушек и по углам чепрака *«самым узким»* золотым позументом и шнурами выкладывались императорские вензеля с коронами[227]. Позумент пришивался тонкими желтыми нитками, вензеля — желтым шелком. Подкладкой чепраку служили *«толстый»* холст и вощанка, чушкам — холст и синего цвета крашенина[228]. Задние углы у чепраков были закругленные[229]. Для хранения и перевозок в маршах на чепраки и чушки делались специальные чехлы из *«вощаной клеенки»*. Чехол к чепраку подшивался белым холстом (полотном), к чушкам — синей крашениной[230].

Новые парадные чепраки и чушки, сделанные в начале 1753 г., внешне мало отличались от предыдущих. Главным образом, разница между ними состояла в качестве использованных материалов. Позумент на новых чепраках и чушках был не одинарный, как прежде, а двойной, *«первой широты»* (такой же, как на шляпах и перевязях штандартов); на каждый чепрак его полагалось три аршина шесть вершков, на пару чушек — три аршина три вершка[231]. Вензеля с коронами *«и около их с лавровыми ветвьми»* (лавры, похоже, появляются впервые) подрядили вышитые двойным французским золотом, *«выжечным»* серебром и *«крепким»* шелком; отдельно в контракте с мастерами оговаривалось, что серебряную бить *«в коронах»* они заменят на *«кудрявое»* серебро[232]. Кроме того, новые чепраки имели небольшие ремешки для привязывания к подпругам, а чушки — пистолетные чехлы из суконных покромей. Определением полковой канцелярии от 26 августа 1755 г. для *«лучшего укрепления тех чепраков и чушек во время бываемых строев и конвоев к седлам»*, на чушки было велено при-

* Сначала их предполагалось сшить из василькового сукна, но так как чепраки и чушки офицеров, а также штандарты, камзолы, прибор и подкладка у кафтанов были красные, чепраки и чушки нижних чинов решили сделать того же цвета. РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.460. Л.7 об.-8.

шить ремни с варворками из мягкой яловичной кожи, а у чепраков *«подшить по углам и на средине кожею ж, и для пристегивания к подпругам сделать петли, и притом для лучшего укрепления те чепраки по краям, где выемка сделана к седлу, оторочить опойковыми ремнями»*[233].

Попоны для рейтарских лошадей в 1732 г. сшили красные байковые, подложенные толстым суровым холстом[234]. В 1736 г. вместо них были изготовлены новые попоны из серого сермяжного сукна с полотняной (холстинной) подкладкой[235]. С 1744 по 1753 г. в полку состояли красные попоны из овечьей шерсти, сделанные при конских заводах в Малороссии[236]. В 1753 г. вновь строятся сермяжные попоны, подбитые суровым холстом (того и другого материала на каждую попону выходило по семи вершков)*; длина их составляла два аршина пять вершков с третью[237]. Приказом от 2 августа 1753 г. старые красные попоны было велено сдать в полковой обоз, оставив лучшие из них для драгунских и подъемных лошадей[238].

Приказы по полку подробно описывали порядок пригонки конского снаряжения. Вот, например, выдержка из приказа секунд-майора Карла Бирона от 18 сентября 1732 г.:

«8. Мундштуки с удилами и уздечки, також и у мундштуков цепочки были б по лошади в препорцию, как прежде сего показано было. Також и переносный ремень застегивать крепко, а подшейный ремень опустить слабко, как прежде сего показано было.

9. Пахви и паперсть примеривать равно, чтоб седло на своем обыкновенном месте могло быть. Чепраки и паперсти пристегивать к середнему подпругу. Епанчи завертывать равно и крепко, и как обыкновенно ремнем гораздо пристегивать.

10. Чушки кожаные привязывать накрепко, дабы парадные чушки как надлежит можно было привязать.

11. У лошадей как ноги, так и уши выстричь и хорошенько вычистить, а длинные волосы над бровями и под губами и под глазами выдергивать. Челки и гривы были бы заплетены, а челки были б привязаны к мундштуку на левую сторону. Хвосты как возможно короче и равно подвязывать.

12. Смотреть накрепко, чтоб у унтер-офицеров, капралов и у рейтар стремена не были б долги и коротки, как прежде мною усмотрено, токмо были бы стремена как прежде сего от меня показано»[239].

Инструкция ротным офицерам, данная им же 16 октября 1733 г., во многом повторяла предыдущий приказ:

«11. Мундштучные оголовья на лошадях чтоб всегда порядочно подстегивали, дабы удилы мундштучные сверх кола шириною на палец лежали б, такожде и мундштучные цепи застегивали бы так, как и прежде сего показано.

12. Паперсти и пахви надлежит пристегивать и уравнять по лошадям, смотря по препорции, не длинно и не коротко, дабы седло на лошади лежало б

---

* Ширина сермяжного сукна определялась в восемь-девять вершков.

порядочно в своем месте. Паперсти и чепрак подлежит всегда пристегивать за среднюю пристугу или подпругу, а епанеч завертывать против образца и всегда крепко пристегивать к седлу по размеру, длиною как и прежде сего показано было.

13. Когда парадные чушки накладываются, тогда надлежит козырей к ольстредям привязывать крепко, дабы те парадные чушки лежали б гладко и порядочно.

14. Гривы и холки у лошадей надлежит всегда содержать в чистоте, и прежде замоча, заплетать черною лентою гарусною. Такожде и лошадей самих содержать же в доброй чистоте ж, а хвосты заплетать или подвязывать добрым порядком, как показано.

15. Надлежит же накрепко смотреть, дабы у рейтар стремена пристегнуты были по препорции человека, не длинно и не коротко, но токмо как показано, дабы оные, как сидят на лошадях, могли б подняться, чтоб можно было рукою промеж ног продеть, и чтоб путлищи были б прямо, а не свертывались бы. И содержать оное седло со всем принадлежащим убором всегда в доброй чистоте и в береженни, и чтоб всегда черные б были. Також у путлищ и у подпруг на пряжках были ж бы чехлики кожаные, чтоб шпеньками седельной кожи и прочего не портило.

16. Пуговицы как у кафтанов, так и у камзолов, такожде и у мундштуков бляхи чтоб содержаны были всегда в доброй чистоте.

17. У лошадей надлежит всегда уши, ноги и холки, где оголови лежат, выстричь добрым порядком и чистотою, такожде по щекам большие волосы выщипать, а не стричь.

18. Ремни у мундштуков, которые через нос, надлежит крепко, а подшейные ремни слабко застегивать, и чтоб пряжки у носных ремень были б на левую сторону, как уже показано.

19. Карабинных бушматов надлежит во всех ротах пристегивать одним манером — так, как впредь показано будет.

20. Холки у лошадей надлежит поравнять одним манером, дабы когда заплетают черною лентою, во всём полку могли б привязать под налобный ремень одним же манером.

21. Пряжки у мундштуков чтоб подстегнуты были равно на обе[их] сторонах, дабы одна другой не выше и не ниже было…

27. Налобные ремни у мундштуков ежели в которых ротах по лошадям смотря некоторые длинные, то приказать оные по своему рассмотрению и по препорции у всякой лошади убавить и перешить, дабы к лобу гладки и ровно лежали, такожде и подмундштучные уздечки»[240].

ОТЛИЧИЯ УНТЕР-ОФИЦЕРОВ И КАПРАЛОВ

Парадные мундиры унтер-офицеров и капралов обшивались таким же, как на амуничных ремнях *«узким»* золотым односторонним позументом полувершковой ширины[241]. В декабре 1731 г. была установлена следующая

схема его расположения: *«унтер-офицерам — кафтаны и камзолы по борту, и воротники и обшлага и карманы в один позумент; капралам — на кафтаны воротники и обшлага да камзолы по борту и с карманами в один же позумент; виц-капралам — на кафтанах воротники и обшлага в один же позумент»*[242]. На унтер-офицерский мундир, в зависимости от роста человека, позумента выходило ровно или чуть меньше 16 аршин, на капральский и писарский — около пяти[243]. Никаких других отличий (ни в покрое, ни в качестве материалов) не предусматривалось[244].

Вседневные мундиры украшали тем же самым позументом, но несколько скромнее[245]. В феврале 1733 г. подполковник Шаховской предложил *«для отмены от рейтар»* класть его *«унтер-офицерам по воротнику и обшлагам и клапанам с такою ж отменою, как и в пехотной гвардии у унтер-офицеров, а капралам по воронику и по обшлагам по одному позументу, а писарям так, как и на нынешнем мундире положено, и того ради надлежит вахмистрам положить позумент на оном вторичном мундире по обшлагам в три позумента, а виц-вахмистрам и прочим унтер-офицерам в два позумента, а капралам кроме клапанов, а писарям и с клапанами в один позумент»*[246]. Унтер-офицеры, капралы и писари эскадрона, *«обретающегося»* в Санкт-Петербурге, в начале 1733 г. получили на расшивку своих носильных мундиров следующее количество позумента: вахмистры — по 6 аршин 11 вершков, унтер-офицеры — по 5 аршин 12 вершков, капралы — по 3 аршина, писаря — по 4 аршина 3 вершка[247]. В другие эскадроны в том же 1733 г. на вседневные мундиры вахмистров выдавалось по 6 аршин 6½ вершков позумента, унтер-офицеров — по 5 аршин 4 вершка, капралов — по 2 аршина 12½ вершков, писарей — по 4 аршина 8 вершков[248]. Позднее (видимо, уже в начале 1740-х гг.) карманные клапаны на капральских кафтанах также стали обшиваться позументом. Приказом от 24 января 1740 г. виц-вахмистрам было велено иметь на обшлагах вседневных кафтанов по три позумента, как у старших вахмистров[249].

В 1741 г. полк заготовил 440 аршин василькового, 220 аршин красного сукна и 1.000 аршин золотого позумента на новые парадные мундиры для унтер-офицеров и капралов[250]. Само собой, сделали и образцовые вещи, в соответствии с которыми было предписано не только строить новые, но и *«переправить»* уже имеющиеся парадные мундиры[251]. В чём именно заключались нововведения, доподлинно неизвестно, но, вероятнее всего, речь шла только о расположении позумента. Так, один из пунктов приказа от 3 августа 1741 г. гласил: *«…усмотрено, что в некоторых ротах старые парадные капральские кафтаны переделаны уже по новому образцу, того ради приказать во всех ротах все старые кафтаны капральские переделать же. А понеже позументу несколько будет недоставать, и на те недостаток употреблять позумент с старых же унтер-офицерских парадных мундиров, ибо по нынешнему унтер-офицерскому образцовому мундиру противу старых остается позументу немало, [и] чтоб всеконечно сего месяца к 12 числу все оные капральские мундиры переделаны были»*[252].

Приказом от 20 января 1747 г. *«лучшего ради в парадах виду»* предписывалось *«на вседневные, каковы ныне в полку состоят, унтер-офицерские и*

капральские мундиры, к имеющимся на них позументам, прибавить нашивать на камзольных полах и клапанах по бортам золотной позумент такой же, какой ныне на кафтанах есть»[253]. Месяц спустя, 18 февраля 1747 г., унтер-офицерам и капралам было велено купить на подкладку своих кафтанов и камзолов алый стамед (рейтарские, напомним, подбивались красной каразеей), сделать камзолы *«с двумя пуговицами»* (двубортные) и больше не нашивать позумент на карманных клапанах капральских кафтанов[254].

При изготовлении нового парадного мундира на рубеже 1750-х гг., кафтаны и камзолы унтер-офицеров и капралов изначально предполагалось обложить позументом так же, как в 1732 г., но, в конце концов, эта идея была оставлена. Ордером от 14 ноября 1752 г. секунд-майор Григорий Корф приказал нашивать на богатые мундиры унтер-офицеров, капралов и писарей позумент *«таким манером, как ныне у тех чинов на вседневных мундирах позументы имеются, а на полкового профоса положить позумент на воротник и по обшлагам также по одному кафтану в один раз; на состоящих же при полковой канцелярии унтер-офицеров, которые в числе писарей канцелярских 3-х, провиантского одного, комиссарского одного, итого 5 человек… положить [позумент] на парадные мундиры так, как и у прочих унтер-офицеров»*[255]. 16 января 1753 г. *«за неимением в приуготовлении позументов и за недостатком оного на прочие унтер-офицерские мундиры»*, писарям при унтер-штабе было велено нашивать позумент только на кафтаны[256]. На парадных унтер-офицерских камзолах, сделанных в 1753 г., пуговичные петли, прорезанные на позументе, обметывались сученым золотом (по шесть аршин восемь вершков на каждый)[257].

Точно так же, как это было в армейских полках, унтер-офицеры и капралы Конной гвардии старались походить на офицеров, подражая им в покрое форменных вещей и использовании сопутствующих, как говорят сегодня, аксессуаров: галстуки или заменяющие их платки и ленты, кружевные манжеты и манишки, темляки и шпоры, неуставного вида холодное оружие, богатые трости, модные парики — всего и не перечислить… Периодически полковое начальство пыталось бороться с модной неуставщиной. Так, приказом от 13 июня 1750 г. унтер-офицерам и капралам было запрещено выходить в строй и на караул с собственными шпагами вместо *«государевых»*[258].

ТРУБАЧИ И ЛИТАВРЩИКИ

Первые *«богатые»* мундиры трубачей и литаврщика отличались от рейтарских только суконными лопастями на спине кафтанов и расшивкой позументом. На образцовом трубаческом мундире, построенном в конце 1731 г., *«узкий»* золотой односторонний позумент (такой же, как на унтер-офицерских мундирах и амуничных вещах) был нашит в два ряда по борту кафтана и камзола, а также по обшлагам, клапанам карманов и лопастям[259]. В начале августа 1732 г. майор Фрейман приказал сделать для четырех трубачей командированного в Санкт-Петербург эскадрона мундир против присланного к нему нового образца: *«…кафтаны трубаческие сшить длиною, чтоб каждому человеку, поставя*

Неизвестный художник XVIII в.
Портрет князя Николая Юсупова в мундире вахмистра лейб-гвардии Конного полка. Середина 1750-х гг.
(Государственный музей-усадьба «Архангельское»)

Надетые на князе обмундирование и амуниция (за исключением красных суконных штанов) в точности соответствуют регламентным образцам, только вот пуговицы и позументы явно великоваты маленькому вахмистру.

П.Я. Вишняков
Портрет князя Федора Голицына в мундире капрала лейб-гвардии Конного полка. 1760 г.
(Государственная Третьяковская галерея)

Карабин и погонная перевязь на заднем плане нарисованы для красоты — и то, и другое полагалось только рядовым рейтарам. Показанные на обоих портретах штаны из красного сукна — то ли «художественная вольность» живописцев, то ли очередной пример нарушения регламента унтер-офицерами.

на колени, не достал тот кафтан до земли на две трети вершка, а камзол короче б кафтана на один вершок и на две трети вершка, а обшлага против посланного образцового, а рукава у кафтана длиною в отделке б были у каждого человека от сгибу кисти не допустить на вершок без четверти, також и фалды поставлены б были по препорции каждому человеку[*]*, а позумент золотой положить на тот мундир… широкий двойной и узкий одинакий, мерою и весом сколько которому пойдет, а на вышепоказанный посланный образцовый мундир позументу пошло широкого 22 аршина, узкого 35 аршин, токмо оный образцовый мундир сшит на большого человека, а не на среднего, а на шляпы позумент класть… широкий двойной»*[260]. Для повседневного ношения трубачи и литаврщик имели такие же мундиры, как у рейтар, без каких-либо дополнительных отличий (вроде крылец на плечах или галунной расшивки)[261].

Приказом от 18 июня 1738 г. двум состоящим при лейб-компании трубачам и литаврщику было велено сделать вседневные кафтаны и камзолы из *«лучшего»* василькового и красного сукна, оставшегося от постройки парадных мундиров, с новыми гладкими пуговицами и красной стамедной подкладкой вместо каразеи, *«а на камзолы положить по борту позумент золотой одинакого манеру для отличности от прочих трубачев, купя от себя, понеже оные два трубача и литаврщик содержатся в полку Конной гвардии по капитуляции и жалованье получают сверх трубаческих же окладов больше, и они ж — капельмейстеры»*[262].

Новый комплект парадных мундиров для 20 трубачей и одного литаврщика был сделан в конце 1741 г. На изготовление его потребовалось купить 71 аршин 4 вершка пурпурного сукна на кафтаны, 41 аршин 9 вершков голубого сукна на камзолы, 142 аршина 8 вершков голубого стамеда, 483 аршина широкого золотого позумента, 42¾ портища кафтанных и 33¼ портища камзольных медных (очевидно, позолоченных) пуговиц с ушками[263]. Через некоторое время *«в прибавок»* к вышеперечисленному отпускается еще 396 аршин 13 вершков широкого *«обер-офицерского»*, 74 аршина 9½ вершков *«унтер-офицерского»* и 272 аршина *«узкого»* позумента на рукава, лопасти и крыльца[264]. Кроме основных материалов, на постройку этих мундиров приобрели 90 аршин тонкой синей и 55 аршин тонкой белой крашенины, 86 аршин клеенки, 60 аршин *«толстой»* крашенины, 85 аршин байки (цвет ни той, ни другой не указан), 21 пару сит, 13 пятинок желтых, 15 пятинок красных, 12 пятинок голубых и семь пятинок белых ниток, а также пять лотов сученого золота на обшивку прорезанных на позументе пуговичных петель[265]. Использовались эти кафтаны и камзолы больше 20 лет — выключены из табели и отданы трубачам они были по приказу от 13 июля 1762 г.[266]

В 1753 г. трубачи и литаврщик получают парадные мундиры «обратных» цветов — красные кафтаны с синим стамедным подбоем, воротниками и обшлагами из василькового сукна и васильковые же суконные камзолы с белой стамедной подкладкой[267]. Оба предмета богато расшивались золотым лионским позументом первой, третьей и четвертой *«широт»* (всего 89 аршин 4 вершка на каждый мундир), а прорезанные на позументе пуговичные петли

[*] Такой же *«препорции»*, очевидно, делались мундиры и других чинов.

(*«на камзоле по борту, а на кафтане по борту и на клапанах»*) обметывались сученым золотом[268]. Такой же парадный мундир в декабре 1754 г. было велено построить литаврщичьему ученику, который всегда выходил в строй во время парадов и других *«знатных оказий»* вместе с трубачами, а порой и вовсе подменял собой литаврщика[269].

НЕСТРОЕВЫЕ НИЖНИЕ ЧИНЫ

Нестроевые чины — лекарские ученики, дьячки, слесари, кузнецы, седельники, ротные коновалы, их ученики, плотники, ротные профосы, фурманный и колесный мастера — имели мундир *«особливый от рейтарского»*. В конце 1732 — начале 1733 г. им выдаются васильковые кафтаны с красными воротниками и обшлагами, красные камзолы и васильковые епанчи. Из подкладочных материалов в расходных ведомостях упомянуты красный стамед для кафтанов и епаней, красная или желтая (!) крашенина и белый холст для кафтанов и камзолов. Пуговиц всем чинам отпускалось поровну — по 18 кафтанных и 24 камзольных. Ни гаруса, ни шелка на эти мундиры куплено не было[270]. В дальнейшем нестроевые получали такое же вседневное обмундирование, как у строевых чинов — шляпы (без позумента), кафтаны, камзолы, штаны и епанчи. Из обуви нестроевым чинам выдавались сапоги, а в качестве оружия — старые, оставшиеся еще от Лейб-регимента палаши и портупеи. Помимо палашей, лекарские ученики, дьячки, слесари, кузнецы, седельники, коновалы с учениками, профосы, фурманный и колесный мастера имели при себе по одному пистолету[271]. Те, кому полагались драгунские лошади, ездили на обычных драгунских седлах *«со всем убором»*, кроме бушматов (главное отличие между *«рейтарскими»* и *«драгунскими»* седлами состояло в том, что первые имели набитые волосом или шерстью пуки, а вторые использовали вместо них овечий войлок). Согласно приказу от 3 сентября 1736 г., во время предстоящего смотра ротным коновалам надлежало *«быть конным, и держать им тогда в руках каждому по молотку, и для того смотру дать им рейтарский парадный мундир и шляпы, а лошадей и седлы дать же им из оставших от рейтар, а чепракам быть у них кожаным»*[272].

Указом от 14 января 1747 г. Елизавета Петровна повелела, чтобы во всех полках профосы имели шляпы *«связанные алакок, також на полах у камзолов передние концы круглые»*[273]. Распространялось это и на Конную гвардию.

Состоявший при штабе полковой коновал обеспечивал себя форменной одеждой самостоятельно. В 1754 г. в качестве награды *«за многие… в пользовании государевых рейтарских немецких, драгунских и подъемных лошадей труды»*, ему были выданы сукно и приклад на изготовление таких же, как у рейтар вседневных кафтана и камзола. В том же 1754 г. на *«иностранного седельника»* шьется новый вседневный мундир *«из принятых на унтер-офицеров и капралов лучших сукон»*[274].

В июне 1755 г. старые карабины, пистолеты и шпаги, а также состоявшие при нестроевых чинах *«лейб-регментские»* палаши, было велено выклю-

чить из табелей, *«и выбрав из оных старых пистолет и шпаг лучшие, числом пистолет пар пятьдесят, шпаг девяносто четыре, причислить в ротах и при штабе на строевых и нестроевых чинов»*[275].

МАЛОЛЕТНИЕ УЧЕНИКИ

С ноября 1751 г. для *«исправления»* письменных дел при полковой канцелярии, помимо штатных писарей, состояли набранные *«из рейтарских и других служилого чину людей дети в числе извозчиков»*. Сначала их было восемь человек, затем, спустя всего два года, тринадцать. Жалованья этим *«малолетним извозчикам»* полагалось по пяти рублей в год да месячный провиант, чего хватало только на прокорм и обувь, а потому на службу они ходили в собственном платье, *«иные в шубах, другие же и в серых кафтанах»*. Между тем, при полковой канцелярии всегда находились *«полковые штабы»*, а иногда, например, при *«чинении»* отставок от службы, и *«генеральное собрание»* всех *«господ штабов»* лейб-гвардии, в блестящем окружении которых бедно и разношерстно одетые подростки выглядели *«весьма неприлично»*. Определением канцелярии от 16 июля 1753 г. *«за прилежное рачение»* к письменным делам, для всех малолетних извозчиков было приказано сделать васильковые кафтаны с того же цвета воротниками и обшлагами и красные камзолы, *«на которое построение и подлежащее число сукна и прикладу, то есть каразеи и прочего, что в рейтарские мундиры употребляется, выдать из полкового комиссарства, записав в расход»*[276]. Пуговиц на каждого ученика, в зависимости от его роста, отпускалось по 17 или 18 кафтанных и 15 или 16 камзольных[277]. Такие же мундиры строили и в дальнейшем, вплоть до 1764 г.[278]

В апреле 1755 г. для обучения пению к полковой церкви были определены 13 *«малолетних ребят»* (уже на следующий год их стало 18 человек). Мундир им полагался аналогичный описанному выше — *«кафтаны и камзолы манером во всём против рейтарских, точию у кафтанов положить обшлага и воротники синие»*[279]. Пуговиц на каждый певческий мундир выходило по 17 кафтанных и 15 камзольных[280]. Головным убором *«певческих учеников»* были суконные картузы. На пошив 18 таких картузов требовалось: 5 аршин 10 вершков василькового и 3 аршина 6 вершков красного сукна, полторы валяных полсти, шесть шляп *«на козыри»*, 9 аршин крашенины, 18 золотников синего гаруса, три пятинки ниток, один фунт *«простого»* клея и 54 медных (видимо, камзольных) пуговицы[281].

Певчему из малороссиян (к ученикам он не относился) в октябре 1758 г. было приказано выдать шесть аршин синего сукна на кафтан, пять аршин красного сукна на полукафтанье, 12 аршин крашенины на его подкладку, шесть аршин синего сукна и 10 аршин (очевидно, красной) каразеи на епанчу[282].

«Трубаческую науку» во 2-й половине 1750-х гг. постигало четверо учеников[283]. Мундир они, скорее всего, имели точно такой же, как прочая ученическая братия — синие с красной каразейной подкладкой кафтаны и красные камзолы. Пуговиц на каждого трубаческого ученика отпускалось по 18 кафтанных и 16 камзольных[284].

К февралю 1762 г. малолетних учеников при полку было уже 36 человек: при полковой канцелярии — шесть, в трубаческой науке — четыре, в певческой — 17, в слесарской — два, в седельнической — один[285].

ИЗВОЗЧИКИ

Первое время состоявшие при полку извозчики одевались кто во что горазд — *«каждый ходит в разноманерном мужичьем и ветхом платье, а паче многие из них почти и никакого платья ж не имеют, и так ходят, как бродящие люди»*. Конец этому был положен определением полкового штаба от 17 декабря 1736 г. Отныне извозчикам каждые два года следовало давать два новых комплекта мундирных вещей: *«первый, для случающихся смотров и прочих оказий — кафтаны суконные васильковые с подкладкою холстовою, и с нашивными петлями и с окладкою по борту из красного сукна ж, да вместо шляп колпаки суконные ж васильковые с опушкою из красного сукна ж; второй, для вседневного ношения и полковых работ — кафтаны ж из сермяжных серых сукон с подкладкою холстовою ж, а воротники и петли из красных же иностранных сукон»*. На постройку каждого такого комплекта, согласно сделанным образцам, требовалось 2 аршина 14 вершков василькового и шесть вершков красного сукна (более дешевого, чем покупали для рейтар), 10 аршин *«простого»* серого сукна из овечьей шерсти, 20 аршин толстого сурового холста, одна пятинка белых ниток, 20 пар крючков из железной проволоки и *«что потребно будет»* коровьих войлоков *«под опушку»* к колпакам. Камзолы, штаны, рукавицы и обувь извозчикам следовало покупать самим, *«кто какие пожелают»*.[286]

Описание примет извозчика, бежавшего из полка в июле 1738 г., позволяет уточнить некоторые подробности этого обмундирования: *«…Сего июля 15 дня бежал из оного лейб-гвардии Конного полку здесь, в Санкт-Петербурге, извозчик Дорофей Правдин, которому от роду 25 лет. Росту среднего, лицом смугл, глаза карие, волосы черные. А с собою снес казенного мундира: два кафтана, в том числе один васильковый с крючками по борту, и вместо петель напереди обложено красным сукном же, обшлага небольшие красные; другой серый, из сермяжного сукна, против пуговиц по петлям обложено красным же сукном, воротник и обшлага красные ж; да колпак васильковый с опушкою красною ж один»*[287].

Сколько продолжал носиться такой мундир, выяснить нам не удалось. К концу 1740-х гг. извозчики, по-видимому, имели униформу красного цвета. Приказ от 13 мая 1747 г. гласил: *«…На которых извозчиков состоящих налицо отпущены на строение им мундиров красные сукны, из оных приказать на всех тех, на кого отпущены, построить мундиры против имеющихся ныне в роте 4 извозчицких мундиров во всём неотменно, и под те мундиры принадлежащий приклад купя на полковые деньги, полковому комиссару Тутолмину и раздать в роты»*[288]. 12 сентября 1758 г. полковая канцелярия приказала сделать для семи извозчиков, отправляющейся в *«заграничный поход»* команды

кафтаны, камзолы и штаны из синего сукна, *«кафтаны с узенькими круглыми обшлагами, а воротники стоячие»*[289].

ОФИЦЕРЫ

Все офицеры Конной гвардии имели по два мундира — *«богатый строевой»* и *«носильный»*. Первый надевался только для больших парадов и на караул *«в дом Ее Императорского Величества»*, второй служил *«для дальних маршей и для ношения кроме полкового строю»*[290]. Широкая подборка сохранившихся документальных и иконографических материалов позволяет довольно подробно воссоздать облик и того, и другого.

Первые три *«образцовые пары»* штаб- и обер-офицерских мундиров были сделаны в 1731 г. в Москве, под наблюдением ротмистра Ивана Пашкова. Для изготовления их понадобились 16 аршин василькового сукна на кафтаны и штаны, 8 аршин 6 вершков красного сукна на камзолы и обшлага к кафтанам, 18 аршин алого стамеда, а также бумазея, половые сита, байка, клеенка, красная и белая крашенина, *«трои шлифы золотые и трои ж пряжки серебряные к штанам»*, обшивные золотом кафтанные и камзольные пуговицы, пергамент и золото на обметку пуговичных петель, красный, синий и желтый шелк (для последней группы материалов указана только цена). Общая стоимость всех трех пар, без учета позумента *«по швам и в прочих местах»*, составила 125 рублей 82 копейки.[291]

В другом деле нашлось детальное описание этих мундиров:

«Кафтан штабский васильковый, обшлага красные большие круглые, с камзолом красным. Да на оном кафтане около петель выкладено позументом золотным, да по швам положен позумент в один ряд, на полах в два ряда позумент положен, да на фалдах положен в один ряд позумент золотной же, подбой красного стамеду; на оном кафтане пуговиц золотых обшивных три портища и две пуговицы. Да на вышеозначенном камзоле позументу на полах положено в два ряда, петли обшиты пергаментом, пуговиц золотых обшивных двадцать две, подбой красного ж стамеду.

Кафтан штабский же васильковый, обшлага красные шведские, выкладено по швам позументом, на полах в два ряда положен позумент золотной, клапаны выкладены позументом, да на фалдах в один ряд положен позумент, петли обшиты пергаментом, пуговиц золотых обшивных тридцать, подбой красного стамеду. Да к тому кафтану камзол красный, выкладено на полах в два ряда позументом золотным, по клапанам в один ряд, петли обшиты пергаментом, пуговиц золотых обшивных двадцать три, подбой красного стамеду.

Двои штаны васильковые, подложены бумазеею, около прорехов кругом выкладено позументом золотным, петли обшиты пергаментом, и с шлифы золотыми; в том числе у одних штанов пряжки стальные, а у других не имеется, да на тех штанах пуговиц золотых обшивных тридцать»[292].

Вопрос с покроем офицерских вещей решался до самого конца 1731 г. Ордером от 18 ноября подполковник Ягужинский велел строить для обер-офицеров

мундиры *«против посланного образцового, а штаб-офицерскому мундиру быть тою ж модою, токмо употреблять на тот мундир широкий позумент»*[293]. Спустя всего несколько дней, 22 ноября, им же было приказано делать обер-офицерам кафтаны не с круглыми, а со шведскими обшлагами, и прибавить *«в два ряда»* позумент *«на клапаны и под клапаны»* камзолов[294]. В последних месяцах 1731 г. на штаб- и обер-офицерские мундиры приобрели 1.162 аршина двойного узкого позумента для окладки *«по борту»* и 3.734 аршина двойного же широкого позумента[295].

Первые *«богатые»* офицерские мундиры, построенные в 1732 г., различались по чинам. Подполковник Шаховской получил 79 аршин 12 вершков широкого и узкого золотого позумента, подполковник Траутфеттер — 71 аршин 4 вершка. Майорам также было дано примерно одинаковое количество широкого и узкого позумента на два мундирных комплекта каждому: премьер-майору — 95 аршин, секунд-майору — 96. Ротмистры, секунд-ротмистр, поручики, подпоручики, корнеты, адъютант и квартирмейстер, в зависимости от роста, брали от 60 до 68 аршин широкого и узкого позумента (видимо, тоже на два мундира). Унтер-штаб выглядел скромнее: обозному, секретарю и аудитору отпускалось от 20 до 22 аршин широкого и узкого позумента; штаб-лекарю, полковому лекарю и комиссару — от 18 до 22 аршин широкого (этой категории чинов, судя по всему, был положен только один мундир)[296].

Сколько именно широкого и узкого позумента выдавалось на офицерские мундиры, выяснить нам не удалось. Во всём массиве просмотренных документов нашелся один-единственный пример с четкими цифрами: в марте 1733 г. новоиспеченный корнет Христофор Александр Таубе получил на расшивку своего первого офицерского мундира 36 аршин широкого и 25 аршин узкого позумента[297].

Состоявший в ранге подпоручика берейтор по приказу Ягужинского должен был построить себе такой же мундир, как у прочих обер-офицеров[298]. Однако на самом деле он (что вполне логично) одевался подобно офицерам нестроевым — в апреле 1733 г. на берейторский мундир выдали всего 20 аршин широкого *«офицерского»* позумента[299].

Приказом от 29 сентября 1732 г. офицерам было велено сделать к богатому мундиру красные штаны[300].

Вседневные мундиры, предназначенные *«для дальних маршей и для ношения кроме полкового строю»*, отличались от парадных шведскими *«рукавами»* (обшлагами), и тем, что золотой позумент у них нашивался только *«по борту»* (очевидно, в качестве образца для них послужил офицерский мундир пехотных полков лейб-гвардии)[301]. Решение это, вполне логичное на первый взгляд, было не совсем удачным — практически такой же мундир в Конном полку носили унтер-офицеры[302]. Чтобы отличаться от них, офицерам пришлось подрядить себе *«самый узкий»* позумент[303]. Вседневные мундиры штаб-офицеров, видимо, окладывали только широким позументом. Так, в конце 1732 г. ротмистр Пашков отпустил подполковнику Шаховскому *«казенного полкового позументу широкого на повседневный мундир, весом один фунт двадцать шесть золотников, а что мерою — о том не объявил»*[304].

Парадный мундир и шляпа офицера лейб-гвардии Конного полка. 1731–1741 гг.
Реконструкция С.А. Летина

На шляпе напрасно нарисован каскет. Кроме того, с 1738 г. офицеры носили на шляпах плюмажи из белых *«трусовых»* (страусовых) перьев и золотые шнуры с кистями.

Л. Каравак (?)
Портрет Петра Бирона в парадном мундире офицера лейб-гвардии Конного полка. Не ранее 1737 г.
(Рундальский дворец-музей)

Наследный принц Курляндский граф Петр Бирон, сын всесильного фаворита императрицы Анны Иоанновны Эрнста Иоганна Бирона, был зачислен в Конную гвардию с чином ротмистра в апреле 1733 г. В январе 1738 г. юный граф, имея без малого 14 лет отроду, получает звание подполковника, но всего через три года, после свержения и ареста отца, занимавшего место регента при малолетнем императоре Иоанне Антоновиче, покидает полк, отправившись в ссылку вместе с опальным родителем. Орден Белого Орла жалуется Петру Бирону 28 апреля 1738 г., а плюмажи на шляпах и перчатки с золотой бахромой офицерам Конной гвардии было приказано носить 30 августа. Промежуток между этими датами, видимо, и следует считать временем написания портрета. Такой же точно мундир показан на портрете графа Сергея Шереметева, ныне хранящемся в собрании Национального художественного музея Украины.

Неизвестный художник XVIII в.
Портрет графа Сергея Шереметева в парадном мундире офицера лейб-гвардии Конного полка. 1730-е гг.
(Национальный художественный музей Украины)

Военная карьера Сергея Шереметева не прельщала и не задалась. В ноябре 1732 г. он был произведен в корнеты, а в феврале 1742 г. уволен из полка с чином ротмистра.

Неизвестный художник XVIII в.
Портрет Христофора Александра Таубе в парадном мундире офицера лейб-гвардии Конного полка. Не ранее 1733 г.
(Латвийский национальный исторический музей)

Первый офицерский чин — корнета — Христофор Александр Таубе получает в январе 1733 г. В следующем 1734 г., если верить составленной Анненковым *«Истории лейб-гвардии Конного полка»*, сразу из корнетов Таубе был произведен в секунд-ротмистры *«за бытность в Польше в отряде генерала Левенвольда»* и, видимо тогда же, назначен шталмейстером к герцогу Курляндскому, а весной 1738 г. покинул полк, выйдя в отставку. Какое из этих событий послужило поводом для создания портрета, сегодня остается лишь предполагать.

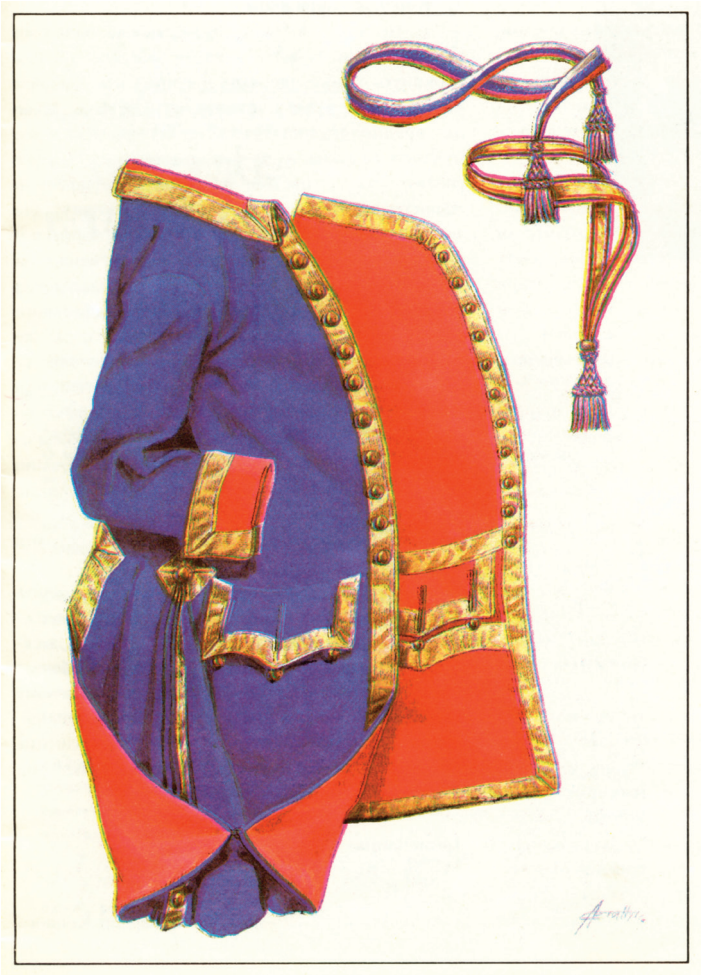
На оборотной стороне холста помещена следующая надпись: *«Christoph Alexander Baron Taube, Erbherr auf Herbergen und Laiden, Russ: Kaiserl. Rittmeister der Garde zu Pferde und Oberstallmeister des Regenten und Herzogs Ernst Johann Biron, geb. Anno 1708, gest. Anno 1778 zu Strassbourg»* (Христофор Александр фон Таубе, наследственный владелец имений Герберген и Лайден, ротмистр российской императорской Конной гвардии, обер-шталмейстер регента и герцога Эрнста Иоганна Бирона, родился в 1708 г., умер в 1778 г. в Страсбурге). Добавить к этому стоит лишь то, что баронский титул был утвержден за родом Таубе уже в XIX в.

Штаб-офицер лейб-гвардии Конного полка в парадном мундире. 1731–1741 гг.
Реконструкция С.А. Летина

Белые плюмажи, а также золотые шнуры и кисти на шляпах офицеры стали носить в 1738 г. Штаны к богатому мундиру полагались красные суконные. Лавровые ветви, показанные на чушках, скорее всего, появляются только в 1750-е гг. Шнуры и кисти для заплетания в гривы лошадей в 1730-е и 1740-е гг. были золотые.

Вседневный мундир офицера лейб-гвардии Конного полка и офицерские темляки. 1731–1741 гг.
Реконструкция С.А. Летина

В 1730-е гг. вседневные мундиры офицеров Конной гвардии, для отличия от почти таких же унтер-офицерских, обшивались *«самым узким»* золотым позументом. Кроме того, в указанный период и парадные, и вседневные офицерские кафтаны не имели воротников. В марте 1738 г. офицерам было предписано сделать новый вседневный мундир: *«кафтаны васильковые — против прежних, с позументом золотым по борту, а камзолы — красные, с лацканами, и подложить те лацканы синим хорошим бархатом, а позумент положить на них по борту ж и такой же, как и на кафтанах, також и на лацканах класть же позумент, точию по борту ж».*

Новые вседневные кафтаны и камзолы с лацканами были сделаны в 1738 г. Приказ от 1 марта гласил: *«…Понеже у многих обер-офицеров в полку Конной гвардии вседневный мундир — кафтаны и камзолы — имеются уже ветхи, а ныне, по рассуждению господ полковых штабов, велено иметь оным обер-офицерам означенный вседневный же мундир, кафтаны васильковые против прежних, с позументом золотым по борту, а камзолы красные с лацканами, и подложить те лацканы синим хорошим бархатом, а позумент положить на них по борту ж и такой же, как и на кафтанах, також и на лацканах класть же позумент, точию по борту ж, и того ради которые господа обер-офицеры имеют ныне на перемену оному прежнему ветхому мундиру делать тот вседневный мундир новый, и те б делали ж против вышеписанного нынешнего предложения»*[305].

О других предметах экипировки конногвардейских офицеров известно довольно мало. Косы им в середине 1730-х гг. предписывалось иметь такие же, как у нижних чинов, а носить на галстуках банты (весьма модные в те времена) воспрещалось[306]. В 1732 г. офицерам выдали 40 эфесов, снятых со шпаг расформированного Кавалергардского корпуса[307]. Взамен их в 1735 г. было приказано сделать новые медные позолоченные эфесы с грифами, обвитыми серебряной позолоченной проволокой[308]. Ножны *«строевых»* офицерских шпаг выкраивались из белой кожи[309]. Портупеи украшал золотой (по-видимому, широкий) позумент[310]. Подряженные в 1732 г. трехцветные бело-сине-красные шарфы из китайского шелка, немецкого золота и серебра (такие же, *«как в прочих полках гвардии»*[311]), делились на штаб- и обер-офицерские[312]. Аналогичного вида, по всей вероятности, были и темляки. Штаб-офицеры получают новые красные бархатные чепраки и чушки, вышитые золотом[313]. Обер-офицерам достаются чепраки и чушки Кавалергардского корпуса — красные суконные, обложенные золотым позументом, с вышитыми золотом *«гербами»* (в данном случае под словом «герб» можно понимать любое изображение) и кистьми в задних углах чепраков[314]. Офицерские мундштуки имели медный золоченый набор[315]. В гривы лошадей при парадах заплетались золотые шнуры с кистями[316]. Согласно приказа от 25 марта 1738 г., всем офицерам надлежало приобрести гладкие серебряные шпоры, *«у которых быть же на запряжниках посредине пряжкам серебряным же, таким манером и шириною, каковы шпоры ж сего числа даны от господина подполковника его светлости наследного принца Курляндского для пробы господину ротмистру князю Черкасскому, а от него отданы ж те шпоры для образца ж корнету Фонгенингу… и конечно б у всех же оных господ офицеров сделаны были такие серебряные шпоры наступающего апреля к 28-му числу неотменно. Також у всех же господ офицеров на шляпах были б шнуры и с кистьми золотые, а сапоги смазные с раструбами, а без раструбов чтоб не было»*[317]. Приказ от 30 августа 1738 г. обязывал офицеров *«иметь на шляпах перья белые трусовые, а куриных отнюдь не было б, и те шляпы с перьями носить им точию при парадном мундире; також у перчаток на обшлагах быть бахроме золотой… и чтоб как оные перья, так и перчатки у всех господ офицеров же к будущему перед Ее Императорским Величеством смотру были конечно в готовности»*[318].

Неизвестный художник XVIII в. (копия с оригинала 1738 г.)
Портрет графа Сергея Шереметева в парадном мундире офицера лейб-гвардии Конного полка. 1738 г.
(ГМК и «Усадьба XVIII века Кусково»)

Обращают на себя внимание огромного размера обшлага кафтана, скроенные по моде конца 1720-х — начала 1730-х гг., а также способ расположения позумента, отличный от показанного на портретах и Таубе, и Бирона.

Немало интересных подробностей об офицерском *«экипаже»* и бытовых вещах содержат описи имущества, оставшегося после умерших на службе, и материалы уголовных дел. Так, 9 июля 1732 г. у полкового аудитора Тимофея Еналеева *«незнаемые воровские люди»* среди прочих вещей вынесли из квартиры *«кафтан суконный светло-серый, полы подбиты стамедом красным, ценою в пять рублев; камзол того ж цвету, полы подбиты ж красным же стамедом, ценою в три рубли; кафтан суконный васильковый, подбиты полы стамедом васильковым, ценою в три рубли; камзол суконный красный алый, полы подбиты стамедом красным, ценою в пять рублев; шляпа пуховая новая с золотым позументом, ценою в пять рублев; перчатки замшеные ценою шестьдесят копеек; рубашка новая голландского полотна, ценою в три рубли; зеркало ценою двадцать копеек; кокард[у] из лент черных, что на галстуке носят, ценою тридцать шесть копеек»*[319].

А вот, например, описание *«богатого парадного»* мундира, который был положен на покойного подполковника Траутфеттера в 1738 г.: *«...кафтан васильковый суконный с по[дбоем] стамедным красным, обшит по борту и [напереди] и по бокам и по швам и в фалдах золотым [поз]ументом, а петли ж обшиты ж [золотым] пергаментом, с пуговицами [обшивными] золотыми ж; камзол красный суконный, обшит по борту ж и напереди и по [бокам и по ш]вам, и полы обложены ж напереди широ[ким и] узким золотым позументом же, и пе[тли обшиты] ж золотым же пергаментом, с пуговицами обшивными золотыми ж, подбит ста[медом красны]м же; штаны суконные крас[ные, пер]чатки замшевые, обложены золо[тым узким позу]ментом, галстук белый, рубашка гала[нского полотна], сапоги смазные, шпоры железные луженые»*[320].

Лошади офицерам полагались вороные, карие, либо, *«за неимением вышеписанных шерстей»*, гнедые. Согласно высочайшему указу от 19 сентября 1732 г., подполковникам надлежало иметь по пяти *«парадных»* лошадей, *«в том числе по одной по двести червонных»*; майорам — по четыре, *«в том числе по одной по сту по пятидесят червонных»*; ротмистрам — по три, *«в том числе по одной по сту червонных»*; поручикам, полковому квартермистру, адъютанту, подпоручикам и корнетам — по две, *«в том числе по одной по шестидесят червонных»*[321]. Позднее, в марте 1741 г., заводных лошадей было дозволено покупать любой масти[322].

Новые парадные и вседневные мундиры, темляки и парадный конский убор были сделаны в 1741 г. Расходная книга *«лейб-гвардии Конного полку корнета и полкового комиссара Дениса Давыдова того ж полку штаб- и обер-офицерам всяких приуготовляемых на счет их жалованья вещей...»* содержит полный перечень всего выданного каждому человеку, с указанием точного количества и цен.

Итак, все офицеры получили по две одинаковые пуховые шляпы стоимостью три рубля за штуку. Одна из них обшивалась *«поиндеспаном»*[*], дру-

---

[*] Поиндеспан, поддиспанье, пондиспан (от франц. point d`Espagne) — кружевной позумент из золотых или серебряных нитей.

гая — широким золотым позументом (разница в цене между тем и другим была примерно девятикратная: позумент обходился рубля в два, поиндеспан — в семнадцать–восемнадцать). Кроме того, на парадных шляпах с поиндеспаном все офицеры от подполковника до корнета носили белый плюмаж (позднее, в феврале 1747 г., плюмажи было приказано иметь и на вседневных шляпах).

Сукна на оба мундира всем офицерам отпускалось одинаково: восемь аршин василькового голландского, три аршина красного голландского и три аршина красного английского (голландское стоило по 2 рубля 35 копеек за аршин, английское — по 3 рубля 25 копеек). Парадный мундир обшивался широким золотым позументом, носильный — узким прорезным. Первого на каждого из строевых офицеров выходило около 50 аршин, второго — от 18 до 20, в зависимости от роста человека. Медные позолоченные пуговицы, так же, как и сами мундиры, делились на парадные и носильные. Первые были резные, вторые гладкие. Дюжина парадных кафтанных пуговиц стоила 80 копеек, дюжина камзольных — 40; носильные кафтанные и камзольные пуговицы стоили, соответственно, по 70 и 35 копеек за дюжину. На парадный мундир считалось по три дюжины кафтанных и камзольных пуговиц, на носильный — по две дюжины кафтанных и четыре дюжины камзольных.

На обшивку портупеи выходило около четырех аршин широкого позумента, на перчатки (а точнее, их обшлага) — от 1 аршина 8 вершков до 1 аршина 13 вершков узкого. Два золотых темляка с черным шелком стоили по три рубля каждый.

Для полкового секретаря и обозного было сделано по одному носильному кафтану и камзолу. Аудитор получил такие же, как у остальных офицеров, парадную и вседневную шляпы, портупею с позументом, темляк и два комплекта одинаковых носильных мундиров.

Чепраки, чушки и прочие детали парадного конского убора делились на штаб-офицерские, ротмистрские и субалтерн-офицерские. Чепрак и чушки подполковника стоили 105 рублей, золотые кисти со шнурами к уздечке — 15. Майорские чепрак и чушки обходились в такую же сумму, как подполковничьи, а уздечки с золотыми кистями — в 24 рубля. У ротмистров чепраки и чушки стоили 90 рублей, мундштуки и удила — 24 рубля, уздечки с золотыми кистями — 10 рублей; у адъютантов, полкового квартирмейстера, поручиков, подпоручиков и корнетов — 80, 24 и 10 рублей соответственно[323].

Строить себе такие мундиры офицеры начали примерно в середине лета. Из приказа по полку от 1 июля 1741 г. можно узнать, сколько позумента полагалось на один парадный мундир, а также чем новые носильные мундиры должны были отличаться от предыдущих:

«…Завтрешнего числа пополуночи в 7 часу господину корнету и комиссару Давыдову из имеющегося у комиссарства парадного позумента господину премьер-майору, да старшим ротмистрам двум, поручикам двум, адъютанту одному, подпоручикам двум, корнетам двум, итого десять человекам, раздать каждому по сороку по семи аршин по двенадцати вершков, который приняв, показанным господам… офицерам отдать парадные свои мундиры делать без замедления, по силе показанного образца…

Господам офицерам, приняв на носильный мундир сукна, позумент и пуговицы, отдавать делать с наибольшею скоростию, у кафтанов воротники красные с углами, камзолы без груди, на обе стороны пуговицы гнездами до пояса, а прочее всё против прежних мундиров» (короче говоря, на вседневных кафтанах впервые появляются воротники, а камзолы стали двубортные и лишились лацканов)[324].

В конце того же месяца полк принял новые парадные шарфы и темляки[325]. Первые из них можно описать достаточно подробно. Сделанные в этот раз из *«двойного»* золота и черного шелка, — *«приличнее по мундиру и богатее старых»*, — они, как и прежде, различались на штаб- и обер-офицерские. Шарфы штаб-офицеров имели по 20 ниток канители в каждой из кистей. Обер-офицерский шарф состоял из пяти линий — двух смешанных из шелка с золотом и трех чисто золотых, причем смешанные линии делались немного шире, чтобы золота и шелка было одинаковое количество; канитель в обер-офицерских шарфах отсутствовала вовсе. Штаб-офицерский шарф стоил 75 рублей, обер-офицерский — 65. Новые шарфы надлежало *«употреблять»* только в *«знатные парады и на караул в дом Ее Императорского Величества»*, а старые оставить *«для обучения экзерциции, в полковые и ротные строи и на караулы на полковую гауптвахту»*[326].

Новыми *«серебряными»* строевыми шпагами *«против объявленной от господ полковых штабов образцовой»* все офицеры должны были обзавестись к концу июня[327].

Новые вседневные мундиры, пошитые для всех офицеров полка в 1743 г., похоже, ничем не отличались от сделанных в прошлый раз. На каждый из них было приказано подрядить по 17 аршин золотого позумента, четыре аршина василькового сукна на кафтан, три аршина красного сукна на камзол, штаны, воротник и обшлага кафтана[328]. Аналогичные мундиры строились и в дальнейшем. Со временем, по-видимому, менялся только образец позумента. Так, в сентябре 1751 г. все офицеры, от подполковника до корнета, получили на вседневные мундиры по 19 аршин выписанного из Лиона двойного позумента с битью, *«и где бить, в тех местах переплетено шелком»*[329]. В том же количестве золотой с битью позумент *«по нынешнему калиберу»* раздавался в 1754 г.[330]

В начале 1747 г. офицеров обязали носить на вседневных шляпах белые плюмажи. *«Усмотрено,* — говорилось в приказе от 23 февраля, — *что командующие* (командированные. — *Авт.*) *на караул в дом Ее Императорского Величества господа обер-офицеры ездят в шляпах вседневных, одни с плюмажами, а другие без плюмажей, и тем чинится разнота. Того ради впредь всем господам обер-офицерам в случающихся караулах и парадах шляпы свои, кои и без пондиспанов с позументами носят, иметь всегда с плюмажами белыми неотменно, дабы в том более разноты не было»*[331].

Другие мундирные своевольства, напротив, пресекались. Так, приказ от 22 апреля 1754 г. гласил: *«...Понеже всем господам обер-офицерам довольно известно, что каким манером учреждены носить в полку лейб-гвардии Конном*

П.П. Аргунов
Портрет князя Ивана Лобанова-Ростовского в повседневном мундире офицера лейб-гвардии Конного полка. Не ранее 1752 г.
(Государственный Русский музей)

Мундир князя расшит выписанным из Лиона двойным позументом с битью. Все офицеры, от подполковника до корнета, получили по 19 аршин такого позумента в сентябре 1751 г.

обер-офицерские парадные и вседневные мундиры, которые и всеми того полку полковыми штабами апробовано, а ныне усмотрено, что господин секунд-ротмистр Федотьев носит у вседневного мундира камзол не таким манером, как надлежит, но сделав по борту на полах подполок суконный наподобие фуфайки, без прорезывания на галуне петель, что толь знатного кавалерии полку обер-офицеру носить весьма непристойно. Того ради ему, господину секунд-ротмистру Федотьеву, оный камзол таким манером отнюдь не носить, а приказать переделать как надлежит, противу прочих обер-офицерских вседневных камзолов. Да и впредь рекомендуется ему ж, господину секунд-ротмистру Федотьеву, и всем господам обер-офицерам полку лейб-гвардии Конного, вседневные мундиры с прорезными по борту на галуне петлями носить, а не с подполками»[332].

Парадные мундиры конногвардейских офицеров, делавшиеся во времена правления Елизаветы Петровны, заметно отличались от тех, что были прежде — традиционную выкладку позументом заменяет золотое шитье. Определением полковой канцелярии от 3 марта 1750 г. всем офицерам было велено построить новые *«вышитые золотом»* парадные мундиры *«против образцового во всём сходственно, кроме имеющегося под клапанами кафтанными и камзольными шитья, которое по всемилостивейшему Ее Императорского Величества соизволению повелено отставить»*. Золотошвейный мастер Яган Хербердинк (Gerberding), взявший подряд на вышивку офицерских кафтанов и камзолов *«в пристойных местах»* самым добрым и чистым золотом, берлинской битью и российской канителью, получал по 140 рублей за каждую готовую пару.[333] В 1757 г. *«вышивание»* золотом парадного мундира и *«поддиспана»* на шляпе по вновь апробованному в полковой канцелярии образцу обходилось уже в 250 рублей[334].

Приказом от 25 марта 1750 г. всем офицерам было велено переделать шпаги против *«объявленной образцовой»*[335].

В декабре того же года полк принимает новые парадные шарфы, подряженные в Вене через российского посла графа Михаила Бестужева-Рюмина. Штаб-офицерские отличались тем, что имели больше *«масифной канители»* в кистях и только *«четвертую часть»* шелка, а из числа обер-офицерских шарфов треть была полуаршином длиннее остальных. В кистях содержались шнурки *«разных манеров»* и золотые плетешки с битью. *«Клин-кланк»* (застежки?) на шарфах надлежало иметь *«крепкие»*[336].

Шесть лет спустя, в ноябре 1756 г., *«иностранный торговый купец»* Фридрих Вильгельм Погенполь (Poggenpohl) заключил контракт на изготовление для офицеров Конной гвардии новых шарфов *«добротою как в полотнах, так варворки и кисти против имеющихся лейб-гвардии в Семеновском полку»* — штаб-офицерские весом в два фунта четыре лота, обер-офицерские в один фунт 30 лотов, *«и имело б быть в штаб-офицерских по краям две полосы золотых, а третья в средине золотая ж с черным шелком, во всём неотменно против лейб-гвардии Семеновского полку, а в обер-офицерских три полосы золотых, а две золотые ж с черным шелком, точию б у тех обер-офицерских у всех шарфов золотые полосы были ширее тех, как в Семеновском полку, а с черным*

П. Ротари

Портрет графа Бориса-Порфирия Шереметева в парадном мундире офицера лейб-гвардии Конного полка. 1756 г.

(ГМК и «Усадьба XVIII века Кусково»)

Украшенные золотым шитьем парадные мундиры офицеры лейб-гвардии Конного полка делали себе дважды: в 1750 и 1757 гг. Мундиры эти, судя по всему, достаточно сильно отличались друг от друга. В 1750 г. *«вышивание»* золотом каждой пары стоило 140 рублей, в 1757 г. — все 250.

Колет офицера лейб-гвардии Конного полка. Первая половина 1762 г. Вседневный мундир офицера лейб-гвардии Конного полка. Вторая половина 1750-х — начало 1760-х гг.
(Государственный Эрмитаж)

Колет принадлежал князю Николаю Юсупову, вседневный мундир — Петру III.

шелком у́же, а длинами оные шарфы сделать штабские в четыре аршина, а обер-офицерские, первую половину, двадцать семь шарфов, по четыре аршина, а другую половину, двадцать шесть шарфов, в три аршина в четырнадцать вершков… ценою… за штабский по восьмидесят по одному рублю по пятидесят копеек, за обер-офицерский по семидесят по одному рублю по пятидесят копеек… все же те шарфы сделать из лучшего французского золота и шелку, крепкою, чистою и к носке прочною работою, а особливо канитель и бить к варворкам пришивать крепчее»[337]. Розданы офицерам эти шарфы были в августе 1757 г.[338]

ПОЛКОВЫЕ ВЕЩИ

Штандарты

Каждая рота лейб-гвардии Конного полка имела собственный штандарт: в первой (полковничьей) роте — из белого штофа, в девяти остальных — из красного. На белом штандарте вышивался черный государственный герб, на красных — императорские вензеля[339]. Все штандарты были *«расшивные золотом на обе стороны»* и обложенные золотой бахромой по краям. Десять древок *«столярной работы»*, сделанных в ноябре 1731 г., обошлись полку ровно в 10 рублей; *«малевание»* (окраска) их стоило еще пять[340]. Металлический прибор древка составляли медный *«прорезной»* вызолоченный дротик *«с короною и с именем Ее Императорского Величества»*, крепившийся при помощи одного медного шурупа[341]; вызолоченная (!) железная погонная скоба с кольцом и медный не золоченый подток. Штандартное полотнище прибивалось к древку *«малыми»* медными позолоченными гвоздями поверх двойного узкого золотого позумента (всего его было куплено 50 аршин)[342]. Еще одним украшением штандарту служили две больших и две малых кисти со шнурами из золота и красного шелка.

В марте 1751 г. золотошвейные мастера Пауль Парцер (Purtzer) и Яган Мускен (Mousquin) передали в полк сделанные ими 10 новых штандартов из *«самого лучшего»* двойного штофа, расшитых *«на обе стороны»* двойным французским золотом, *«выжечным»* серебром и *«добрым»* шелком. На каждый такой штандарт выходило по два аршина двойного штофа, четыре с половиной аршина широкой золотой бахромы *«первого сорта»*, две больших и две малых кисти со шнурами из золота с красным шелком[343]. В том же 1751 г. были изготовлены 10 медных резных позолоченных дротиков *«с именем Ее Императорского Величества и с короною»*[344]. Два года спустя, в январе 1753 г., делается еще два дротика: один *«с гербом»* (видимо, на белый штандарт), другой с императорским вензелем[345]. На постройку новых древок в Конюшенном ряду было *«приторговано»* пять *«штук»* по общей цене на 6 рублей 50 копеек[346]. Готовые древки выкрасили золотом[347].

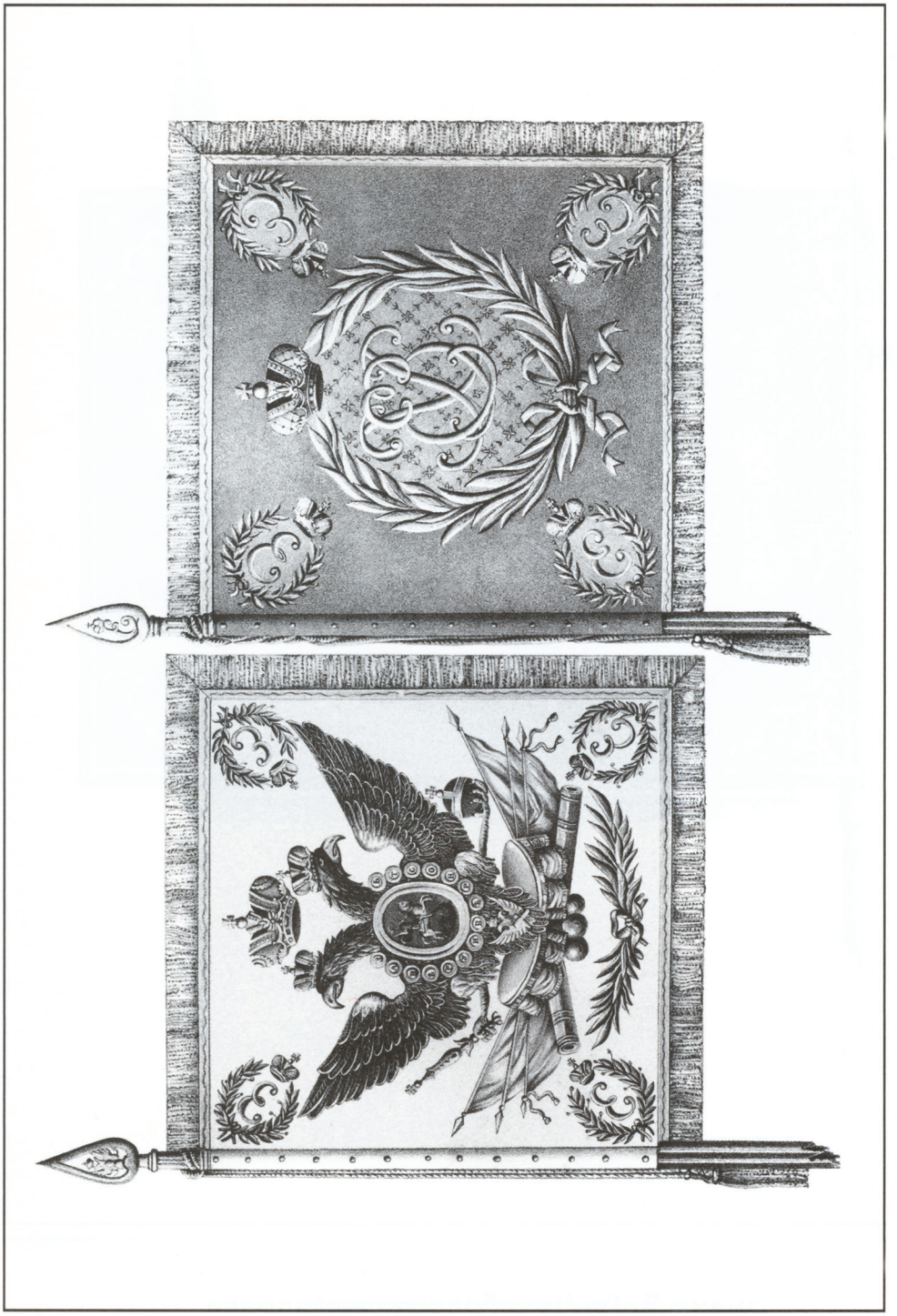
Свернутый вокруг древка штандарт закрывался чехлом из *«клееночных вощанок»* на белой бумазейной подкладке. В январе 1740 г. полковые штабы

Белый (полковой) штандарт лейб-гвардии Конного полка. 1751 г.
(Государственный Эрмитаж)

Рисунок белого (полкового) и цветного (ротного) штандартов лейб-гвардии Конного полка. 1751 г.
(Историческое описание одежды и вооружения российских войск… Т.3. СПб., 1899. Рис. № 375)

И дата изготовления, и количество этих штандартов в *«Историческом описании…»* указаны неверно. Сделаны они были вовсе не в 1742, а в 1751 г., и во вдвое большем количестве — не пять, а все десять (по числу рот). Вензель императрицы на красных штандартах, если верить составителям *«Описания…»*, помещался в оранжевом поле.

приказали сделать новые чехлы на штандарты и дротики, одну пару из белого фламского полотна и девять пар из красного, *«малеванные и с написанным золотом и приличными к тому против штандартов красками в вензелях по серебряному грунту именем Ее Императорского Величества и с гербами, а подложить те чехлы белою мягкою бумазеею, и к ним же положить пряжки медные с запряжниками кожаными юфтевыми красными»*[348]. Тех же цветов вощаные чехлы и *«чехлики»* с нарисованными золотом вензелями были седланы в начале 1750-х гг.; каждый штандартный чехол застегивался тремя медными пряжками[349].

Перевязи штандартов, вырезанные из говяжьей кожи, обшивались красным бархатом, золотыми позументом (видимо, таким же, как прочая амуниция) и бахромой. Металлический прибор перевязи включал медную позолоченную пряжку, *«двойной»* железный позолоченный же крюк с *«бляхами»* и две малые медные пряжки[350]. Чехлы к перевязям были вощаные, с белой бумазейной подкладкой.

В начале 1750-х гг. старые перевязи подклеили белой лайковой кожей и обшили новым красным бархатом. На каждую перевязь тогда было отпущено пять аршин золотого позумента *«первой широты»* (такого же, как на шляпах и чепраках) и пять аршин золотой бахромы *«второго сорта»* (у́же, чем на штандартах)[351]. *«На оторочку у оных перевязей чехлов»* приобрели пять козловых кож[352].

Бушматов к штандартным перевязям полагалось два комплекта: кожаные с железными крюками и кожаные же с ремнями и железными обоймицами — одни *«для конской езды»*, другие для *«пеших парадов»*[353]. В июне 1752 г. на изготовление бушматов к новым штандартам было приказано купить половину *«черной толстой»* кожи, полтора красных *«козла»* (козловых кож), дратву, нитки, воск, вар и 10 железных пряжек. Ремни к этим бушматам делались из красной юфтевой кожи, *«сшивая оную»*[354]. В феврале 1753 г. полковые слесаря выковали к бушматам *«для конных парадов»* 10 железных колец с крюками[355]. В ведомости, составленной по итогам постройки парадных вещей в мае 1753 г., бушматы были описаны следующим образом: *«для конной экзерциции с пришитыми к каждому железных с крюки кольцы, с ремнями и при них пряжки — 10… для пешей экзерциции с пришитыми ж к каждому по два железных крюка — десять же»*[356].

Литавры

Литавр в полку состояло две пары — серебряные и медные. Выписанные *«из чужих краев за немалую сумму»* серебряные литавры с позолоченными гербами и *«другими штуками»* употреблялись *«при полковых… церемониальных парадах, и в доме Ее Императорского Величества при концертах, и в прочих публичных же оказиях»*[357]. Медные литавры, взятые *«из ведомства Канцелярии главной артиллерии и фортификации»*, использовали во время строевых экзерциций и для обучения игре литаврщичьих учеников. В 1748 г. были изготовлены новые медные литавры[358]. Литавренные завесы из красного

Рисунок штандарта лейб-гвардии Конного полка. Первая половина 1762 г.
(Историческое описание одежды и вооружения
российских войск… Т.3. СПб., 1899. Рис. № 417)

В третьем томе *«Исторического описания…»* сообщается, что в 1762 г. для лейб-гвардии Конного полка предполагалось сделать пять новых штандартов, один белый и четыре красных, *«но изготовлен был только один красный, с серебряною и золотою в углах арматурою, с серебряными по краям украшениями и с серебряною же посредине звездою, на которой представлен черным шелком и золотом шитый двуглавый орел с золотою андреевскою цепью и с серебряным на груди щитом, на коем крестообразно расположены две латинские буквы «Р»; все украшения на штандарте вышиты»*. Ни подтвердить, ни опровергнуть эту информацию в данный момент не представляется возможным. Равным образом, нет никаких доказательств того, что изображенный здесь штандарт действительно принадлежал Конной гвардии.

штофа богато расшивались золотом (из элементов декора упомянуты *«гербы»* и *«вензеля»*), а также золотыми позументом и бахромой по краю[359]. В июле 1732 г. полк принял к литаврам сделанные из золота и красного шелка два коротких шнура *«о пяти кистях»* и два длинных шнура *«о двух кистях»*[360].

На новые завесы, сшитые в марте 1751 г., было израсходовано шесть аршин *«самого лучшего»* двойного красного штофа и два аршина вощанки[361]. Для украшения их приобрели 23 аршина двойного золотого позумента *«пятой широты»* (самого узкого), девять аршин золотой бахромы *«третьего сорта»* (у́же, чем на штандартных перевязях), шесть длинных шнуров с большими кистями по концам и 62 малых кисти без шнуров из золота и красного шелка[362]. В конце января 1753 г. мастер позументного дела Фаер изготовил к этим завесам недостающие четыре больших кисти *«и к ним, к каждым двум кистям, по одному шнуру»*[363].

Трубы

В каждой роте было четыре трубы — две серебряных и две медных. Первые предназначались *«для знатных оказий и парадов»*, вторые — *«для повседневного в караулы и в полковых строях употребления»*[364].

Первый комплект из 20 парадных серебряных труб поступил в полк в 1732 г. Семь лет спустя, в феврале 1739 г., мастер Томас Сандер подрядился сделать взамен их новые трубы *«ценою и с серебром и с позолотою и с резьбою в надлежащих местах каждую… по восьмидесят по пяти рублев… а весом серебра в каждой трубе не меньше двух фунтов, а пробы восемьдесят четвертой, ибо в таких трубах надлежит быть серебру для хорошей работы и легкости в голосах хорошему ж»*[365].

Медные трубы делались примерно через каждые шесть лет: первый раз в 1734 г., затем в 1739, 1745, 1750, 1755 и 1760 гг.[366] В сентябре 1739 г. всё тот же Томас Сандер заключил контракт на изготовление 20 новых труб из *«доброй и годной»* зеленой меди, *«хорошею и чистою работою и в голосах не фальшивые, и на тех же трубах сделаны бы им были о звании того полку литеры и номеры, считая попарно»*[367]. В мае 1755 г. мастер валторного и трубного дела Яган Гиндрих Данцке (Danscke) договорился сделать 20 труб *«из самой чистой зеленой меди и добрым мастерством, не тонкие, но вальяжные, а фасоном против… старых труб во всём неотменно»*[368]. На тех же самых условиях полк заключил с ним контракт и в 1760 г.[369]

У серебряных труб были шнуры и кисти из золота и красного шелка, у медных — просто гарусные. В июле 1732 г., вместе с серебряными трубами, полк принял 20 длинных шнуров *«о двух кистях»* и 20 коротких шнуров *«о трех кистях»*[370]. В начале 1750-х гг. на каждую серебряную трубу приходился один длинный шнур с двумя большими кистями по концам, а также три больших, две средних и четыре малых кисти с *«переплетенными»* шнурами[371]. Гарусные шнуры, видимо, имели только по две кисти. В октябре 1760 г. к медным трубам подряжаются шнуры и кисти из синего и красного российского гаруса[372]. Трубачам трехротной команды, отправленной к армии в 1737 г., было приказано

«взять с собою трубы точию одни медные, а шнуры взять к тем медным от серебряных труб же»[373].

Помимо труб и литавр, в полку имелись и собственно музыкальные инструменты. Определением полковой канцелярии от 14 июля 1750 г. для трубаческих учеников было велено купить две пары валторн с гарусными шнурами и кистями, один контрабас и один *«алта-фиол»* (виолончель)[374].

Квартирные значки

В 1732 г. для каждой роты был сделан синий камлотовый значок, обшитый красной гарусной бахромой и с *«намалеванными»* золотом *«словами» «полкового и ротного звания»*[375]. В 1742 г. строятся новые значки из синего сукна[376].

Рейтарские палатки

Несмотря на то, что лейб-гвардии Конный полк постоянно нес службу в столице, все необходимые лагерные принадлежности у него имелись. В феврале 1732 г. на высочайшее имя подается доклад с предложением сделать для полка 301 палатку *«с отменою от полевых драгунских полков и хотя малым более оных обыкновенных полках палаток… которые расположены на четыре человека»*. Резолюция гласила: *«Палатки по сему предложению строить с отменою, а числом на шесть человек палатка»*[377].

Согласно этому повелению, в следующем году конногвардейцы получили 210 палаток по образцу драгунских. 20 февраля 1733 г. поручик князь Михаил Шаховской доносил подполковнику Траутфеттеру: *«…а палатки рейтарские делаются парусинные одинакие, величиною меж древок четыре аршина, в четыре полотнища, вышина два аршина одиннадцать вершков, а манером такие, как обыкновенные в полках палатки»*[378]. Большая часть их — 120 штук — были изношены в походах 1737–1739 гг. и *«отчислены»* за ветхостью.

Определением от 16 мая 1740 г. господа *«полковые штабы»* велели сделать в Москве 224 новые палатки из *«прочного фламского полотна, також с подшитыми внутри по швам нитяными тесьмами и со обыкновенными к тем же палаткам пеньковыми веревками, а величиною и манером против драгунских полков с отменою, а именно сделать те новые палатки каждую в длину по древку по четыре аршина по шести вершков, поперек чрез древко до пол по шести, а полы по аршину, всего и с полами вокруг чрез древко ж по восьми аршин, и были б те полы у оных палаток цельные, а не перерезные, також зады у тех палаток сделать с откосками круглые, величиною те откоски от заднего ж древка по земле до пол на полтора аршина, ибо в те откоски имеют во время лагеря и походов кладены быть рейтарские седлы и прочая амуниция. Да сделать же один намет из фламского ж полотна для обучения во время ж лагеря трубачев, а величиною положить в тот намет полотна не более как против трех вышеписанной меры палаток. И как на всех реченных палатках, так и на оном трубаческом намете, с лица над входами написать синею краскою о звании полку того и рот литеры под коронами»*[379].

Пирамиды

В июле 1741 г. *«к покрыванию ружья»* в лагерях было велено построить 20 пирамид. Для изготовления их приобрели 200 аршин фламского полотна, 500 аршин нитяной тесьмы на подшивку *«с исподи, по швам и по краям»*, 10 фунтов толстой проволоки на крючки и петли, пол пуда тонких веревок *«на исподние петли»*, 20 деревянных точеных шляп и суровые нитки[380].

Офицерские палатки

Первый комплект офицерских палаток делали едва ли не дольше всех остальных необходимых для полка вещей. Весь процесс их изготовления и предшествовавшая ему административная прелюдия, затянувшиеся более чем на год, с февраля 1733 по март 1734 г., подробно освящены в переписке подполковника Траутфеттера с находившимся в Москве поручиком князем Михаилом Шаховским.

Итак, за образец (что, в общем, довольно предсказуемо) были взяты палатки офицеров пеших полков лейб-гвардии. *«...Також вашему высокородию всепокорно доношу: по прежде полученному мною от вашего высокородия ордеру,* — писал Шаховской 15 февраля 1733 г., — *о строении офицерских палаток лейб-гвардии в пехотных полках я справлялся. И оные палатки в тех полках строятся яринные зеленые, и наметы зеленые с полами яринные ж, токмо наметы на палатках у капитанов и у капитанов-поручиков, у поручиков, а у подпоручиков и у прапорщиков палатки без наметов. Величина оным палаткам по древку 6 аршин, а наметы 10 аршин. И на оные палатки полотна фламские куплены у ярославского жителя Ивана Затрапезнова, ценою аршин по пятнадцати копеек, да оные ж полотны для ярения отдаваны были московскому посадскому человеку Михайле Ловенишинкову, ценою от ярения за аршин по восьми копеек. А подбой у оных палаток не равный, кто какой похочет»*[381].

В конце того же месяца Траутфеттер установил размеры палаток: *«ротмистрам и секунд-ротмистру равною величиною, таким же манером, как пехотной гвардии у старших капитанов, и с наметами, точию величину отменить одним аршином в длину более той пехотной гвардии капитанских палаток, а поручикам и подпоручикам равные ж против пехотной гвардии поручиков, и с наметами ж, а корнетам без наметов, а величиною и манером против прапорщиков же пехотной гвардии, и строить те палатки из таких же полотен, из каковых в пехотной гвардии строятся, а именно палатки зеленые яринные, а наметы всем белые»*[382].

Наиболее полное представление о палатках офицеров гвардейской пехоты дает справка канцелярии Преображенского полка, составленная в апреле 1733 г.:

«В помянутом полку обер-офицерам на строение палаток и наметов в покупке белого фламского полотна шириною в полтора аршина, за аршин ценою по 15 копеек, и того ж фламского полотна за ярину дается по 8 копеек от аршина, итого обойдется каждый аршин того полотна с ярином по 23 копейки.

А в палатку: яринного полотна по 96 аршин по 4 вершка; крашенины кружевной по 213 аршин по 12 вершков, ценою за 100 аршин по 3 ру. по 69 ко. ¾; тесем по 220 аршин, ценою за 100 аршин по 58 ко. ½; веревок посконных толстых по 100 сажен 3-х аршинных, ценою за каждое по 92 ко.

В намет: яринного полотна по 152 аршина ½; тесьмы полосатой по 350 аршин; веревок по 112½ сажени.

Да к вышеписанным же палаткам и наметам покупались принадлежащие к тому строению материалы, а именно: кожи яловичные ценою за кожу по 80 ко.; игол каждое 100 по 10 ко.; ниток зеленых ценою каждая пятинка по 5 ко.; веревочек тонких за пучок по 1 ко.; кляпышей деревянных за сто по 7 ко., которых идет в намет по 48, в палатку по 40; шилья по 1 ко. шило; вервей белых несканных по 2 ко. ½ пятинка; вару по 8 катышков за 1 ко.; воску по 18 ко. фунт; мелу фунт по 1 копейке; щетин малый пучочек ¼ ко.

А вышеписанная палатка и намет строится по рангам: капитанам, капитанам-поручикам и поручикам — намет по древку десять аршин, палатка 6 аршин; подпоручикам и прапорщикам — одна палатка без намету, по древку 6 аршин»[383].

Процедура торгов с потенциальными подрядчиками была делом ответственным и хлопотным. По результатам их зачастую приходилось менять первоначально принятые решения. Рапорт поручика Шаховского от 19 апреля 1733 г., содержащий подробное описание одного из таких торгов, имеет смысл привести целиком:

«Высокородный и превосходительный господин, господин генерал-майор и лейб-гвардии Конного полку подполковник, милостивый государь мой!

С нижайшею покорностию моею вашему высокородию доношу:

К строению штаб- и обер-офицерских палаток и наметов сего апреля 17-го дня подрядчики явились и с прежним подрядчиком Прокофьем Красильниковым торговались, которые ценою просят, а именно:

Иван Трофимов. За майорские палатки, чтоб сделать оные в одну длину против ротмистрских длиннее полуаршином, а ширина и под палатки подбой против прочих обер-офицерских палаток, за каждую и с наметом — по девяносту рублев. За ротмистрские, чтоб сделать величиною против пехотной гвардии капитанов, с прибавкою ж в одну длину больше одним аршином — по восьмидесят по четыре рубли по семидесят по пяти копеек. За поручицкие и подпоручицкие, чтоб сделать величиною против пехотной гвардии поручиков — по семидесят по девяти рублев по семидесят по пяти копеек. За корнетские без наметов — по сороку по четыре рубли по семидесят по пяти копеек.

Владимир Васильев. У каждой палатки с наметом и без наметов подпискою ж объявил, что он уступает в цене перед оным Трофимовым по пятидесят копеек.

Петр Козмин. Объявил, что он уступает у каждой же палатки с наметом, а у корнетских без наметов, по двадцати по пяти копеек.

И подписались все, что меньше того ценою из них никто не возьмет и торговаться впредь ни с кем не будут. Да полотняной фабрики содержатели

Андрей Овощников, Федор Сибилев подпискою ж объявили, что оных палаток и наметов строить они подряжаться не будут.

А сего ж апреля 18-го дня оный Красильников подпискою своею объявил, что он сделает оные палатки и с наметы против вышеписанной величины: майорские палатки и с наметы ценою возьмет по восьмидесят по семи рублев, ротмистрские — по восьмидесят по три рубли, поручицкие и подпоручицкие — по семидесят по восьми рублев по пятидесят копеек, корнетские без наметов — по сороку по три рубли по пятидесят копеек. А ежели повелено будет ротмистрам сделать палатки с наметы величиною против пехотной гвардии капитанских, не прибавляя в длину еще аршина, то он возьмет ротмистрские, поручицкие и подпоручицкие, кроме майорских, за палатку и с наметом по семидесят по восьми рублев по пятидесят копеек, а корнетские без наметов — по сороку по три рубли по пятидесят копеек. А майорские ежели повелено будет делать палатки с наметы против ротмистрских, так, как ротмистрам против пехотной гвардии капитанов, с вышеписанною в длине прибавкою одним аршином, то он возьмет и от майорских ценою против ротмистрских же — по восьмидесят по три рубли. Буде же майорские повелено будет делать величиною так, как ротмистрские, против пехотной гвардии капитанов, и за таковые он возьмет по вышеписанной цене — по семидесят по восьми рублев по пятидесят копеек. И сделает он, Красильников, те палатки с заключения контракта в пять месяцев, и денег по договору требует он наперед по заключении контракта половину, и контракт чтоб заключить не в продолжительном времени, а под те палатки подкладку класть крашенину синюю и красную, обеих по равному числу, и наметы на палатки делать с полами, так, как в пехотной гвардии таковые наметы делаются.

А по справке лейб-гвардии Преображенского полку, присланной из полковой канцелярии за рукою полкового секретаря, о строении оных палаток с наметы и без наметов, по чему фламские белые полотны аршин и прочие к тому строению надлежащие материалы покупались, и по чему от ярения оных полотен с аршина ценою они подрядили, и что в намет и палатку оного полотна белого и в ярине аршин походило, показано именно, с которой справки копию к вашему высокородию при сем посылаю.

А ежели повелено будет делать наметы обер-офицерские без пол, мерою во всём против пехотной гвардии, то он, Красильников, за таковые наметы и палатки возьмет по семидесят по четыре рубли, а буде повелено будет майорские палатки с наметы делать против вышеписанного — в одну длину перед ротмистрскими прибавить полуаршином, а ротмистрские палатки с наметы против пехотной гвардии капитанов в длину ж прибавить одним аршином, а наметы делать без пол, то он, Красильников, за оные палатки с полами, а наметы без пол, ценою возьмет майорские по восьмидесят по три рубли, а ротмистрские по семидесят по девяти рублев.

А о парусине по ордеру вашего высокородия здесь я осведомился, которая шириною один аршин с вершком. Ценою просят за аршин по тринадцати копеек, а на строение оных палаток чтоб оную парусину ярить, мастера

сказали невозможно для того, что оная парусина толста и сурова, а не так, как оные фламские полотна, да и мерою в каждую палатку и намет пойдет гораздо больше оного фламского белого полотна, ибо оная у́же, а оное фламское полотно аршин ценою по пятнадцати копеек ширина полтора аршина.

А более того никто из подрядчиков к строению оных палаток и наметов не явился. И ваше высокородие о том что соизволите?

И сие донесши, остаюсь вашего высокородия милостивого государя моего всепокорный слуга»[384].

Ознакомившись с этим рапортом, 3 мая 1733 г. подполковник Траутфеттер приказал строить палатки следующего вида и размера: *«ротмистрам величиною палатка по древку семь аршин, а намет по древку ж одиннадцать аршин, а поручикам и подпоручикам величиною против пехотной же гвардии капитанских — величиною палатка по древку шесть аршин, а намет по древку ж десять аршин, а корнетам одни палатки без наметов, величиною по древку шесть же аршин, и как палатки, так и наметы всем оным чинам… построить таким же манером и вышиною и округлостию, и из таких же фламских полотен, как в гвардии в Преображенский полк строятся, и палатки все яринные зеленые, а наметы белые и с полами, и у наметов полы б были из такого ж фламского полотна… а подбить те палатки и с полами крашениною кружевною выбойкою, против Преображенского ж полку»*[385].

На такие палатки Красильников согласился сбавить цену еще немного. Теперь за каждую ротмистрскую палатку с наметом он просил 82 рубля 50 копеек, за поручицкую и подпоручицкую — 78 рублей, за корнетскую — 43 рубля, обещая сделать их в течении пяти месяцев, *«и к тем палаткам древки с оковкою и крашенные алою краскою, и на те древки точеные и крашенные ж шары, так, как и в Преображенском полку»*[386]. С ним, видимо, в конце концов и был заключен контракт.

Три месяца спустя работа по изготовлению палаток шла уже вовсю. *«С нижайшею покорностию моею вашему высокородию доношу,* — писал Шаховской 9 августа 1733 г., — *по заключенному контракту о строении господам штаб- и обер-офицерам палаток и с наметы, в надлежащее число ныне в первую треть наметов десять сделано, а на палатки полотны ярят, и уже несколько объярено, и шесть палаток скроено, и полотны в ярении выходят краскою против присланного от вашего высокородия образца сходны, точию есть от меди крапины небольшие, которому яренному полотну взяв от него, подрядчика, образец, при сем для рассмотрения к вашему высокородию посылаю. А мастера, которые те полотна у него ярят, объявляют ныне мне, что без тех крапин никак сделать они не могут, ибо те и на всех яренных полотнах крапины от меди бывают, а без меди де ярить невозможно, да и кроме тех мастеров к ярению удобных здесь не имеется»*[387].

Наконец, в марте 1734 г. Шаховской отправил в Санкт-Петербург готовые яринные палатки, *«штабские без подбою, а офицерские с подбоями красной кружевной крашенины, и с древками с шарами точеными крашеными, и с кляпыши, и с веревками, а корнетские палатки без наметов, всего двадцать девять палаток да девятнадцать наметов»*[388].

17 мая 1762 г. ростовский купец Дмитрий Базаров подрядился сделать для лейб-гвардии Конного полка пять штаб-офицерских, 10 ротмистрских и штабс-ротмистрских, 30 субалтерн-офицерских палаток с наметами, 122 рейтарских и одну караульную палатку из *«доброго и прочного»* белого фламского полотна. Размеры и украшения всех этих палаток детально описывались в контракте:

«...Штаб-офицерские: чрез древко на обе стороны шесть аршин с половиною, длиною древко от древка по семи аршин с половиною, кругом палатки подзор белый широтою в шесть вершков, у палатки полы длиною два аршина с половиною, с надлежащею к заднему древку перегородкою; внутри по швам и кругом подзора подшить нитяною тесьмою и подложить подо всю палатку красным кумачом, из которого и объявленные перегородки делать.

Обер-офицерские, ротмистровские и штабс-ротмистровские: чрез древко на обе стороны пять аршин с половиною, длиною древко от древка шесть аршин, кругом палатки белый подзор широтою в пять вершков, полы в два аршина с четвертью, с надлежащими к заднему древку перегородками; внутри по швам и вокруг подзора подшить нитяною тесьмою и подложить кружевною крашениною... и перегородки из той же крашенины делать.

Поручицкие, подпоручицкие, корнетские и унтер-штаба офицерские: чрез древко на обе стороны пять аршин, длиною древко от древка пять аршин, кругом палатки белый подзор широтою в четыре вершка, полы длиною в два аршина в два вершка, с подлежащими к заднему древку перегородками; внутри [по швам] и вокруг подзора подшить нитяною тесьмою и подложить кружевною крашениною... и с таковыми ж перегородками.

На все вышеписанные штаб- и обер-офицерские палатки наметы делать с передними и задними откосами, со украшением из красного кумача, во всём, как в манире, так и где тот кумач назначен, положить против данного плана неотменно, а широтою тем кумачом нашивку делать на всех тех наметах по нижеписанному: по древку на обе стороны десять вершков, полосы во весь намет по полам и до низу по два вершка, промеж полос змейки сверху широтою по пяти вершков, а длиною по одному аршину с половиною; подзор вокруг намета по пяти вершков, снизу пол вокруг всего ж намета подзор по два вершка...

И у всех тех наметов и палаток для пристегивания пол пришить железные крючки с петлями, на каждом полотнище по восьми пар, против данных при сем образцов.

Рейтарские палатки маниром против данного плана: чрез древко на обе стороны восемь аршин с половиною, длиною древко от древка четыре аршина с половиною, задний откос по препорции оной палатки, чтоб в нем было пять полотнищ, широтою каждый откосок снизу по одному аршину по восьми вершков. Ко оной палатке подполку не пришивать, а веревки пришить по плану, внутри по швам и снизу вокруг подшить нитяною тесьмою, со украшением из кумача по древку по шести вершков, и на каждой стороне по четыре змейки широтою каждую сверху по четыре вершка, а длиною по одному аршину с четвертью. У тех же рейтарских палаток на передних обоих полах, как на плане назначено, написать о звании полку складом «лейб-гвардии Конного полку» под короною, желтой и черной краски.

Караульную палатку против данного плану: чрез древко на обе стороны восемь аршин, длиною древко от древка шесть аршин, боковые полы по три аршина, задние полы длиною по одному аршину с половиною; внутри по швам и вокруг снизу подшить нитяною тесьмою, а украшение сделать против рейтарской палатки, и вокруг белого подзора по швам и по полам по одному вершку с четвертью, из кумача ж. Ко всем тем палаткам и наметам принадлежащие к постановлению оных веревки в надлежащую длину»[389].

Цена описанной выше штаб-офицерской палатки составляла 149 рублей, ротмистрской и штабс-ротмистрской — 59 рублей 50 копеек, субалтерн-офицерской — 49 рублей 75 копеек, караульной — 19 рублей 50 копеек, рейтарской — 9 рублей 85 копеек. Отдать готовые палатки в полк следовало через четыре месяца после заключения контракта[390].

Добавим также, что палаточные древки делались из сухого березового дерева, с *«потребною железною оковкою»*, а на рейтарские и караульную палатку ставилось по две шишки из *«латунной двойной меди»*[391].

Приняты все эти вещи в полк были в феврале следующего 1763 г.[392]

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОБМУНДИРОВАНИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ 1762–1796 гг.

В период правления Екатерины II трансформация обмундирования и снаряжения лейб-гвардии Конного полка проходила в едином русле с другими гвардейскими частями — при сохранении своей традиционной расцветки и основных (также довольно традиционных) очертаний, форменные и амуничные вещи, порой весьма существенно, менялись в деталях под влиянием моды и дополнялись отдельными украшениями (вроде кордонов на шляпах, эполет, портупейных пряжек с накладными *«гербами»* и др.). Со временем совокупность подобных частных нововведений приводила к заметным коррективам в общем облике *«военнослужителей»* — мундиры, показанные на выполненных в 1780-е — 1790-е гг. портретах гвардейцев, серьезно отличаются от тех, что были сделаны двадцатью годами ранее. Униформа музыкантов и нестроевых чинов, не несущая на себе столь сильной идеологической нагрузки, менялась в покрое и расцветке более интенсивно.

Из обихода офицеров и нижних чинов Конной гвардии окончательно исключается *«богатый»* мундир. Начиная с 1762 г. по два набора вещей — парадные и вседневные кафтаны и камзолы — имели только трубачи и литаврщик. Все остальные, к немалой экономии и казны, и собственных средств, с тех пор довольствовались единственным на все случаи комплектом форменного платья. Шляпы, штаны и перчатки продолжали делиться на парадные и вседневные таким же образом, как это было принято в предыдущие времена — вновь сделанные становились парадными, а старые переходили в разряд вседневных. По традиции сохраняется и два комплекта амуничных вещей — парадные и вседневные портупеи, перевязи и лядуночные ремни.

Требования к качеству материалов, приобретаемых на постройку обмундирования, стали на порядок лояльнее, чем прежде. Вполне допустимым, например, было принимать сукно, *«явившееся»* немного темнее или светлее, толще или тоньше представленных подрядчиками при заключении контракта образцов, если оно при этом оказывалось *«не редко»* и в целом сходствовало с последними в *«доброте»*[393]. Аналогичным образом, не возбранялся прием каразеи, сделанной *«краснее, светлее и темнее»* оговоренного образца, а также холста *«серее, желтее и белее»* нормы, более желтой или *«темной»* клеенки[394].

В 1760-е гг. для Конной гвардии покупались *«лучшие»* васильковые и красные сукна российских фабрик *«из добрых, нележалых и мягких шерстей»*, выкрашенные *«нелинючими»* и *«прочными к носке»* красками, *«крепкая и плотная»* красная каразея, а также красная байка на подбой унтер-офицерских кафтанов[395]. Начиная с 1773 г. вновь используется английское сукно[396]; сначала васильковое и красное, с 1778 г. — синее и красное, а с 1783 г. — синее и алое. С конца 1770 г. сукна любого происхождения подряжались двух *«сортов»* или же *«доброт»*: более дорогое и качественное сукно первой доброты было предназначено на вещи строевых чинов, *«действительно»* отправляющих караульную службу, второй доброты — на обмундирование *«слабосильных»* рейтар и нестроевых (в это же время со страниц контрактов исчезает непременное раньше условие ставить для унтер-офицеров, капралов, писарей и музыкантов сукна лучше ординарных)[397]. Другим в 1770-е гг. стал и ассортимент подкладочных тканей: сделанные по сроку 1773 г. кафтаны строевых чинов были подшиты байкой, нестроевых — каразеей; в 1776 г. байку заменяет фланель, а в 1780-е гг. на подбой унтер-офицерских кафтанов мог приобретаться стамед (подробнее обо всём этом будет сказано в соответствующих разделах). Епанчи для всех чинов строились из ординарного василькового (синего) сукна, с красной каразейной подкладкой; с начала 1770-х гг. на епанчи отпускается сукно второй доброты. Указная ширина сукна, как и раньше, составляла 1 аршин 14 вершков, байки и каразеи — один аршин два вершка, холста и клеенки — не менее восьми вершков (обычно было восемь или девять)[398].

Сроки службы форменных вещей также остались прежние: шляп, кафтанов, камзолов, штанов и перчаток — два с половиной года, епанеч и пуговиц — пять лет. Начиная с 1788 г. мундир, по-видимому, обновляли каждые два года.

Кроме того, необходимо отметить пришедшийся на конец екатерининской эпохи сдвиг общепринятых значений. В конце 1780-х — начале 1790-х гг. словом *«мундир»*, на протяжении без малого ста лет служившим для определения всего комплекта верхней одежды — кафтана, камзола и штанов, всё чаще стали называть главную составляющую этого набора — кафтан либо заменявшую его вещь (куртку, колет, доломан и др.). Объяснить произошедшее, видимо, можно тем, что в результате реформы 1783–1786 гг. практически повсеместно исчезает обозначавшийся данным термином комплект предметов.

СТРОЕВЫЕ НИЖНИЕ ЧИНЫ

Шляпы

Головным убором строевых чинов, как и прежде, были черные поярковые шляпы. В начале 1760-х гг. они мало отличались от носившихся в елизаветинские времена: по краям поднятых кверху и зафиксированных в нужном положении черными нитками полей был нашит гладкий широкий золотой позумент, а с левой стороны — белый волосяной бант-кокарда с *«петличкой»* из черного шерстяного или гарусного шнура (на каждую шляпу его выходило

по шесть вершков)[399] и медная камзольная пуговица. С середины 1763 г. на шляпы ставились тисненые камзольные пуговицы с *«вензеловым именем»* Ее Величества[400], с конца 1774 по 1777 г. — видимо, гладкие; затем — плоские кафтанные, вылитые из томпака[401]. Материалом для изготовления петличек к бантам во второй половине 1770-х гг. служил черный гарусный *«плетешок»* (плоская тесьма)[402], в 1780-е гг. — черный гарусный шнур[403]. В июне 1792 г. на петлички отпускается черный шелковый плетешок[404], в 1794 г. — желтая гарусная тесьма[405].

Чтобы шляпы дольше сохраняли желаемую форму и цвет, уже в 1760-е гг. их стали лакировать. Работа эта, судя по всему не слишком сложная, была по силам не только профессиональным ремесленникам, но и полковым чинам[406]. Если дело поручалось последним, *«на лакирование шляп»* покупали масло, краски, грунт и лак[407]. В 1792 г. среди прочего на 570 парадных шляп приобретается 30 фунтов сутуги (проволоки) на пришивку к задним полям и 295 аршин черной тесьмы[408].

На голове шляпу удерживал *«подвязной»* ремешок из выростковой (опойковой) кожи, застегивающийся черненой железной пряжкой[409]. Место его расположения было определено столь же строго, как и всех прочих деталей шляпного *«убора»*. В одном из пунктов приказа от 11 апреля 1767 г. говорилось: *«...Неоднократно отданными в полк письменными приказами велено унтер-офицерам, капралам и рейтарам у шляп подвязные ремешки иметь гораздо ближее к уху, в препорцию, а ныне усмотрено, что те ремешки у шляп имеют почти подле бровей, чего ради господам ротным командирам в ротах своих приказать как парадные, так и вседневные шляпы против имеющейся в полковой канцелярии образцовой шляпы перевязать, и чтоб показанные подвязные ремешки были гораздо ближее к уху»*[410].

Нашитый по краям полей двойной широкий позумент делался *«из самого цветного российского шестерного золота»*[411]. Первое время и на парадных, и на вседневных шляпах позумент был одинаковый — гладкий; начиная с 1768 г. парадные шляпы *«для лучшей красоты»* обкладывали позументом с городками (также двойным)[412]. В дальнейшем разница между парадными и вседневными шляпами стала еще более заметна — по определению полковой канцелярии от 12 июля 1782 г. последние лишились позумента вообще. Тогда же *«к лучшему украшению»* на шляпах всех видов было предписано носить перьевые султаны[413].

До начала 1790-х гг. нормы отпуска позумента практически не менялись: в 1760-е — первой половине 1770-х гг. и на парадные, и на вседневные шляпы его выходило по два аршина два вершка, во второй половине 1770-х — по два аршина, в начале 1780-х — по 1 аршину 15 вершков, в 1792 г. — по 2 аршина 10½ вершков[414]. Во всех приведенных выше примерах речь идет об усредненных цифрах (для шляп любого размера); фактический расход был несколько иным. Так, в 1763 г. на шляпу большой руки позумента отпускалось два аршина и два вершка, средней руки — два аршина с вершком, меньшей — два аршина ровно[415]. В 1760-е и 1770-е гг. позумент пришивался желтыми нитками, с середины 1780-х гг. — палевым шелком[416].

Султаны также делились на парадные и вседневные. Разница в цене между теми и другими была примерно двукратная: купленные в январе 1783 г. парадные султаны стоили по 2 рубля 10 копеек за штуку, вседневные — по 90 копеек[417]. В середине 1788 г. при полку имелось 698 белых и 700 *«белых с черным»* султанов (парадными, вероятнее всего, были вторые)[418]. Вседневные шляпы в декабре 1789 г. украшали султаны из белых гусиных перьев[419]. В августе 1792 г. полковой комиссар Александр Крюков получил приказ выключить из прихода 700 выданных в роты белых парадных султанов[420].

В обхват тульи крепился кордон — шнур с двумя кистями на концах, свисающими в боковых углах шляпы. Для рейтар и цирюльников кордоны делались из гаруса, для унтер-офицеров, капралов и трубачей — как правило, из шелка с добавлением золота.

До середины 1763 г. полк донашивал гарусные кордоны, подряженные во время правления Петра III — желтые с черным для унтер-офицеров и капралов, красные для рядовых рейтар (окончательно *«отчислены»* из табели они были по приказу от 31 декабря 1765 г.)[421]. Точно такие же кордоны — 178 желтых с черным для унтер-офицеров, капралов, писарей, трубачей и литаврщика, 1.010 красных (по другим сведениям алых) для рейтар и цирюльников — раздаются в июле 1763 г.[422] Два года спустя, в середине 1765 г., унтер-офицеры, капралы, писари, трубачи и литаврщик получают 177 шелковых кордонов, *«в кистях в средине шелк красный и синий, а вокруг золотом сканным же, с шнуры и варворки из красного с желтым шелком»*[423]; рейтары, цирюльники, ученик литаврщика — 811 кордонов из красного и василькового немецкого гаруса[424].

В январе 1768 г. контракт на изготовление новых кордонов заключил позументный мастер Кондратий Журиков. Для унтер-офицеров, капралов, писарей, трубачей, литаврщика и его ученика надлежало сделать кордоны двух видов: парадные — *«кисти в средине красный сканный шелк, а вокруг сканное золото, в шнурках и варворках красный с желтым шелк»*; вседневные — *«кисти в средине черный и желтый, вкруг один желтый сканный, а в шнурках и варворках черный и желтый не сканный гарус»*. Для рейтар и цирюльников — 810 красных кордонов *«в шнурках сканного, а в кистях не сканного гаруса»*[425].

Такие же кордоны — из красного шелка с золотом для унтер-офицеров и красного гаруса для рейтар — строились по крайней мере до 1792 г.[426] В декабре 1794 г. в роты было выдано 50 пар *«нынешнего калибра»* красных гарусных кордонов для *«таврической команды»* и 500 пар *«желтых с чернью»* кордонов и петлиц *«прежнего калибра»*[427].

Прическа

Прическа нижним строевым чинам полагалась самая обыкновенная: волосы на висках следовало иметь убранные в две букли; косы — *«прямые»* и *«не тонкие»*, длиной до кафтанного лифа, *«с попущением на четверть аршина по косе прививочной ленты»*[428]; усы — *«однокалиберные»* (одного вида во всём полку) и *«расчесанные вверх»*[429]. Те, у кого не росло собственных волос, носили накладные усы *«на проволоке»*, сходные с *«природными»*[430]. По приказу от

27 октября 1767 г. на косах было велено снова носить волосяные бантики, отмененные четырьмя годами ранее[431]. При парадах волосы на голове пудрились, а усы фабрились в черный цвет.

Рубашки и галстуки

Черный волосяной галстук с белой обшивкой вдоль верхнего края застегивался медной *«бляхой»*. Рубашку из белого полотна следовало носить с нарукавными манжетами. Длина последних изначально равнявшаяся вершку с четвертью, к марту 1764 г. увеличилась до полутора вершков[432]. В сентябре 1763 г. в роты были отпущены волосяные голштинские галстуки[433].

Кафтаны, камзолы и епанчи

Вседневный мундир, построенный по сроку 1 июля 1763 г. — *«кафтаны василькового сукна, с воротниками и обшлагами красными суконными ж, с подбоем подо всеми каразеею и крашениною красною и с подложением под пуговицы и петли кленки, со обшивными петлями васильковым гарусом, с пуговицы медными; камзолы с рукавами красного сукна, с воротниками и обшлажками синего сукна ж, с подбоем под полами красной же крашениной, а под спины, в рукавах и в карманах холстом белым, с пуговицами медными ж, с петли обшивными красным гарусом и под петлями и пуговицами подложенною клеенкою»*; василькового сукна с красной каразейной подкладкой епанчи — практически не отличался от предыдущего[434]. По большому счету, вся разница состояла в том, что пуговицы на новом мундире у строевых чинов были тисненые, с вензелями *«высочайшего имени Ее Императорского Величества»*, а борта кафтанов теперь могли застегиваться встык, на вшитые в них пять пар медных крючков и петель[435]. Делать вещи следовало *«по росту каждого человека, в надлежащую препорцию, меряя каждого… поставя на колени, кафтаны от земли корочее на два вершка, рукава по кисть, воротники вшитые, и кафтаны не весьма узкие, а камзолы [длиной] по руке… а епанчи круглые»*[436]. На кафтаны унтер-офицеров, капралов, писарей и музыкантов по обыкновению пошло васильковое сукно лучшего качества; на камзолы, кафтанные обшлага и воротники — такое же красное сукно, как прочим чинам[437].

Воротники камзолов у рейтар, трубачей и цирюльников с середины 1764 г. обшивались двухсторонним узким золотым позументом. *«Сего мая 11 дня,* — гласило определение полковой канцелярии, — *лейб-гвардии от Измайловского полку сообщением знать дано, что присланным Ее Императорского Величества от дежурного господина генерал-адъютанта и кавалера графа Кириллы Григорьевича Разумовского сообщением объявлено: Ее Императорское Величество соизволила усмотреть лейб-гвардии Измайловского полку солдат в новопостроенных летних камзолах, которые высочайше апробуя, указать соизволила, чтобы во всех лейб-гвардии полках камзолы против оных построить, различая воротниками — так, как нынешние кафтаны, с тою только отменою, чтоб и у рядовых на воротниках положен был самый*

узкий позумент в один раз»[438]. В 1764 г. такой позумент покупался из расчета по 14 вершков на человека, в 1768 г. — по 13½ вершков, в 1774 и 1776 гг. — по 13 вершков ровно[439].

Украшенные позументом, с приборного цвета воротниками и обшлажками, камзолы, — вещь прежде второстепенная, служившая поддевкой кафтану, — при Екатерине превратились в полноценный, вполне самостоятельный предмет обмундирования. В теплое время года обучение строевой экзерциции и отправление караульной службы происходило именно в них[440]. Согласно приказу от 1 мая 1765 г. кафтаны следовало надевать только при заступлении на караул *«в дом Ее Императорского Величества и к его графскому сиятельству господину подполковнику и кавалеру графу Григорью Григорьевичу Орлову»*[441].

На мундиры по сроку 1 января 1766 г. пошло синее сукно и красная байка, забранные из *«голштинского арсенала»*, красное сукно и красная каразея производства *«российских фабрик»*. Кафтаны унтер-офицеров, капралов, писарей и музыкантов были построены из тонкого *«унтер-офицерского»* сукна, прочих чинов — из *«ординарного»*; первые подбивались байкой, вторые — каразеей. Камзолы всем, как и в прошлый раз, сделали из ординарного сукна. Покрой вещей также не изменился: шить вещи надлежало *«по росту каждого человека, в подлежащую препорцию, меряя каждого человека, поставя на колени, кафтаны от земли корочее на два вершка, рукава по кисть, воротники пришивные в два сукна, и притом не весьма б узкие, а камзолы, поставя на колени ж, корочее на шесть вершков»*.[442]

Новые вседневные мундиры по сроку 1 июля 1768 г. были построены целиком из отечественных материалов. Единственное их отличие от сделанных в 1763 г. состояло в том, что унтер-офицерские кафтаны вместо каразеи подкладывались байкой[443]. Пуговицы к этим мундирам подрядили *«отливные и спаянные»*, с *«высочайшим Ее Императорского Величества вензеловым именем»*, из расчета по 19 кафтанных и 24 камзольных на человека[444].

В конце 1770 г. на изготовление нового комплекта вседневных мундиров покупается российское васильковое и красное сукно двух *«сортов»* или же *«доброт»*. Сукна первой доброты были предназначены на вещи строевых чинов (унтер-офицерам, капралам, писарям и музыкантам по обыкновению требовалось синее сукно *«против образцов первой доброты несколько лучшее»*), второй доброты — на вещи нестроевых. Кафтаны унтер-офицеров, капралов и приравненных к ним чинов подкладывались байкой, остальных — каразеей[445]. В феврале 1772 г. на вновь стоящиеся мундиры было велено переставить старые пуговицы, *«прибавя ко оным по одной кафтанной и по одной камзольной»,* а также отпустить по четыре штиблетных пуговицы к камзольным рукавам[446]. Крепились пуговицы на ремешках из сыромятной кожи[447].

Вседневный мундир по сроку 1 июля 1773 г. был сделан из английского сукна. На кафтаны и камзолы унтер-офицеров, капралов, писарей, музыкантов и рейтар следовало *«употреблять»* васильковые и красные сукна первого сорта и красную байку; *«слабых»* рейтар и нестроевых чинов — сукна второго сорта и красную каразею (разницы в качестве материалов между мундирами унтер-офицеров и прочих строевых чинов, таким образом, больше не существовало)[448].

В августе 1773 г. на полный комплект мундиров подряжаются *«гладкие»* (без каких-либо изображений) медные пуговицы, из расчета по 20 кафтанных и 24 камзольных на каждого человека (позднее, для отличия от гладких и плоских пуговиц, эти стали называть *«высокими»* и *«круглыми»*)[449].

Точно такие же мундиры строились в 1774 г. Пуговиц на них было велено ставить по 20 кафтанных, 24 камзольных и 4 штиблетных (в этом количестве пуговицы отпускали до конца 1778 г.)[450].

Мундир, изготовленный по сроку 1 января 1776 г. отличался тем, что прежние гладкие *«круглые»* пуговицы у строевых чинов были заменены плоскими полированными (количество их осталось прежним), а байка — фланелью[451].

На вседневный мундир по сроку 1 июля 1778 г. подрядили английские синие и красные сукна двух доброт, красного цвета фланель под кафтаны строевых чинов, красную каразею под кафтаны нестроевых, а также новые плоские полированные пуговицы строевым чинам, из расчета по 26 кафтанных и 24 камзольных на человека[452].

Такие же мундиры были сделаны в середине 1781 г. Разница их с предыдущими состояла единственно в том, что кафтаны унтер-офицеров и капралов подкладывались стамедом[453].

На постройку вседневного мундира по сроку 1 июля 1783 г. приобрели английские синие сукна первого и второго сортов, алое сукно первого сорта и красное второго, алую фланель для подкладки под кафтаны строевых чинов, красную каразею под кафтаны *«слабых»* рейтар и нестроевых[454].

Следующий мундир — срок ему считался с 1 января 1786 г. — был изготовлен не раньше августа. На вещи строевых чинов пошло синее и алое английское сукно первого сорта и красная фланель; на вещи слабых рейтар и нестроевых — тех же цветов сукна второго сорта и красная каразея[455].

Такой же мундир строится в конце 1788 г., только взамен фланели, найти которой в нужном количестве не удалось, было велено подрядить русский стамед, *«цветом против фланели сходного или хотя немного и потемнее»*[456]. В 1789 г. на подкладку кафтанов строевых чинов вновь покупается алая фланель[457], в 1790 г. — английская фланель и алая *«полушпанская»* байка. Плоских медных пуговиц на каждый мундир в 1790 г. выходило около 25 кафтанных и 20 камзольных[458].

Полный комплект новых мундиров на 1.204 человека был изготовлен в середине 1792 г. Строевые чины получили кафтаны и камзолы, нестроевые — камзолы и сюртуки. Вещи унтер-офицеров, капралов и рейтар делались из синего и алого сукна первого сорта и алой фланели, нестроевых чинов — из синего и алого сукна второго сорта и красной каразеи. Пуговиц на каждый мундир выходило около 21 кафтанной и 24 камзольных (вычислить точное количество не представляется возможным)[459].

В 1794 и 1795 гг. новые мундиры строили из таких же материалов; в числе прочих *«припасов»* покупается хлопчатая вата (600 листов в 1794 г., 650 в 1795 г.)[460].

В более схематичном виде все эти перемены представлены в таблице:

СРОК МУНДИРА	СУКНО		УНТЕР-ОФИЦЕРЫ И КАПРАЛЫ		РЕЙТАРЫ		НЕСТРОЕВЫЕ		ПУГОВИЦЫ (строевые чины)
	производство	цвета	сукно	подбой	сукно	подбой	сукно	подбой	
01.06.1763	российское	васильковое и красное	лучшее*	каразея	ординарное	каразея	ординарное	каразея	с вензелем
01.01.1766	синее – голштинское, красное – российское	синее и красное	лучшее («тонкое»)*	байка	ординарное	каразея	ординарное	каразея	с вензелем
01.06.1768	российское	васильковое и красное	лучшее*	байка	ординарное	каразея	ординарное	каразея	с вензелем
01.01.1771	российское	васильковое и красное	лучшее 1-го сорта	байка	1-го сорта	каразея	2-го сорта	каразея	с вензелем
01.06.1773	английское	васильковое и красное	1-го сорта	байка	1-го сорта	байка	2-го сорта	каразея	гладкие
01.01.1776	английское	васильковое и красное	1-го сорта	фланель	1-го сорта	фланель	2-го сорта	каразея	плоские
01.06.1778	английское	синее и красное	1-го сорта	фланель	1-го сорта	фланель	2-го сорта	каразея	плоские
01.01.1781	английское	синее и красное	1-го сорта	стамед	1-го сорта	фланель	2-го сорта	каразея	плоские
01.06.1783	английское	синее и алое	1-го сорта	фланель	1-го сорта	фланель	2-го сорта	каразея	плоские
01.01.1786	английское	синее и алое	1-го сорта	фланель	1-го сорта	фланель	2-го сорта	каразея	плоские
1788	английское	синее и алое	1-го сорта	стамед	1-го сорта	стамед	2-го сорта	каразея	плоские
1789	английское	синее и алое	1-го сорта	фланель	1-го сорта	фланель	2-го сорта	каразея	плоские
1790	английское	синее и алое	1-го сорта	байка/фланель	1-го сорта	байка/фланель	2-го сорта	каразея	плоские
1792	английское	синее и алое	1-го сорта	фланель	1-го сорта	фланель	2-го сорта	каразея	плоские
1794	английское	синее и алое	1-го сорта	фланель	1-го сорта	фланель	2-го сорта	каразея	плоские
1795	английское	синее и алое	1-го сорта	фланель	1-го сорта	фланель	2-го сорта	каразея	плоские

* Камзолы унтер-офицеров, капралов, писарей и музыкантов строились из ординарного сукна.

** Таблица составлена: Ф.3543. Оп.1. Д.552. Л.51, 95-95 об., 97; Д.1230. Л.251-255 (1763 г.); Д.554. № 152, № 155, № 158; Д.1232. Л.144; Д.1234. Л.284-285 об. (1766 г.); Д.556. Л.114-115; Д.557. Л.82-83 (1768 г.); Д.559. Л.96-98; Д.1245. Л.264 об.-265 об. (1771 г.); Д.561. № 12 (1772 г.); Д.562. № 2 (1773 г.); Д.563. № 28; Д.1249. Л.86-88 (1774 г.); Д.565. № 20, № 66, № 73 (1776 г.); Д.566. № 35; Д.567. № 61, № 67 (1778 г.); Д.1257. Л.184 (1780 г.); Д.569. № 58; Д.1259. Л.143-143 об., 323 (1781 г.); Д.1259. Л.143-143 об., 292 об., 323 (1782 г.); Д.1260. Л.115-115 об., 239-239 об. (1783 г.); Д.1261. Л.473 об. (1784 г.); Д.571. Л.61; Д.573. Л.42; Д.1263. Л.276 (1786 г.); Д.1265. Л.297 об.-298, 476, 548 об., 578 об. (1788 г.); Д.1266. Л.273-273 об., 287 об.-288 (1789 г.); Д.1267. Л.167, 179 об. (1790 г.); Д.1269. Л.211 об.-212, 287 об.-288 (1792 г.); Д.1270. Д.577. Л.73; Л.118 об.-119, 135 об.-136 об., 300-301 об., 356-356 об. (1794 г.); Д.577. Л.73; Д.1271. Л.84 об.-85, 368 об. (1795 г.).

Сведения о том, сколько именно и каких материалов отпускалось на пошив мундирных вещей, нам удалось обнаружить только за следующие годы:

РАСКЛАДКА ВЕЩЕЙ И МАТЕРИАЛОВ НА ПОСТРОЙКУ ВСЕДНЕВНОГО ОБМУНДИРОВАНИЯ НИЖНИХ СТРОЕВЫХ И НЕСТРОЕВЫХ ЧИНОВ В 1763, 1766, 1774, 1776 гг.*	
КАФТАН И КАМЗОЛ	
василькового сукна	3 арш. 12 вер.
красного сукна на камзол, воротник и обшлага кафтана	2 арш. 8 вер.
красной каразеи под рейтарские кафтаны	3 арш. 15 вер.
красной байки под унтер-офицерские, капральские, писарские и трубаческие кафтаны (1766 г.)	3 арш. 15 вер.
красной крашенины в фалды	2 арш.
белого холста под камзол, в рукава и карманы кафтана	10 арш. 8 вер. (с 1774 г. – 10 арш.)
клеенки кафтана под пуговицы и петли кафтана	1 арш. 3½ вер.
клеенки под пуговицы и петли камзола	9 вер. (с 1774 г. – 1 арш. 12 вер. на весь мундир)
синего гаруса	2½ зол. (в 1774 г. – 2 зол.)
красного гаруса	1½ зол.
медных кафтанных пуговиц	19 штук (с 1772 г. – 20)
медных камзольных пуговиц	унтер-офицерам и капралам 22, рейтарам 23 (с 1772 г. – 24)
медных штиблетных пуговиц к рукавам камзола (с 1772 г.)	4 штуки
ЕПАНЧА	
василькового сукна	6 арш.
красной каразеи	2 арш.
медных крючков и петель	1 пара

* Таблица составлена: РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.544. № 158; Д.1230. Л.251 об., 360; Д.1249. Л.102; Д.1253. Л.84.

В 1792 г. наряду с обычными кафтанами и камзолами, нижним чинам выдается особый летний мундир. 27 марта подпоручик и полковой комиссар Александр Крюков получил приказ сделать *«для бываемых в летнее время строев из алого сукна по данному вам образцу летние с рукавами камзолы с голубыми отворотами и с канифасовыми жилетами, да музыкантам тринадцати человекам алые с черными отворотами кафтаны с белыми суконными жилетами и штанами»*[461].

Сведений об этом мундире сохранилось вполне достаточно для его подробного описания. Итак, алый суконный камзол с рукавами имел голубые воротник, обшлага и отвороты; голубого цвета была и стамедная подкладка в полах (у рейтар, как и положено, воротник обшивался узким золотым позументом). Кроме основных материалов, покупались подкладочный холст под камзолы и жилеты, клеенка, алый гарус для обметки пуговичных петель, медные проволочные крючки и петли, сыромятные ремешки *«на насаживание»* пуговиц.

Последних на каждую пару (камзол с жилетом) выходило по 19 *«больших»* и 24 *«маленьких»*. Дополняли камзол белые каламенковые жилет и рейтузы. Воротники и обшлага унтер-офицерских и капральских камзолов обшивались таким же, как у рейтар узким золотым позументом[462]. Роздан этот мундир в роты был по приказу от 1 октября 1792 г.[463] В следующий (и последний) раз летние камзолы с рукавами строятся в 1794 г.[464]

В августе 1776 г. к новым вседневным мундирам *«для лучшей красы»* подряжается 100 пар *«унтер-офицерских и капральских»* и 600 пар *«рейтарских»* золотых эполет с кистями и вышитым блестками *«высочайшим Ее Императорского Величества вензеловым под короною именем»*. Разница между теми и другими была невелика: первые стоили по 4 рубля 50 копеек за пару, вторые — по 4 рубля 46 копеек; всё отличие состояло единственно в том, что *«у унтер-офицерских и капральских кистей»* (неясно только, идет речь о каждом отдельном эполете или о паре) следовало иметь по 25 золотых жгутиков. *«Для подшивания»* эполет покупался желтый шелк[465]. В сентябре 1778 г. в добавок к прежним (уже порядочно поизносившимся к тому времени) было подряжено еще 50 пар унтер-офицерских и 250 пар рейтарских эполет.[466]

Контракт на поставку 400 пар таких же новых эполет для унтер-офицеров, капралов и рейтар (на этот раз, видимо, уже без различий по чинам, так как любая пара стоила одинаково, по 4 рубля 45 копеек) содержатель позументной фабрики Иоаким Хабле заключил в июле 1781 г.[467]

Ровно через три года, в июне 1784, он же подрядился изготовить *«для унтер-офицеров, капралов и рейтар эполетов золотых с кистьми, из золота и красного шелку, с вышитым блестками высочайшим Ее Императорского Величества вензеловым под короною именем восемьсот, да на трубачев и литаврщика золотых же с голубым шелком сорок два, а всего восемьсот сорок да эполета… ценою эполет каждый по два рубли по двадцати по две копейки с половиною»*[468].

В дальнейшем для полка делались эполеты из шелка, стоившие дешевле примерно вдвое. Так, в мае 1789 г. в каждую из 10 рот было выдано по 79 шелковых эполет *«с золотом и вензелями»*[469]; в декабре 1794 г. — 1.000 пар тканых шелковых эполет без бахромы, *«с серебряною тесьмою и с бархатными желтыми орлами»*, по цене 2 рубля 40 копеек пара[470].

Штаны и перчатки

Штаны и перчатки строевым чинам, как и раньше, полагались кожаные, замшевой выделки. Первые обыкновенно были лосиные, вторые — козловые (их называли просто *«замшевые»*), с лосиными обшлагами. Периодически штаны *«наводились»* (чистились) вохрой[471].

Для повседневного ношения могли подряжаться штаны из козловой кожи (такие же выдавались *«слабым»* рейтарам и нестроевым чинам). Так, к мундиру по сроку 1 января 1766 г. были изготовлены трех ростов вседневные штаны и

П.-Х. Бротце
Унтер-офицер лейб-гвардии Конного полка. 1783–1796 гг.
(Латвийская академическая библиотека)

Авторской датировки у этого рисунка нет, зато есть комментарий: «*Ein Unterofficier von der Kayserlichen Rußischen Garde zu Pferd. Diese haben auf dem Aufschlage des Aermels 2 Treßen, die Corporals haben nur eine, und die Wachtmeister drey*» (Унтер-офицер российской императорской Конной гвардии. На обшлагах рукавов у него два галуна, у капралов — только один, а у вахмистров — три).

Неизвестный художник XVIII в.
Рейтар лейб-гвардии Конного полка в парадном убранстве. 1783–1784 гг.
(Государственная Третьяковская галерея)

Определить время создания этого рисунка можно довольно точно. Султаны на шляпах нижние чины носили с 1783 г., а новые парадные чепраки и чушки с вензелями Екатерины II, взамен показанных здесь, сделанных еще при Елизавете Петровне, были изготовлены в конце 1784 или начале 1785 г. Тем же периодом — 1783–1784 гг., — очевидно, следует датировать и остальные рисунки из этой серии (гренадеры и мушкетеры гвардейской пехоты, гренадер и мушкетер армейских полков, рядовой Бомбардирского полка, всего девять листов).
И лядуночная, и карабинная перевязь, так же, как в карабинерных полках, надеты через левое плечо (данное нововведение, скорее всего, относится к первым годам екатерининского правления). К 1793 г. рейтары вновь стали носить перевязи крест на крест.

перчатки с *«косыми»* обшлагами *«из самых добрых, плотных, чистых ревельских замшевых кож, а к перчаткам обшлага из самых же добрых и мягких яловичных кож на лосиное дело»*[472].

В январе 1768 г. мастер штанного и перчаточного дела Яган Христиан Фишер (Fischer) подрядился сделать 865 вседневных лосиных штанов и 1.002 пары замшевых перчаток с лосиными обшлагами: штаны — *«из самых добрых, плотных, чистых лосиных кож, с подложением под пояс холста, и чтоб на передних половинках и с боков вставок отнюдь не было, а перчатки — из самых же добрых, плотных и гладких замшевых кож, а обшлага б у тех перчаток были из добрых же, крепких и плотных, а не пухлых толстых лосин, большой и средней руки по равному числу»*[473]. На точно таких же условиях контракты с поставщиками заключаются в августе 1770 г.[474]

Унтер-офицеры в конце 1776 и 1778 гг. получали *«одношовные»* лосиные штаны[475].

1 марта 1781 г. мастер штанного и перчаточного дела Ефим Броумц подписал договор на изготовление 1.000 лосиных штанов и 700 пар замшевых перчаток с лосиными обшлагами, *«из самых лучших, мягких и чистых ревельского дела лосин и замш, меряя на каждого человека по препорции, и чтоб у штанов на передних половинках и с боков приставок, а равно на них же и на перчатках свищей и заколов, отнюдь не было, буде же у некоторых штанов и явятся приставки, но оные б были к поясу, а не снаружи, которые к лучшему виду чтоб из-под камзола никак видно не было, поясу кроить, да и пояс подымать весьма выше и делать его шире, ценою за каждые штаны с парою перчаток по пяти рублев… и всю ту поставку окончать ему… ноября к первому числу, или по крайности декабря к первому сего года»*[476].

Лосиные штаны, сделанные в 1786 г., имели ремешки, вырезанные из замшевой кожи, холстинную подкладку под *«ошкурами»* и лацбантами и деревянные обтяжные пуговицы[477]. В апреле 1793 г. подряжаются *«одношовные»* лосиные штаны для строевых чинов и *«двушовные»* для нестроевых[478].

Чины *«царскосельской» и «дворцовой»* команд в 1792 г. носили перчатки, обложенные узким золотым позументом. Последнего на каждую пару перчаточных обшлагов выходило по 1 аршину 12 вершков[479].

Обувь

Строевой обувью нижним чинам служили смазные тупоносые сапоги с раструбами и накладными шпорами. Готовыми сапогами Конная гвардия при Екатерине не обеспечивалась. В лучшем случае, как это было сделано осенью 1772 г., в роты отпускаются *«голенищевые»*, *«раструбные»* и *«подошевные»* яловичные кожи, получив которые наличные чины шили сапоги у *«вольных мастеров»* за собственный счет[480]. Для подвязывания сапог на каждого человека полагалось по паре железных пряжек[481].

Голенища сапог, судя по всему, были довольно мягкие — без плотной подвязки под коленом держаться на ноге они не могли. Один из пунктов приказа от 3 апреля 1786 г. гласил: *«…усмотрено… что рейтары подвязывают сапоги*

Х.-Г. Гейслер
Рейтар лейб-гвардии Конного полка в парадном убранстве. 1793 г.
(Изображение мундиров российско-императорского войска. СПб., 1793. Рис. № 26)

весьма туго, а как таковая подвязка более вреда, нежель пользы человеку сделать может, то оную и не употреблять, ибо сапог должен держаться на ремне, посредством нарочно для того сделанной и к штанам пришитой пряжки, и потому не нужно делать узких сапогов, а равно и ту перевязку, которою ниже колена штаны подвязываются, употреблять не слишком тугую; раструб же у сапогов чтоб был пришитый»[482]. Носили сапоги со штибель-манжетами из белого полотна.

Вне строя сапоги заменялись башмаками. К концу мая 1765 г. для *«будущего кампамента»* на 520 рейтар и 20 трубачей делаются смазные яловичные тупоносые башмаки *«с каймою на подборах»* и медными пряжками со стальными шпеньками и железными подпряжниками, а также 540 пар *«суровых»* нитяных чулков белого цвета[483].

Рабочая и караульная одежда

Во время *«бываемых работ»* при полку и на конюшнях рейтары и трубачи взамен суконного мундира и шляп надевали колпаки, балахоны и штанные чехлы, сделанные из белого нитяного каламенка. Застегивались балахоны деревянными обтяжными пуговицами (в 1760-е гг. на каждый балахон их выходило по 36 штук)[484]; колпаки имели опушку из красного сукна[485]. Сшивались вещи суровыми нитками. Для *«направливания»* (придания формы) колпаков при полковой швальне состояли деревянные болваны[486].

Позднее коломенковая одежда стала фактически повседневным обмундированием, носившимся во всех случаях, кроме выхода в строй и за территорию полковых слобод. В определении полковой канцелярии от 1 мая 1771 г. говорилось: *«...на состоящих в полку трубачев и рейтар, в рассуждении, что во всех армейских полках полковым нижним чинам мундиры строить положено в два года, да сверх того, в кавалерийских полках строятся кители, а в полку лейб-гвардии Конном таковые мундиры строятся чрез два года с половиною, строения ж кителей совсем не положено**, *но как имеющимся ныне в ношении вседневным мундирам, кафтаны с камзолы, срок уже минул, а на построение оных приуготовленные в Москве подрядом сукна и каразея к полку еще не доставлены, то дабы те чины совсем в мундирах обноситься не могли, и лучшего ради удобства, чтоб кроме строев и караулов и хождения из полку вон употреблять их нужды не имели, и тем несколько лучше оные сбережены были, построить, как для чищенья лошадей, так и на другие в замену тех мундиров случаи, из нитяного каламенка кители, камзолы, колпаки и на штаны чехлы, по препорции каждого человека»*[487].

* В число табельных (обновляемых через определенный срок) вещей кители не входили.

Сведения о расходе материалов на изготовление этих вещей представлены в таблице:

РАСКЛАДКА ВЕЩЕЙ И МАТЕРИАЛОВ НА ПОСТРОЙКУ КАЛАМЕНКОВЫХ КОЛПАКОВ, КИТЕЛЕЙ, КАМЗОЛОВ И ШТАННЫХ ЧЕХЛОВ*		
	1771 г.	1775–1781 гг.
белого нитяного каламенка	14 арш. 8 вер.	13 арш. 8 вер.
подкладочного холста	2 арш.	2 арш.
кафтанных пуговичных деревяшек	9 шт.	9 шт.
камзольных пуговичных деревяшек	10 шт.	10 шт.
тонкой белой нитяной тесьмы на петли для *«зашнурования»* чехлов	8 арш.	8 арш.
красного сукна второго сорта на околыши к колпакам	1 вер.	1 вер.

* Таблица составлена: РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.564. № 53; Д.568. № 34; Д.569. № 46; Д.1246. Л.263; Д.1251. Л.156 об.; Д.1253. Л.145 об.; Д.1256. Л.258-258 об.

В первой половине 1780-х гг. комплект каламенковой одежды пополнился чикчирами, а цвет суконного прибора (теперь его имели не только колпаки) был заменен с красного на синий. Очевидно, несколько изменился и покрой вещей. Так, в мае 1785 г. *«для построения трубачам и рейтарам из нитяного белого каламенку кителей с камзолы, колпаков, чикчир и чехлов»* приобрели 325 аршин синего английского сукна *«к камзолам на отвороты, на обшивку по шву чикчир и на околыши к колпакам»* (точнее говоря, на камзолах синим сукном отделывались воротники, обшлага, лацканы и полы); 2.000 аршин тонкого холста на подкладку, 2.400 аршин широких и 3.200 аршин узеньких тесемок на чехлы, 1.067 портищ кафтанных и 2.000 портищ камзольных пуговичных деревяшек, 67 дюжин медных проволочных крючков и три пуда суровых ниток[488]. Такого же типа вещи каламенковые вещи делали и в дальнейшем[489].

Определением полковой канцелярии от 13 декабря 1762 г. взамен привычных тулупов *«на состоящих при полковом дворе и пикетах часовых рейтар»* было приказано сделать 20 сюртуков *«из синего сукна, с красными обшлагами и воротниками, манером против построенного штабс-трубачу Беренцу сертука, токмо длиннее и ширее, с подложением под полы и зад волчьих мехов, а в рукава и спину овчин»*[490].

Девяносто точно таких же сюртуков, согласно определению полковой канцелярии от 8 января 1763 г., надлежало сшить унтер-офицерам, капралам, трубачам и рейтарам, посылающимся *«на конный караул»* в дом Ее Императорского Величества[491]. На постройку каждого сюртука расходовалось четыре аршина восемь вершков василькового сукна, шесть вершков красного сукна на воротник и обшлага, две трети волчьего меха, три с половиной овчины, пять аршин восемь вершков крашенины, три портища (очевидно, кафтанных) пуговиц,

два аршина восемь вершков клеенки, два золотника синего и один золотник красного гаруса, по пол пятинки синих и суровых, а также красные нитки[492].

В дальнейшем (сюртуки, видимо, были сделаны один-единственный раз) часовые вновь стали носить тулупы. К ноябрю 1770 г. *«при комиссарстве»* их числилось 13 штук: восемь покрытых синим сукном, один — красным сукном, один — понитком, три — фламским полотном, все уже изрядно потрепанные от долгого употребления[493]. На починку их в том же месяце приобрели 33 овчины, 30 аршин синей крашенины *«ко обложению тех тулупов по борту и по подолу»*, восемь пятинок синих и 12 пятинок суровых ниток[494].

Строившиеся от случая к случаю, тулупы занашивались фактически до дыр. Приказом от 25 ноября 1770 г. капралам было предписано осматривать тулупы при каждой смене часовых, *«и если окажется тулуп на часовом изорванный, об оном в то же самое время рапортовать караульного господина обер-офицера, которому и приказать, чтоб тот изорванный тулуп немедленно починил означенный часовой, кем оный был изорван, а доколе починен не будет, то оного часового с караулу не сменять»*[495].

Определением от 18 декабря 1773 г. взамен пришедших *«в самую ветхость»* 10 старых тулупов, покрытых синим сукном, было велено сделать столько же новых, *«употребляя»* на обшивку каждого по шесть аршин восемь вершков синего сукна второго сорта, оставшегося от постройки мундиров[496]. В ноябре 1788 г. на исправление тулупов покупается 11 аршин алого сукна второго сорта и 15 аршин красной крашенины[497]. Восемь новых овчинных тулупов, обшитых синим сукном снаружи и красной каразеей под подолами и в полах, приобрели в конце 1794 г.[498] В декабре следующего 1795 г. было куплено еще 15 тулупов[499].

Ноги часовых обувались в войлочные *«обшитые кожею и тесьмою»* кеньги. В ноябре 1786 г. их приобрели 19 пар, в декабре 1795 г. — 15 (по числу тулупов)[500].

Оружие

Полный комплект новых оружейных вещей — 700 карабинов и 822 пары пистолетов по образцу имеющихся в кирасирских полках, а также 822 тесака на замену привычных шпаг — мастера Тульских оружейных заводов изготовили в 1765 г.[501]

Подробностей о внешнем виде этого оружия в документах полкового архива отложилось немного. Известно, что ложи карабинов и пистолетов были вычернены и начищены до глянца, замки вычищены наждаком, а *«прочие вещи»* и медный прибор — *«пензою»*; тесаки имели медные *«гербовые»* эфесы и железные ножны[502]. Кроме того, на каждом карабине, пистолете и тесаке вырезался номер и *«звание полку»*[503]. Периодически ложи окрашивались *«крепкой водкой»*, взятой из Медицинской канцелярии[504]. Карабинный замок закрывался нагалищем, огниво — красным кожаным *«чехликом»*. Розданные в июле 1762 г. погонные ремни из красной (видимо, юфтевой) кожи были отменены спустя всего два месяца, по приказу от 3 сентября[505].

В том же количестве новые тесаки и карабины с отвертками для замков, пыжовниками и трещотками строятся на Тульских заводах в 1781 г. Сделать те и другие изначально предполагалось по прежним образцам, с той только разницей, что у карабинов было *«рассуждено»* иметь более плоские винты *«внизу прикладов»* и *«гладкие»* огнива[506]. Клинки образцовых тесаков украшали литеры *«ЛГ КП»*[507].

Ордер с предписанием изготовить в Туле еще одну партию оружейных вещей — 300 карабинов с пыжовниками, трещотками и отвертками, 10 *«пулечных»* (карабинных) форм, 400 пар пистолетов, 10 пистолетных форм и 450 тесаков — секунд-ротмистр князь Петр Оболенский получил в июле 1788 г.[508]

В июне 1792 г. *«к ружьям»* было приторговано 49 красных гарусных шишек[509].

Темляки

Рейтарский темляк состоял из двух основных деталей: кожаного ремня и гарусной кисти. Располагавшаяся в месте их соединения *«варворка»* (гайка) могла показывать ротную принадлежность. Темляки унтер-офицеров, как правило, имели кисти из шелка с добавлением золота (в начале 1760-х гг. кисти унтер-офицерских темляков, возможно, были двойные)[510]. Расцветка кистей менялась едва ли не всякий раз при изготовлении каждого нового комплекта темляков:

30 августа 1763 г. корнет и полковой комиссар Андреян Дивов получил приказ раздать в роты новые темляки для унтер-офицеров, капралов и рейтар. Унтер-офицерские и капральские темляки, по-видимому, были одинаковые (скорее всего, желтые с черным); рейтарские — своего цвета в каждой из рот: в 1-й зеленые, во 2-й *«пестрые с синим»*, в 3-й синие с белым, в 4-й белые, в 5-й красные с белым, в 6-й зеленые с красным, в 7-й синие, в 8-й красные, в 9-й красные с белым и синим, в 10-й белые с красным[511].

В марте 1765 г. для унтер-офицеров, капралов, писарей, литаврщика, штабс-трубача, трубачей, рейтар, цирюльников и литаврщичьего ученика подряжается 988 желтых гарусных темляков на черных кожаных ремнях (видимо, без каких-либо ротных и чиновых отличий)[512]. Выданы в роты они были по приказу от 1 июля 1765 г.[513]

15 января 1768 г. позументный мастер Кондратий Журиков обязался изготовить такое же количество темляков *«на черных ремнях… в кистях в средине из черного с желтым, а вокруг желтого [и] красного гаруса, а варворки разных цветов, на десять сортов, по равному числу»*[514].

В дальнейшем, по-видимому, темляки различались только по чинам. В июле 1781 г. было подряжено 90 шелковых с золотом темляков на алых сафьянных ремнях для унтер-офицеров и 700 гарусных (видимо, желтых) темляков на ремнях из черной опойковой кожи для капралов и рейтар[515]. Раздали по ротам их в декабре месяце[516].

Почти такие же темляки — 50 унтер-офицерских *«из красной кожи с золотою с красным шелком кистью»*, 21 трубаческий *«с золотою кистью, но с голубым шелком»* и 800 рейтарских *«гарусных желтых на алой коже»* — в

Тесаки офицеров и нижних чинов лейб-гвардии Конного полка. 1765 г.
(Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи)

По своему внешнему виду — надписи на клинках, стальные полированные ножны с кольцами, медные эфесы с резными *«крыжами»* etc. — тесаки эти в точности совпадают с описанием образцов, которые были отправлены на Тульские оружейные заводы в апреле 1762 г. Из других документов известно, что сделанные в 1765 г. конногвардейские тесаки имели *«гербовые»* (с изображением государственного герба) эфесы. Совокупность всех этих признаков позволяет уверенно отнести дату изготовления показанного здесь тесака к 1765 г. Вырезанный на клинке рейтарского тесака № 673 означает, что перед нами не образцовая, а именно серийная вещь.

декабре 1784 г. отдает в полк содержатель Санкт-Петербургской позументной фабрики Иоаким Хабле[517].

В конце мая 1789 г. в каждую роту отпускается по пять темляков *«из шелку с золотом»* для унтер-офицеров и по 77 *«гарусных»* (без дальнейших подробностей) темляков для рейтар[518].

673 желтых гарусных темляка на черных кожаных ремнях были выданы в роты в декабре 1794 г.[519]

Амуниция

Все амуничные вещи — перевязи для ношения карабинов, портупеи и лядуночные ремни — были двух видов: парадные и вседневные. Те и другие вырезались из лосиной кожи, только первые выбеливались мелом и окладывались золотым позументом, а вторые чистились вохрой *«под лосиный цвет»* и обшивались шерстяными галунами[520]. Согласно высочайшему повелению от 12 декабря 1764 г. парадная амуниция вместо беления стала обшиваться алым сукном (желтая крашенина с изнаночной стороны ремней, соответственно, также была заменена красной)[521]. В середине 1765 г., после выдачи тесаков, к парадным и вседневным портупеям взамен лопастей делается по два пасовых ремня (один большой, другой малый)[522]. С изнаночной стороны амуниция подшивалась нитяной тесьмой: *«портупеи и перевязи по краям в два ряда, а [лядуночные] ремни в один ряд»*. Перевязи были длиной два аршина четыре с половиной вершка и шириной вершок и три четверти (1784 г.); размеры других амуничных предметов выяснить нам не удалось[523]. В сентябре 1782 г. *«на ремни к тесакам»* покупается 11 красных юфтевых кож и 500 железных пряжек[524].

Металлический прибор карабинной перевязи включал медную пряжку и железный погонный крюк; портупеи — медную пряжку, которой застегивался поясной ремень, два железных полированных кольца и две такие же пряжки к пасовым ремням; лядуночные ремни не имели металлического прибора вовсе[525]. 1 мая 1771 г. олонецкий купец Иван Максимов подрядился сделать новый, на этот раз целиком медный прибор для вседневной амуниции: по одной пряжке на каждую перевязь и по одной большой пряжке с петлею, два кольца и две малых пряжки к пасам на каждую портупею[526]. Приказом от 23 марта 1782 г. в роты (по-видимому, впервые) было велено раздать новые портупейные пряжки *«с черными гербами»*[527]. В июне 1784 г. в каждую из десяти рот отпускается по 60 железных пряжек *«для подвязывания тесаков к портупеям»*, а также железные пряжки *«к штанам»* (последние выдавались по-штучно)[528].

На все предметы парадной амуниции для предохранения позумента строились черные вощаные чехлы с черной же крашенинной подкладкой, застегивающиеся на маленькие железные крючки и петли[529].

Образец галуна, которым обшивалась вседневная амуниция, менялся неоднократно. В октябре 1763 г. был подряжен клетчатого рисунка[530] *«трип»* из синей, красной и белой шерсти (2.992 аршина *«широкого»* на портупеи, 2.280 аршин *«среднего»* на лядуночные ремни и 6.000 аршин *«узкого»* на перевязи); отдать его в полк следовало к 1 сентября следующего 1764 г.[531]

Тесак нижних чинов лейб-гвардии Конного полка. 1781 г.
(Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи)

Надпись на клинке и вензель Екатерины II на эфесе этого тесака позволяют ограничить время его изготовления всего двумя датами: 1765 и 1781 г. Так как эфесы у тесаков образца 1765 г. были *«гербовые»*, остается один-единственный вариант — перед нами тесак образца 1781 г. Да и по стилистике данный эфес «не тянет» на 1760-е гг. Еще один довод в пользу сделанной датировки — именно такие палаши показаны и на рисунке И.-Х. Бротце, и на рисунках проектного обмундирования, выполненных в 1780-е гг., и на гравюрах в книге *«Изображение мундиров российско-императорского войска»*, изданной в 1793 г.

Семь лет спустя, в июне 1770 г., санкт-петербургский житель фабрикант Георг Генрих Фидлер заключил контракт на поставку галуна из синего, алого, черного и желтого немецкого гаруса. На портупеи его требовалось 1.541 аршин 4 вершка, на лядуночные ремни — 1.798 аршин 2 вершка, на перевязи — 4.550 аршин (часть перевязного галуна шла *«к портупеям на пасы, гайки и к кольцам»*)[532]. Рисунок этот галун имел *«полосатый»*, причем фрагменты черного и желтого цветов лежали посередине[533].

В июне 1776 г. к вседневной амуниции подряжается новый трех широт галун *«из лучшего английского гаруса»* (цвет его в контракте не указан), по 5 аршин 8 вершков на перевязь, 1 аршину 12 вершков на портупею, 2 аршина 3 вершка на лядуночный ремень[534].

7.000 аршин гарусного галуна на обшивание вседневной амуниции было подряжено в июле 1783 г.[535]

В 1784 г. на 150 человек строится парадная пешая амуниция — лосиные портупеи с пасовыми ремнями, перевязи для ношения карабинов и лядуночные ремни, обшитые двухсторонним золотым позументом. Последнего на каждый комплект вещей считалось по 11 аршин 5 вершков. Такую же амуницию в октябре 1786 г. было велено сделать еще на 350 человек[536]. Пришивался позумент палевым шелком[537].

Новые патронные лядунки, сделанные в 1763 г. на полный комплект нижних строевых чинов, судя по всему, мало отличались от предыдущих: колодки у них были обтянуты белой замшевой кожей, к крышкам пришиты медные позолоченные *«доски»*, с боков — по два медных кольца, а сверху — вторые крышки из черных выростковых (телячьих) кож[538].

В следующий раз новые *«унтер-офицерские»* и *«рейтарские»* лядунки с медными (не золочеными?) *«гербами»* раздаются в роты по приказу от 15 июня 1784 г.[539] Разница между теми и другими, вероятнее всего, состояла только в величине патронной колодки. Пряжки на боковых сторонах пришивались голландскими нитками[540]. Других подробностей об внешнем виде этих лядунок документы не сохранили.

В сентябре 1788 г. Конный полк обзавелся собственным оборудованием для тиснения на меди. Изготовленная мастерами Сестрорецких заводов форма *«для выбивания гербов»* стоила 14 рублей; сделанные на Тульских заводах формы *«на лядуночные гербы и портупейные пряжки»* — 25[541]. Два с небольшим месяца спустя, в декабре, шла переписка о подряде 400 лядуночных гербов по представленному от полка образцу[542]. Параллельно с этим строились и сами лядунки. К середине мая 1789 г. их было готово 300 штук — все лакированные, из черной глянцевой кожи[543].

Лошади и конский убор

Требования, предъявляемые к строевым лошадям в годы правления Екатерины II, несколько отличались от тех, что были прежде. Высочайший изустный указ от 3 сентября 1763 г. повелевал *«рейтарских немецких лошадей отставить, да и впредь иметь к службе годных токмо семьсот, и комплектовать оных приплодными от полковых конских заводов»*[544]. Под строевых чинов, в соответствии со сложившейся традицией, покупались лошади вороной и карей масти, под трубачей — серые. В январе 1765 г. всех карих и гнедых лошадей перевели в пятый эскадрон (пятую и десятую роты)[545].

Внешний вид строевых лошадей лейб-гвардии Конного полка должен был соответствовать целому ряду довольно жестких критериев. Так, в марте 1765 г. для музыкантов требовались лошади *«от немецких пород, шерстьми темно-серые в яблоках, ширококостные, чистые, плотные, здоровые, в грудях широкие, не фризоватые, не слабоухие и не поджарые, мерою не кованные от гвоздей в трубаческие в 2 ар. 2½ вер., а в литаврщицкие в 2 ар. 4 вер., а по крайней мере и в три вершка, длины по препорции росту, мерины, летами от 4-х и не старее семи»*[546]. Лошадей с такими же параметрами приобретали и для других чинов[547].

А вот, например, выдержка из инструкции, которую получил адъютант князь Петр Голицын, командированный в *«россйские города»* для покупки строевых лошадей в январе 1785 г.:

«Стараться покупать лошадей на заводах, или где отыскать можете, вороных, карих, гнедых, темно-гнедых и серых, мерою не ниже двух аршин двух вершков с половиною, а чем выше, тем лучше. Летами ж от четырех и не старее шести, а когда таковых не найдете, то по нужде покупать и семи лет. А если будут способные и кобылы, то и их покупать, но не больше, чтоб в числе семи меринов была только одна кобыла, стараяся притом, чтоб все те покупаемые вами лошади были здоровые, не вислоухие, не весьма головастые и не щекастые, не с вислым крестцом, не плоско- и не узкокопытые, и чтоб бабки были в ногах не слабые, собою ж были б легкие, а притом и сложения не слабого. Словом, покупать таких, каковая верховая лошадь быть должна. Если ж найдете и такую, которая ростом будет только с двумя вершками в два аршина, то и таковых покупать, но не иначе, как была б она отменно гордого вида»[548].

Предметы, составляющие конский убор, не претерпели больших изменений в сравнении с предшествующим временем. Контракты на их поставку демонстрируют самый обычный набор вещей и материалов.

Так, в январе 1770 г. московский купец Федор Капустин подрядился сделать для рейтарских лошадей 817 новых седел *«с принадлежащими к ним приборы, то есть с капишонами, пуками, ольстредьми и к тем ольстредям чушками, паперстьми, пахвями, подпругами, бушматами, чепраками, путлищами, пристугами, с подпахвенными малыми подушечками, оголовьми мундштучными*

Мундштучные бляхи (лицевая и оборотная сторона). 1730-е и 1760-е гг.
(Коллекция П.Г. Алехина)

Вполне возможно, что бляхи эти принадлежали лейб-гвардии Конному полку.

с поводами, уздечками подмундштучными с поводами ж и уделы железными луженными, тремя торочными и одним погонным, ольстредными и бушматными ремнями, и на все те вещи, где пристойно, класть пряжки самолучшие крепкие железные вороненые, во всём против данного ему… образцового седла с прибором… самою прочною и чистою работою, употребляя на то черный яловичный товар самый добрый и свежий, не перезоленный и не перегорелый, и где следует лощеный, а на арчаки лес березовый самый же сухой, здоровый… оклеивая оные холстом и чистым рыбьим клеем, а сверх арчаков в подушки и на пуки, также в подпахвенные подушечки, класть одну только оленью шерсть весьма хорошую, а холстину крепкую; на подпруги ж употребить шнур пеньковый толстый и крепкий, деланный из чистой пеньки, а сверх оных кожу черную; пристуги сверху из черной, а с исподи из сыромятной, но не из лоскутков, а из целых кож; ольстреди пистолетные и бушматы карабинные делать из одной кожи, без дерева, самые крепкие и надежные, а на оголовья мундштучные класть каскет с двумя шалнерами из самого лучшего и не ломкого железа; при построении ж тех седел арчаки оклеивать не прежде, пока оные кем надлежит осмотрены и по годности запечатаны будут… по оклейке ж, не обивая еще железом, положа на оный доску, становиться на концы двум человекам, которым стоя и потрястись, и ежели от того никакого повреждения не сделается, таковые и в дело седел употреблять»[549]. Другие мастера взялись изготовить к этим седлам железные луженые мундштуки с медными бляхами-*«глазками»*, большими и малыми цепочками, а также железные луженые стремена[550].

У конной команды, посылавшейся во дворец в торжественные дни, уздечки были из красной козловой кожи, обшитые красной же гарусной тесьмой[551].

Помимо перечисленного выше, на всех строевых лошадей делались белые сыромятные недоуздки с железными кольцами и пряжками; сыромятные троки *«с подложением пеньковой тесьмы»*, железными кольцами, пряжками и набитыми оленьей шерстью крашенинными подушками; белые сыромятные уздечки с поводами, железными луженными пряжками и удилами[552]. В 1781 г. были подряжены недоуздки *«из самых лучших и плотных белых сыромятных кож… с принадлежащими к ним аглинскими железными луженными пряжками и железными ж кольцами, с подложением снизу под ремень, что лежит на переносье, сукна синего»*; троки *«из нитяной полосатой тесьмы, а концы со обеих сторон из сыромятной самой лучшей кожи, и с аглинскими железными пряжками»*; медный прибор к ольстрам и медные же полированные каскеты к мундштукам[553].

При выступлении в поход позади седла приторачивались чемодан и водоносная фляга. Красный суконный чемодан на подкладке из толстого холста застегивался медными пуговицами[554]. Количество последних со временем менялось. К примеру, в 1765 г. на каждый чемодан их выходило по шесть штук, стоимостью 15 копеек за портище[555]. Торцы чемоданов имели обшивку из тесьмы; в 1788 г. она была шерстяная, палевого цвета. В мае 1789 г. на постройку одного чемодана расходовалось 12 вершков красного сукна, 10 кафтанных пуговиц, около трех аршин холста и трех с половиной аршин желтой полушелковой тесьмы[556].

Фляги были деревянные, обтянутые кожей[557]. Приказом от 5 марта 1765 г. в каждую роту предписывалось отпустить по 60 взятых из *«голштинского арсенала»* красных юфтевых ремней с медными пряжками, и по перешивке пряжек *«положить»* эти ремни к водоносным флягам[558].

К летнему лагерю 1765 г. для рейтарских, драгунских и подъемных лошадей сшили 737 торб и 170 хрептугов из равендучного полотна[559].

Свернутая в трубку епанча возилась притороченной поверх чемодана, либо, при параде, на его месте. В декабре 1792 г. к седлам было сделано 660 белых лакированных плащевых ремней с двумя медными пряжками на каждом[560].

До середины 1780-х гг. продолжали использоваться парадные чепраки и чушки, построенные еще в 1753 г. Никаким переделкам они не подвергались — даже вензеля Елизаветы Петровны снимать с них не стали. Поводом для изготовления новых чепраков и чушек, кажется, послужила лишь *«совершенная ветхость»* данного комплекта. Удивительно, как вообще суконные вещи смогли протянуть три десятка лет, однако факт остается фактом:

Определение полковой канцелярии от 1 июня 1784 г. гласило: *«…На перемену состоящих в ротах парадных суконных с позументом чепраков и чушек, которые с построения их в 753-м году, чрез тридцать лет будучи употребляемы, пришли в совершенную ветхость, построить ныне по сделанному образцу новых пятьсот чепраков с чушками из красного сукна, с выложением на оных на синем сукне из шнурка золотого в надлежащих местах высочайшего Ее Императорского Величества вензелевого имени. И сие построение чепраков с чушками препоручить поручику Никифору Бычкову, которому предписать, чтоб на подкладку их потребное число лощенки, также железные пряжки, которыми к седлам чепраки прикрепляться должны, и что еще будет потребно, у вольных продавцов последними ценами приторговывал… сукно же употреблять из имеющегося при полковом комиссарстве алое первого сорта, а чего недостанет, то и оное равным образом, как и выше сказано, у вольных продавцов купить. На обшивание ж той амуниции в поставке двухстороннего золотого позументу, полагая на каждый чепрак с чушками по шести аршин с четвертью, всего трех тысяч ста двадцати пяти аршин, шнурку золотого плоского для выкладки вензелей на каждый же чепрак с чушками по восемнадцати аршин с половиною, всего девяти тысяч двухсот пятидесят аршин, с санкт-петербургским купцом и позументной фабрики содержателем Кондратьем Журиковым… заключить обязательствы»*[561].

Подкладка под эти чепраки и чушки, а равно и чехлы к ним делались из черной вощанки; последние были подшитые холстом[562].

В марте 1790 г. шла закупка вещей и материалов на построение 600 пар новых парадных чепраков и чушек[563]. Еще 150 пар было изготовлено во второй половине 1792 г. На каждую из них считалось по два аршина одному вершку алого сукна, семь с половиной аршин широкого золотого позумента с городками, один *«прибор»* (комплект) вышитых черным шелком орлов (два больших на чепрак, два маленьких на чушки), два аршина шесть вершков черной вощанки

на подкладку, два с половиной аршина равендука и четыре луженых английских пряжки. Кроме того, были куплены красные юфтевые кожи *«на ремни к пряжкам»*, красные бараньи кожи *«на лямки и на ремешки»*, суровые и голландские нитки, черный и палевый шелк на пришивку орлов и позумента[564].

В августе 1795 г. полковой комиссар Павел Тиличеев *«приторговал»* у разных продавцов материалы на изготовление 500 пар вседневных чепраков и чушек: 500 аршин алого сукна второго сорта (по одному аршину два вершка на каждую пару), 80 аршин черного сукна на орлов, 9 аршин желтого сукна на короны, 750 аршин парусины, 500 аршин вощанки, 13 фунтов *«разного цвета»* гаруса, 2.000 луженых пряжек, 3.000 аршин басону (цвет его не указан), 2 фунта 81 золотник черного и белого шелка; отдельной статьей расхода было *«шитье»* орлов, стоившее по 1 рублю 25 копеек за каждую пару[565]. В сентябре 1796 г. к этим же чепракам и чушкам *«на ремни и лямки»* приобрели 5 пудов 25 фунтов юфтевых кож, 33 красных бараньих кожи, голландские нитки для пришивки пряжек, пять фунтов суровых и красных ниток[566].

Гривы, челки и хвосты лошадей *«конной команды»*, посылавшейся во дворец для несения караульной и конвойной службы в торжественные дни, заплетались красной гарусной тесьмой. В декабре 1792 г. *«двадцати шести лошадям»* этой команды было куплено по пять аршин красной гарусной тесьмы для заплетания в гривы, 27 пар кистей, 27 *«шишек»*, 20 аршин тесьмы на челки, 20 бантиков и пять аршин широкой тесьмы *«на завязку»* хвостов[567].

Попоны для строевых лошадей делались двух видов: зимние и летние. Первые были сермяжные, подложенные толстым холстом (того и другого на каждую попону выходило одинаково, по восемь аршин), вторые — белые полотняные, с отделкой из красного кумача[568]. На подъемных лошадей строились только сермяжные попоны.

В 1765 г. к летнему лагерю для 20 вьючных лошадей изготовили особые *«вьючные»* попоны. С изнанки у них была подкладка из белой яловичной кожи, а снаружи — вышитый золотом, серебром и синелью государственный герб стоимостью в 40 рублей[569]. На *«обложение»* этих попон находившийся в Москве секунд-ротмистр князь Голицын подрядил 300 аршин широкого и 240 аршин узкого золотого одностороннего позумента[570]. Кроме того, в июне 1765 г. на вьючных лошадей выдали белые полотняные попоны *«с красным кумачом»*[571], а в следующем месяце — по два гарусных *«хохла»* и четыре гарусных же кисти на каждую лошадь[572].

ОТЛИЧИЯ УНТЕР-ОФИЦЕРОВ И КАПРАЛОВ

Униформа унтер-офицеров и капралов традиционно отличалась от рейтарской лучшим качеством материалов и расшивкой из золотого позумента. Сведения о мундирных вещах, шляпных кордонах и темляках данной категории чинов приведены выше, в соответствующих разделах. Что же касается позумента,

то схема сего расположения не претерпела никаких изменений вовсе. Как и при Елизавете Петровне, капралы нашивали один ряд позумента по воротнику и обшлагам кафтана, бортам и карманным клапанам камзола; квартирмейстеры, каптенармусы и гефрейт-капралы — один ряд позумента по воротнику и карманным клапанам кафтана, бортам и карманным клапанам камзола, два ряда позумента по обшлагам кафтана; вахмистры и виц-вахмистры — один ряд позумента по воротнику и карманным клапанам кафтана, бортам и карманным клапанам камзола, три ряда позумента по обшлагам кафтана. Воротники и обшлага камзолов окладывались таким же количеством рядов позумента, как соответствующие детали на кафтанах, только позумент этот, скорее всего, был более узкий.

Не довольствуясь положенным числом отличий, многие унтер-офицеры и капралы дополняли свой гардероб разнообразными неуставными предметами, а также меняли покрой форменных вещей. Делалось это, как правило, в расчете на то, чтобы стать похожими на господ офицеров. Подтверждением тому — все приведенные ниже выдержки из полковых приказов.

Один из пунктов приказа от 23 октября 1762 г. гласил: *«…Вчерашнего числа дежурным майором усмотрено, что в доме Ее Императорского Величества унтер-офицеры ходят в круглоносых сапогах, что и чинят, яко знатному лейб-гвардии кавалерии полку, непристойность. Того ради чрез сие подтверждается, дабы отнюдь никто из полковых чинов в дом Ее Императорского Величества в круглоносых сапогах не ходили, а ходили б как пристойность кавалерии полку — в сапогах тупоносых. Если же кто из унтер-офицеров или капралов впредь в таковом проступке предусмотрится, то имеют быть штрафованы»*[573].

А вот, например, выдержка из приказа от 4 ноября 1762 г.: *«…Усмотрено, что унтер-офицеры и капралы имеют сертуки, каковые имеются у господ штаб- и обер-офицеров, чего для, дабы оны[е] имели отличность, унтер-офицерам и капралам подтвердить, чтоб у сертуков на обшлагах были пуговицы внизу, а воротники пришивные, так, как у кафтанов; прочим же чинам, кроме унтер-офицеров, капралов и штабс-трубача, сертуков не иметь»*[574].

Не изменилась ситуация с сюртуками и в дальнейшем. Приказ от 1 апреля 1764 г. гласил: *«…Неоднократно отданными в полк письменными приказами подтверждаемо было унтер-офицерам [и] капралам иметь сертуки по калиберу — воротники вшитые, а у обшлагов пуговицы вдоль рукава, а не поперек обшлага, а ныне усмотрено, что унтер-офицеры и капралы носят сертуки манером во всём против обер-офицерских. Того ради господам командующим ротами обер-офицерам в ротах своих всем унтер-офицерам и капралам накрепко подтвердить, дабы сертуки носили против вышеписанного, без всякой отмены, а буде кто в сертуке в обер-офицерском из унтер-офицеров или капралов усмотрен будет, за оное господа ротные командиры имеют ответствовать»*[575]. Тем же приказом унтер-офицерам командирующимся на ординарцию к *«полковым штабам»* было дозволено *«на лошадях иметь красные чепраки с золотым галуном и собственные мундштуки»*[576].

«…Усмотрено, — говорилось в приказе от 3 мая 1764 г., — *что унтер-офицеры и капралы портупеи носят с широким сплошным позументом, в коих ходят*

К.П. Головачевский

Портрет графа Николая Матюшкина в мундире унтер-офицера лейб-гвардии Конного полка. 1763 г.

(Государственная Третьяковская галерея)

Облик малолетнего унтер-офицера строго соответствует уставным требованиям: прическа в две букли, коса длинной до кафтанного лифа, черный волосяной галстук; кафтан, застегивающийся встык на крючки, вшитые в края бортов; золотой позумент «гвардейского» рисунка… Позировал художнику граф в парадном мундире — на построенных в 1763 г. вседневных кафтанах и камзолах пуговицы были тисненые, с вензелями *«высочайшего имени Ее Императорского Величества»*.

И.П. Аргунов
Портрет графа Бориса Шереметева в мундире унтер-офицера лейб-гвардии Конного полка. 1775 г.
(Государственная Третьяковская галерея)

в караулы и в строи. Того ради господам ротным командирам в ротах своих всем унтер-офицерам и капралам накрепко приказать, дабы они как в караулы, так и в строи вышеписанных портупеев и ничего собственного не под калибер (не по образцу. — *Авт.*) *не имели, а если кто куда пойдет за собственною нуждою, те б портупеи с сплошным позументом иметь дозволяется»*[577].

В приказе, отданном на следующий день, 4 мая 1764 г., снова шла речь об унтер-офицерах и капралах: *«...Усмотрено, что многие унтер-офицеры, произведенные из рейтар в капралы, на вседневных камзолах не имеют на клапанах, воротниках и обшлагах позументов таких, какие были в Москве. Того ради господам ротным командирам в ротах своих унтер-офицерам и капралам приказать, дабы они камзолы с позументом вышеписанным манером неотменно имели»*[578].

Моду носить на сапогах такие же, как у офицеров серебряные шпоры, унтер-офицеры завели еще в елизаветинские времена. Приказ от 24 мая 1764 г. гласил: *«...Усмотрено, что некоторые унтер-офицеры и капралы в строи, в караулы и на ординарции выходят в серебряных шпорах, что чинят против прочих [в] отличность, того ради господам ротным командирам всем унтер-офицерам и капралам накрепко приказать, чтоб как в строи, так в караулы и на ординарции в серебряных шпорах не выходили, а имели б против рейтарских калиберные. Если ж кто в серебряных шпорах за собственными нуждами куда иттить пожелают, и тем ходить дозволяется»*[579].

Приказ от 5 апреля 1783 г. очевидно, также касался унтер-офицеров: *«...Усмотрено, что многие полковые нижние чины собственные мундиры носят такого покрою, что похожие более на фрак, и весь мундир кажет одну только талию, а фалды, напротив, так коротки, что из-за карманных клапанов остаются длины не более вершка, то в рассуждении сего всем служащим в полку чинам подтвердить, чтобы собственные свои мундиры носили такого покроя, какой может служить образцом употребляемый в ношении на рейтарах»*[580].

В марте 1790 г. полковой комиссар Александр Крюков получил предписание купить на постройку шубы *«бываемым при полковом штабе на ординарцах»* унтер-офицерам волчьи хвосты, а также енотовый мех на обшлага и воротник[581].

Трубачи и литаврщики

Парадный мундир

До середины 1770-х гг. трубачи и литаврщик продолжали использовать парадные мундиры, чепраки и чушки, сделанные в 1753 г. Единственным прибавлением стали плюмажи на шляпах, сначала чисто красные[582], а с 1766 г. красные с белым[583].

Определением от 14 сентября 1776 г. взамен пришедших в ветхость от *«всегдашнего употребления в разные парады, конвои... и в бываемые торжес-*

твенные дни для поздравления, а сверх того и в придворные балы и маскерады» старых парадных мундиров и чепраков, *«для наилучшего украшения полку»* трубачам и литаврщику было велено *«построить новые кафтаны из алого, а камзолы из голубого, чепраки ж и чушки шитые золотом из голубого ж сукна, со обложением кафтаны, камзолы, чушки и чепраки золотого позумента и с вышиванием на чушках и чепраках вензелового Ее Императорского Величества имени, короны и лавр»*[584].

На изготовление этого мундира в конце декабря 1776 г. приобрели 76 аршин 12 вершков алого и 47 аршин 4 вершка голубого сукна, 22 аршина 12 вершков алого и 75 аршин 15 вершков голубого бархата (бархат, несомненно, предназначался на чепраки и чушки), 317 аршин 4 вершка широкого двухстороннего золотого позумента с городками, 953 аршина узкого (видимо, также с городками) позумента, 518 золотых кисточек, 21 *«алых с голубым»* плюмажей на шляпы, 107 аршин 8 вершков голубого и 26 аршин 8 вершков белого стамеда, 52½ портища кафтанных и 52½ портища камзольных томпаковых пуговиц, семь лотов петельного золота, 85½ золотников алого и голубого шелку, 223 золотника оранжевого шелку (им, очевидно, пришивался позумент), 46 пятинок голубых и красных, 31 пятинка белых ниток, 144 аршин белой крашенины, 79 аршин 12 вершков клеенки, 40 аршин нитяного шнурка на шнурование камзолов, пять черных опойков *«на обшивание борта»* к чепракам, половину черной кожи на ремни, 100 железных пряжек, 79 аршин 8 вершков черной вощанки на чехлы к чепракам и 42 аршина белой байки на подкладку этих чехлов. На чепраках и чушках (литаврщику, по понятным причинам, полагался только чепрак) золотом вышивались императорские вензеля с коронами и лаврами. Шляпы (21 штука), золотой шляпный позумент с городками на обшивку шляп (36 аршин 12 вершков), чепраков и чушек (125 аршин 2 вершка), мундирный холст на подкладку под чепраки (204 аршина), шерстяной плетешок на кокарды (восемь аршин), а также семь дюжин проволочных крючков и петель были взяты из числа имеющихся при полковом комиссарстве[585].

Несколькими месяцами раньше, в апреле 1776 г., штаб-трубач и литаврщик получают темляки из шелковой тесьмы *«с одинакими кистьми, а по верху с золотою бахромою»*; трубачи и ученик литаврщика — красные кожаные темляки простроченные шелком, с такими же, как описано выше, кистями и бахромой[586].

В следующий раз новые парадные мундиры для трубачей и литаврщика строятся в конце 1784 г. На изготовление их в августе было куплено 63 аршина 4 вершка алого голландского сукна, 21 аршин такого же белого сукна, три аршина голубого лейденского сукна на воротники и обшлага, 59 аршин голубого стамеда, 56 портищ кафтанных и 38½ портищ камзольных томпаковых пуговиц, 19 аршин 4 вершка голубого лейденского сукна на 21 чепрак и 20 пар чушек (в конце концов, вместо чепрака литаврщик получил вальтрап[587]), 7½ аршин алого голландского сукна на вензеля и *«подпушку»* под позумент, а также 50 лотов алого, голубого, белого и палевого шелка, 21 палочка белого гаруса и суровые нитки[588]. Вензеля на чепраках и чушках выкладывались из плоского золотого шнурка[589]. В октябре для украшения этих мундиров приоб-

рели 791 аршин 12 вершков золотого позумента с голубым шелком посередине, 336 пар золотых кисточек с фигурами и блестками, 60 аршин 13 вершков золотой бахромы с голубым шелком, фигурами и блестками[590]. Парадные шляпы имели обшивку из золотого позумента с битью, кордоны *«с золотом»*, банты с петличками из золотой тесемки, перьевые плюмажи и султаны[591].

В 1792 г. трубачам и литаврщику делаются желтые парадные мундиры с черными камзолами, желтые чепраки и чушки. В конце 1794 г. снятые с них широкий и узкий серебряный газ и золотые с шелком кисти были *«употреблены»* на *«построенные вновь таковые ж для трубачей вещи»*[592]. В том же 1792 г. литаврщику покупаются парадная пуховая и вседневная поярковая шляпы (первая стоила 10 рублей, вторая — полтора), 2 аршина 11 вершков золотого позумента с городками на вседневную шляпу и белый плюмаж из гусиного пера[593].

По-видимому, такой же расцветки парадный мундир имел и ученик литаврщика. В июне 1792 г. он получает по одному аршину черного и палевого сукна на пошив парадного и вседневного камзолов[594].

Для построения парадных трубаческих мундиров в сентябре 1794 г. было куплено алое сукно на кафтаны, голубое сукно на камзолы, чепраки и чушки и голубой стамед на подкладку кафтанов[595]. Дополняли этот мундир пуховые шляпы с *«парадными»* плюмажами[596].

Не только форменные, но и оружейные вещи полковых и ротных музыкантов отличались от тех, что были положены другим чинам. В августе 1775 г. *«для лучшей способности»* в караулах и строях 20 трубачам и ученику литаврщика вместо тесаков приобрели шпаги с медными эфесами, а также две кожи и 21 медную пряжку на изготовление новых портупей[597].

В октябре 1784 г. для трубачей, литаврщика и полковых музыкантов сделали 51 саблю с эфесами, пряжками и наконечниками из *«медной латуни»* и обтянутыми *«рыбьей кожей»* грифами[598]. Ножны этих сабель были кожаные, каждые с двумя медными бляхами и кольцами; у трубачей портупеи обшивались басоном[599]. 7 августа 1790 г. полковой обозный Алексей Боборыкин получил приказ сделать к 27 музыкантским саблям белые лосиные портупеи с пасовыми ремнями, а также 27 *«бляшек с кольцами»* и 27 пар медных пасовых пряжек к ним[600].

Отдельную (и весьма немалую) статью расхода составляли завесы к литаврам и *«убор»* литаврщицкой лошади. Так, в октябре 1790 г. для изготовления последнего приобретается: один аршин алого сукна и 10 аршин золотого газа на чепрак, семь аршин галуна на обшивку уздечки, 17 лотов 1 золотник бахромы с канителью, восемь с половиной лотов золота *«на строчку»*; четыре кисти, две кокарды и пять аршин тесьмы на гриву (все три предмета *«с золотом»*); два аршина парусины, шесть аршин вощанки, шесть аршин равендука, а также два *«сафьяна»*, одна сыромятная и половина козловой кожи, шелк, нитки, *«пря-*

Неизвестный художник XVIII в.
Литаврщик и трубач лейб-гвардии Конного полка. 1773 г.
(Государственный Эрмитаж)

На рисунке изображены парадные кафтаны и камзолы, построенные в 1753 г. Дополняют их парадные же шляпы с городчатым позументом и парадные, обшитые красным сукном и золотым позументом портупеи. Два года спустя *«для лучшей способности»* в караулах и строях трубачам и ученику литаврщика вместо тесаков были выданы шпаги с медными эфесами.

жечки», флорент, уздечные и мундштучные удила; позолота медного прибора обошлась в 25 рублей[601].

В конце декабря 1792 г. на постройку нового убора для лошади литаврщика и литавренных завес было куплено: голубого и пунцового бархата на сумму в 125 рублей, 16 золотых кистей с плетеным шнуром и варварками, 34 золотых же кисти с варварками к чепраку, 17 аршин золотой бахромы, 58 аршин плетешка, 15 аршин шнурка, 20 аршин позумента, 2 фунта 16 лотов петельного золота, шесть кистей в гриву, одна кисть на грудь, 10 кистей к занавесам, шесть с половиной аршин серебряной бахромы, восемь аршин (видимо, также серебряного) позумента, 29½ лотов золотой тесьмы с черным и голубым шелком, 1 фунт 11 лотов 1½ золотника шелковой тесьмы с золотом, шитый бант стоимостью 12 рублей, четыре серебряных (sic!) подковы, красное сафьянное седло с красной же триповой отделкой, обложенные серебром английские стремена, мундштучные и уздечные удила; зеленая парусина, вощанка, фламское полотно и шелк *«на завесы и на чепрак»*; вощанка, фламское полотно, сафьян и ленты на чехлы; вощанка на подкладку *«тигра»* (тигровой шкуры); шесть белых, три белых *«с синью»*, три зеленых, три красных с белым и черные перья на литаврщицкую лошадь. Вышивание чепрака и занавесов обошлось в 400 рублей; *«на уборы ж вызолоченных и полированных цепочек и наборов серебряных розетов, и для седла медную вызолоченную оправу и местечки, для тигра вызолоченные когти и зубы»* пошло еще 180; на *«переделание тигра и прибавку меха»* — 10. Общая стоимость всех этих вещей составляла 2.134 рубля 88¾ копеек[602].

В 1795 г. для лошади литаврщика покупается три белых, два бело-голубых, три голубых и одно красное перо[603].

Строевой мундир

В декабре 1768 г. в дополнение к парадному (уже довольно поношенному к тому времени) и вседневному мундирам трубачи и литаврщик получают специальный *«строевой»* мундир — алого сукна кафтаны с голубого цвета воротниками, обшлагами, стамедной подкладкой и голубые же камзолы. Медных (видимо, просто гладких) пуговиц на каждую мундирную пару пошло по 29 кафтанных и 19 камзольных, шелкового с золотом басона — 75 аршин[604]. Басон этот позументный мастер Кондратий Журиков обещал сделать *«во всём против запечатанного полковою и его печатьми образца сходственного, а каймы б были ужее, так, чтоб только за оные пришивать можно было»*[605]. В дальнейшем подобных мундиров не строилось.

Вседневный мундир

В 1760-е гг. вседневные мундиры трубачей и литаврщика, как и прежде, ничем не отличались от положенных другим строевым чинам. Единственным новшеством, пожалуй, стали епанчи с двойными полами, построенные 20 трубачам в середине 1764 г. На каждую такую епанчу было отпущено шесть аршин четыре вершка василькового сукна, шесть аршин красной каразеи, два

аршина клеенки, три золотника синего гаруса и 23 кафтанных пуговицы с вензелем[606].

С 1772 г. вседневные мундиры трубачей шились «обратных» цветов. Определением от 19 июля трубачам, ученику литаврщика и четырем трубаческим ученикам *«для отмены по их званию от рейтар (как то и в прочих лейб-гвардии полках музыкантам мундиры строятся со отменою от солдат)»* было велено сделать *«кафтаны из красного, а камзолы из синего сукон, с подложением под кафтаны синего стамеду, и оные обшить против… образцового мундира гарусным галуном»*[607]. Такой же вседневный мундир, только с голубым прикладом и плоскими томпаковыми пуговицами, строится в 1776 г.[608]

Определением от 31 декабря 1776 г. трубачам, литаврщичьему ученику и четырем *«находящимся в трубаческой науке»* рейтарам было предписано сделать *«кафтаны из алого [сукна] первой доброты, с подложением под них вместо фланели голубого стамеду, а камзолы из палевого сукон, и кафтаны против… образцового мундира обшить узеньким двухсторонним золотым позументом»*[609]. Такие же мундиры полковая канцелярия приказала построить в сентябре 1778 г.[610]

В сентябре 1782 г. на изготовление вседневных мундиров трубачам, литаврщику и его ученику было *«употреблено»* 56 аршин алого сукна первого сорта на кафтаны, 27½ аршин голубого сукна *«на камзолы»*, 64½ аршина голубого стамеда на подкладку кафтанных пол, 143 аршина холста, 49½ аршин клеенки, 22 золотника синего и 5½ золотников красного гаруса, 69 портищ 8 штук кафтанных и 40 портищ 4 штуки камзольных томпаковых пуговиц, 88 пар медных проволочных крючков и петель, 44 золотника палевого шелка, 462 аршина золотого галуна, а также 22 пары эполет, 22 темляка, 22 кордона и 22 гарусных плюмажа[611].

Аналогичный мундир — красные кафтаны с голубыми воротниками, обшлагами и голубой стамедной подкладкой, голубого сукна камзолы — для трубачей и литаврщичьего ученика строится в 1785 г. Пуговиц на этот комплект мундиров подрядили 59½ портищ кафтанных и 38½ портищ камзольных (не трудно рассчитать, что на каждую пару выходит по 34 кафтанных и 22 камзольных пуговицы), узкого золотого двухстороннего позумента *«на обложение мундиров по швам и еще где следует»* — 449 аршин 8 вершков[612]. Отдельно на каждого человека было куплено по паре золотых эполет с голубым шелком и вышитым блестками императорским вензелем и по одному золотому с голубым шелком темляку[613].

В 1788 г. точно такие же мундиры получили 17 трубачей, литаврщицкий и три трубаческих ученика. Вся разница с предыдущим комплектом, похоже, заключалась только в количестве пуговиц — в этот раз на каждый мундир их выходило по 36 кафтанных и 28 камзольных[614].

На изготовление вседневных мундиров двум трубачам в марте 1790 г. было приобретено 35 аршин 11 вершков узкого золотого двухстороннего позумента *«на обложение у мундиров петлиц, по шву и где должно»*; два аршина восемь вершков голубого сукна на камзолы, воротники и обшлага к кафтанам; шесть аршин (очевидно, голубого) стамеда, шесть портищ кафтанных, пять портищ

камзольных томпаковых пуговиц и голубой гарус на 10 копеек[615]. Этим же трубачам выдали шляпы с позументом *«старого калибера»*, султаны из белых гусиных перьев, темляки *«с золотом»* и обшитые басоном лосиные портупеи с медными пряжками[616].

Ученик литаврщика в 1792 г. получил алый кафтан с голубыми прибором и подкладкой и палевый камзол; на отделку их было израсходовано 13 аршин узкого золотого позумента и 43 кисточки[617].

Сходным образом одевались находящиеся в *«трубаческой науке»* рейтары и малолетние ученики. В декабре 1792 г. на пошив им девяти новых вседневных мундиров пошло 27 аршин алого сукна первого сорта на кафтаны, два аршина голубого сукна *«на воротники и лацканы»*, 7¾ аршин палевого сукна на камзолы, 27 аршин голубого стамеда, 63 аршина холста, 18 аршин клеенки, 13 портищ кафтанных и 32 портища камзольных пуговиц, 45 пар медных проволочных крючков и петель, четверть фунта палевого шелка, 3 фунта 21 лот *«узенького»* позумента, четыре фунта пять лотов золотых кистей и сыромятная кожа на насаживание пуговиц[618].

В мае 1794 г. состоящие при полку мастеровые чины сделали для трубачей и музыкантов три шелковых с серебром аксельбанта и 60 желтых гарусных *«рейтарских»* темляков *«сходственных противу имеющихся ныне в ношении»*[619].

Для построения 31 вседневного трубаческого мундира в декабре 1794 г. было куплено 89 аршин алого, семь аршин голубого и 20 аршин палевого сукна, 89 аршин 2 вершка голубого стамеда, 357 аршин холста, 102 аршина клеенки, 93 портища кафтанных и 62 портища камзольных пуговиц, 31 золотник алого гаруса, 204 пары медных проволочных крючков и петель, 186 аршин золотого позумента, 744 золотых кисти, полтора фунта *«разного»* шелка, две сыромятных кожи на поставку пуговиц и 46½ золотников палевого гаруса[620]. Трубачи в том же 1794 г. получили новые вседневные шляпы с обшивкой из золотого позумента и белыми гусиными плюмажами[621].

Для повседневного ношения штаб-трубач и литаврщик имели подобные унтер-офицерским кафтаны, камзолы и сюртуки, сделанные из сукон и прикладов, остающихся при постройке парадного мундира. По борту, карманным клапанам и *«на полах под клапанами»* камзолов в один ряд нашивался *«вседневный шляпный»* позумент[622].

3 августа 1762 г. определенный в полк по капитуляции штаб-трубач Яган Христофор Беренц получил на изготовление вседневных вещей 10 аршин василькового сукна на кафтан и сюртук, три аршина алого сукна на камзол, воротник и обшлага, 12 аршин двойного красного валяного стамеда, четыре золотника синего и полтора золотника красного гаруса, один золотник синего и ползолотника красного шелка, 63 кафтанных и 23 камзольных пуговицы[623].

В январе 1763 г. на постройку *«литаврщицкого мундира и сертука»* было приторговано шесть портищ кафтанных и два портища камзольных пуговиц, 14 аршин крашенины, пять аршин клеенки, четыре золотника синего и два золотника красного гаруса, две пятинки синих и красных ниток, четыре с

половиной аршина золотого позумента на камзол и два аршина два вершка на шляпу[624].

Такой же вседневный мундир — синие с красным прибором и красной стамедной подкладкой кафтаны, красные суконные обшитые гладким широким золотым позументом камзолы — штаб-трубач и литаврщик получали и впредь[625]. В 1780-е гг. гладкого шляпного позумента на их камзолы отпускалось по шести аршин[626].

Полковой коновал носил аналогичный мундир, но без позумента на камзоле.

МУЗЫКАНТЫ

Набранные из числа рейтар и малолетних учеников, полковые музыканты одевались в одном стиле с трубачами. По большому счету, разница между обмундированием тех и других состояла только в качестве отделки: у трубачей позумент и кисточки на кафтанах и камзолах были золотые, у музыкантов — гарусные. В остальном трубаческие и музыкантские вещи почти не различались. Далее в хронологической последовательности мы приведем все сведения о музыкантском мундире, которые нам удалось найти.

В октябре 1782 г. четырем рейтарам и 13 малолетним *«обучающимся на духовой музыке ученикам»* было куплено 36 аршин 8 вершков красного сукна второго сорта на кафтаны, 20 аршин 1 вершок синего сукна на камзолы, кафтанные воротники и обшлага, 39 аршин синего стамеда под кафтаны 110 аршин 8 вершков холста, 34 аршина клеенки, 17 аршин крашенины, 34 золотника алого и 17 золотников синего гаруса, 5 дюжин 8 пар медных проволочных крючков и петель, 42 портища 6 штук кафтанных и 29 портищ 9 штук плоских пуговиц[627].

На постройку образцового музыкантского мундира *«для находящихся в обучении духовой музыки учеников»* в декабре того же 1782 г. израсходовали два аршина восемь вершков алого сукна первого сорта на кафтан, полтора аршина голубого сукна на камзол и портупею, 1 аршин 12 вершков палевого сукна на штаны, два аршина восемь вершков голубого стамеда под кафтан, 11 аршин 8 вершков холста, четыре пары медных проволочных крючков и петель, три портища кафтанных и два портища камзольных томпаковых пуговиц, палевые гарус и шелк, красные и голубые нитки, 25 аршин золотого галуна на мундир и портупею, 1 аршин 14 вершков позумента на шляпу, два эполета, темляк, кордоны, плюмаж и султан на шляпу, остроносые сапоги и шпагу с томпаковым эфесом[628].

В конце октября 1784 г. на 31 человека состоящих в музыкальной науке рейтар и малолетних учеников покупается 63 аршина 8 вершков белого *«шпанского»* сукна на камзолы и штаны, 5 аршин 8 вершков голубого сукна на обшлага и воротники, 73 аршина голубого стамеда, 77½ портищ кафтанных и 77½ портищ камзольных томпаковых пуговиц, 40 золотников белого гаруса, а также желтые нитки, пуговичные деревяшки и черные поярковые шляпы[629]. На отделку этих мундиров в следующем месяце приобрели 801 аршин палевого *«немного*

с голубым» гарусного басона и 511 пар гарусных кисточек с фигурами и жгутиками[630]. В качестве головного убора музыканты получают каски с медными позолоченными гербами[631].

Практически такой же набор вещей и материалов для изготовления вседневных мундиров состоящим *«при полковой музыке»* 11 рейтарам и 19 малолетним ученикам был приторгован в феврале 1787 г.: 67 аршин 12 вершков алого сукна первого сорта на кафтаны, шесть аршин голубого сукна на воротники и обшлага, 63 аршина белого сукна на камзолы и штаны, 75 аршин 12 вершков голубого стамеда под кафтаны, 305 аршин холста, 75 аршин клеенки, 78 портищ 4 штуки кафтанных и 75 портищ камзольных томпаковых пуговиц, 50 золотников белого галуса, 12 дюжин медных проволочных крючков и петель, 828 аршин палевого *«в средину немного с голубым»* басона *«на обложение кафтанов по швам, петлиц и где следует»*, 500 пар *«такового ж вида»* кисточек с фигурами и жгутиками, а также желтые нитки на пришивку басона и пуговичные деревяшки[632].

В мае 1790 г. *«на построение музыкантских семнадцати мундиров с камзолами и штаны и других из голубого сукна камзолов»* было куплено 32 аршина белого сукна на камзолы и штаны, 18 аршин черного полуплису, 51 аршин белого стамеда, 36 портищ кафтанных и 51 портище камзольных пуговиц, белый гарус; на голубые камзолы — 22 портища пуговиц и голубой гарус. Вероятно, на музыкантские мундиры предназначалось 3.260 аршин приобретенного тогда же палевого шерстяного басона[633].

Аналогичной расцветки мундиры строятся к началу октября 1792 г. На изготовление их было израсходовано 32 аршина 4 вершка алого сукна на кафтаны, 50 аршин белого сукна на камзолы и штаны, 19 аршин черного плиса на кафтанные воротники, лацканы и обшлага, 30 аршин белого стамеда, 210 аршин холста, 22 аршина клеенки, 30 аршин крашенины, 13 золотников алого галуса, 30 портищ кафтанных и 59 портищ камзольных томпаковых пуговиц, пять портищ медных проволочных крючков и петель[634]. В мае 1792 г. музыкантам выдали 30 шляп с красными кордонами[635].

В конце 1795 г. 36 полковым музыкантам делаются желтые суконные мундиры (кафтаны) с черным плисовым прибором и черным стамедным подбоем, черные суконные камзолы, белые каламенковые рейтузы и жилеты. На каждую такую пару считалось: два аршина семь вершков желтого сукна на мундир, 12 вершков черного сукна на камзол, восемь аршин холста, полтора аршина клеенки, три с половиной аршина белого каламенка на рейтузы и жилет, 17 кафтанных и 34 камзольных *«прежних»* пуговиц, пять пар проволочных крючков и петель; черного плиса на воротники, лацканы (отвороты) и обшлага всех 36 мундиров пошло 27 аршин, черного стамеда на подкладку — 90 аршин[636]. Дополняли этот мундир поярковая шляпа с волосяным бантиком и султаном, сабля и покрытая черным лаком лосиная портупея с медной пряжкой. Для *«зашивания клапанов»* на музыкантских мундирах было куплено четверть фунта оранжевого шелка[637].

Состоящие при роговой музыке рейтары и малолетние ученики — всего их было 41 человек — в конце 1795 г. получили голубые суконные *«курточки»* с

красным прибором, белые каламенковые жилеты и чикчиры. На построение их пошло: 70 аршин 5 вершков голубого сукна, 120 аршин белого каламенка, 14 аршин 8 вершков алого сукна на воротники, обшлага и лацканы (они же отвороты), 330 аршин холста, 41 аршин крашенины и 1.148 камзольных пуговиц. По числу людей выдаются черные поярковые шляпы с желтыми кордонами, белыми волосяными бантиками, пуговицами *«на жилках»* и султанами (ни материал, ни цвет последних неизвестны), застегивающиеся пряжками галстуки из тонкого белого холста, сабли, желтые гарусные темляки и покрытые черным лаком лосиные портупеи с медными позолоченными пряжками[638]. Сапоги у *«роговых музыкантов»* были из выростковой кожи[639].

Особый мундир имели два *«находящихся в литаврщицкой науке»* арапа. В декабре 1773 г. на пошив их одежды было *«употреблено»* четыре аршина синего сукна первого сорта, 10 аршин 8 вершков красного сукна, три золотника синего гаруса, четыре аршина клеенки, 28 аршин холста, а также 10 рублей 99 копеек на покупку *«приклада»*[640].

НЕСТРОЕВЫЕ НИЖНИЕ ЧИНЫ

Форменные вещи нестроевых чинов (в эту категорию, напомним, входили лекарские ученики, дьячки, мастеровые, коновалы и профосы) делались из более дешевых материалов, чем рейтарские, и не имели декоративных деталей. На шляпах не было позумента, кордонов и султанов; кафтаны и камзолы шились из сукон второго сорта и каразеи; штаны — из козловой кожи. Эполеты и обшивка позументом по воротнику камзола, само собой, также отсутствовали.

6 августа 1784 г. поручик Никифор Бычков получил приказ построить фурманному и колесному мастерам, плотникам, кузнецам, слесарям, седельникам и коновальским ученикам взамен мундиров *«сертуки из синего, а камзолы из красного второго сорту сукон, с подложением под сертуки каразеи, а под камзолы холста»*[641]. Подобного вида сюртуки нестроевые чины получали и в дальнейшем.

Дьячкам в 1779 г. вместо мундиров шьется такое же, как у певчих *«длинное платье»* — синие кафтаны, красные полукафтанья и алые стамедные кушаки[642]. В ноябре 1782 г. для дьячков было велено сделать новые синие сюртуки и красные камзолы из сукна второго сорта[643]. Такие же камзолы и сюртуки из синего и красного сукон первого сорта дьячкам построили в 1784 г.[644]

Подобная одежда — сюртуки с камзолами — похоже, выдавалась всем нижним чинам, состоящим на нестроевых должностях. Так, в марте 1784 г. двум *«находящимся в нормальной школе в науке рейтарам»* вместо обыкновенных положенных им вседневных мундиров было велено пошить синие сюртуки и красные камзолы из сукон первого сорта[645].

БЕРЕЙТОРСКИЕ УЧЕНИКИ

Определением от 31 декабря 1772 г. *«находящимся при полковом манеже в берейторской науке у объезжания рейтарских лошадей»* каптенармусу, капралу и 10 рейтарам *«для лучшей пристойности, чтоб они во время езды в том манеже от прочих строевых чинов были отличны»*, предписывалось построить *«колеты красные, камзолы васильковые с обшлагами и воротники красными, со обложением по борту и где пристойно гарусным галуном»*[646].

В декабре 1794 г. нижние чины, состоящие при манеже получают сюртуки с камзолами и фраки с белыми жилетами[647].

МАЛОЛЕТНИЕ УЧЕНИКИ

С 1766 г. состоящие при полку для обучения разным *«наукам»* малолетние ученики — всего их было не меньше 66 человек* — носили синие суконные картузы и сюртуки с красными камзолами и штанами (само собой разумеется, что на вещи учеников, являвшихся чинами не только нестроевыми, но и вообще сверхштатными, *«употреблялись»* сукна из категории ординарных, а впоследствии — второго сорта). Сюртуки, как и положено верхней одежде, подбивали красной каразеей, камзолы и штаны — холстом[648]. В конце 1780-х гг. ученические камзолы и штаны стали шить из палевого сукна[649]. По-видимому, примерно в это же время красное сукно было заменено алым[650]. Кроме того, в 1780-е гг. наряду с суконным мундиром ученикам начали выдавать белые каламенковые камзолы и штаны[651].

Певчие, сначала одевавшиеся так же, как остальные ученики[652], в 1770-е гг. *«для лучшего по званию их виду»* получают длинные синие кафтаны, красные полукафтанья и алые стамедные кушаки[653]. В августе 1789 г. для певчих покупается белое сукно на полукафтанья и полосатый канифас[654]; в сентябре 1794 г. — синее сукно на кафтаны, палевое на полукафтанья и штаны[655].

Помимо основных материалов, на пошив ученических вещей требовались красная крашенина, клеенка, синий и красный, а впоследствии синий и палевый гарус для обметки пуговичных петель, суровые нитки. В октябре 1788 г. среди прочего ученикам было куплено 33 аршина синего сукна *«на обшлага и воротники»* (вполне резонно предположить, что не только у строевых чинов камзолы имели цветной прибор)[656]. Пуговицы, очевидно, отпускались старые, из числа выслуживших положенные сроки.

Малолетним ученикам, *«обучающимся в полковой школе по образу народного училища»*, в мае 1786 г. было велено построить белые каламенковые сюртуки, чикчиры и колпаки[657]. В том же году белые каламенковые камзолы

* В 1779 г. при полку состоял 61 малолетний ученик. 12 человек из этого числа числилось при полковой канцелярии, 16 — в певческой науке, три — в переплетной, семь — в лекарской, три — в слесарской, пять — в седельнической, семь — в цирюльнической, шесть — в трубаческой, по одному — в парикмахерской и портной. РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1256. Л.195-195 об.

с рукавами и штаны получают ученики, состоящие при полковой канцелярии и в лекарской науке[658]. В мае 1795 г. камзолы с рукавами и штаны для полковых школьников сшили из старых желтых парадных трубаческих мундиров, чепраков и чушек[659].

ИЗВОЗЧИКИ

В 1764 и 1765 гг. извозчики Конной гвардии получали синие суконные картузы, кафтаны, камзолы и штаны[660], а с 1766 г. одевались подобно своим собратьям из армейских полков — у тех и других мундир включал епанчу с рукавами (она же шинель), камзол и картуз синего сукна российских фабрик и замшевой выделки штаны из козлиной кожи[661]. Епанчи имели красную каразейную подкладку, синие воротники и обшлага[662]; остальные вещи подшивались холстом. Подложенные клеенкой пуговичные петли обметывали гарусом в цвет сукна. Сами пуговицы были медные. В 1765 г. на каждый извозчицкий мундир их выходило по 18 кафтанных и 26 камзольных[663], в 1773 г. — по 11 кафтанных и 24 камзольных[664]. Срок службы такого мундира составлял два с половиной года[665].

Вариации в пределах данного комплекта вещей были самые незначительные. Так, в 1766 г. двум извозчикам, состоящим при полковой канцелярии, собирались пошить красные камзолы (пошили или нет — неизвестно)[666]. Картузы с конца 1782 г. делаются из кожи[667].

В октябре 1782 г. на фраки и камзолы для трех извозчиков пошло 11 аршин 9 вершков синего сукна второго сорта, 21 аршин холста, шесть аршин клеенки, дюжина медных проволочных крючков и девять золотников синего гаруса[668].

С 1783 г. извозчицкий мундир составляли: картуз из черной лакированной кожи, синяя суконная с красным каразейным подбоем шинель; синий же камзол с красными воротником, лацканами (отворотами), обшлагами и полами, застегивающийся на медные проволочные крючки и петли; синие чикчиры с красной выкладкой по боковым швам и обшивкой из черной *«вырезковой»* кожи внизу[669]. Подкладкой для камзолов и чикчир служил толстый холст. Пуговичные петли подшивались клеенкой и обметывались синим гарусом. Пуговицы были медные. В 1783 г. на каждый извозчицкий мундир их отпускается по 13 *«круглых высоких»* кафтанных и столько же камзольных, в 1784 г. — около семи плоских камзольных; в 1788 г. извозчики получают примерно по семь кафтанных и 10 камзольных пуговиц, а также плоские пуговицы к чикчирам (последних было всего шесть портищ на 52 человека). В теплое время года носились камзолы и чикчиры из полуфламского полотна, с деревянными обтяжными пуговицами[670].

В мае 1785 г. отпускаются деньги на покупку шести извозчикам поярковых шляп, синего сукна на кафтаны и красного стамеда на кушаки[671]. Опись вещей полкового комиссарства, составленная в начале 1788 г., показывает 23 черных лакированных извозчицких картуза с голубыми *«повязками»* и медными гербами и столько же черных лакированных поясов с медными пряжками[672].

Сделанные в 1788 г. лакированные картузы имели некие *«пояса»* и *«медный прибор»*[673]. В ноябре 1789 г. для извозчиков строятся шинели и куртки из сукон третьего сорта[674], в конце 1794 г. — сюртуки, камзолы и шинели[675].

С середины 1780-х гг. четверо извозчиков состояло *«у чищенья печных труб»* в рейтарских связях. Зимой они носили серые сермяжные камзолы, чикчиры и колпаки с холстинной подкладкой, овчинные тулупы, теплые шапки и рукавицы; летом — одежду из парусины или равендучного полотна[676]. В декабре 1794 г. на кафтаны, куртки и чикчиры для трубочистов пошло серое *«попонное»* сукно[677].

По-видимому, точно так же одевались двое извозчиков, числившиеся *«у топления в штабском доме печей»*. В январе 1786 г. им были куплены овчинные тулупы, шапки и рукавицы на сумму 35 рублей 50 копеек[678]; в 1787 г. построены белые каламенковые кители, камзолы и штаны с холстинной подкладкой[679].

ОФИЦЕРЫ

Самое важное за время правления Екатерины II распоряжение относительно униформы конногвардейских офицеров состоялось осенью 1762 г. 23 октября *«Ее Императорское Величество всемилостивейшая государыня всевысочайше изустно указать соизволила: лейб-гвардии в Конном полку господам штаб- и обер-офицерам отныне парадных шитых мундиров не иметь, а иметь одни вседневные»*[680]. С тех пор во всех положенных случаях офицеры Конной гвардии использовали единственный комплект одежды и снаряжения, остававшийся практически неизменным до конца 1796 г. (перемены, происходившие в покрое и очертаниях вещей под влиянием моды — не в счет).

Итак, головным убором офицера была черная шляпа, обшитая широким золотым позументом по краям полей. Кроме позумента, шляпу украшали свернутый из белой шелковой ленты бант с золотой петлицей и пуговицей, шелковые *«перевитые золотом»* кордоны и белый перьевой плюмаж[681]. В марте 1763 г. для офицеров было куплено 23 *«кружевных»* и 34 *«простых»* плюмажа (первые стоили шесть рублей за штуку, вторые — пять)[682]. Полковничий плюмаж (Екатерины II) обошелся в 12 рублей[683]. Носить на шляпах волосяные кокарды офицерам запрещалось[684].

Галстуки офицерам были положены черные волосяные, *«с вызолоченными бляхами»*[685]. Тем не менее, есть довольно много портретов, показывающих офицеров Конного полка в белых галстуках.

Офицерский мундир состоял из василькового (синего) кафтана с алыми воротником, обшлагами и подкладкой, алых камзола и штанов. Того же цвета были триповые чепрак и чушки. Золотой позумент и бахрома всем чинам выдавались в одинаковом количестве. Так, в октябре 1762 г. для каждого человека было подряжено по два аршина два вершка позумента на шляпу, 18 аршин

Неизвестный художник XVIII в.
Портрет князя Михаила Волконского в мундире офицера лейб-гвардии Конного полка. Конец 1760-х гг.
(Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей)

позумента на кафтан и камзол, шесть аршин восемь вершков позумента и столько же бахромы на чепрак и чушки; аршин *«кафтанного»* галуна весил два лота с полузолотником, *«шляпного и чепрачного»* — 11 золотников ровно, бахромы — 11 золотников с четвертью[686]. Такой же мундир имели нестроевые офицеры — полковые секретарь, обозный и аудитор, только парадных чепраков и чушек им не полагалось.

В ненастную и холодную погоду поверх кафтана надевался васильковый сюртук с медными пуговицами, отложным воротником и обшлагами красного цвета. Строевой обувью служили сапоги с серебряными шпорами (в описи 1781 г. образцовые офицерские сапоги названы *«английскими»*). Перчатки имели *«большие»* обшлага, обшитые золотыми позументом и бахромой[687]. Приказом от 19 марта 1781 г. обер-офицерам было велено носить штаны палевого цвета и белые султаны на шляпах[688].

Новое холодное оружие за время екатерининского правления офицеры получали дважды. В июле 1765 г. им выдаются тесаки, в мае 1773 г. — палаши. Клинки у тех и других были выполированные, а эфесы — позолоченные. К каждому из палашей полагалось по паре маленьких пряжек и погонных колец[689]. Возимые в седельных ольстрах пистолеты, по-видимому, были произвольного образца.

Связанные из золота и черного шелка шарфы делились на штаб- и обер-офицерские. По принятому в полку обыкновению, после раздачи новых шарфов, старые парадные вещи переходили в категорию вседневных, а считавшиеся вседневными (на тот момент уже совершенно изношенные) окончательно исключались из прихода[690]. Первый раз в правление Екатерины II новые шарфы строятся в конце 1762 г.[691] Офицерские темляки также сделанные из золота с черным шелком, по-видимому, были одинаковые для всех чинов.

18 июня 1769 г. позументный фабрикант Иоаким Хабле подрядился изготовить штаб- и обер-офицерам новые парадные шарфы на следующих условиях: *«...для господ полковых штабов пять, обер-офицерам пятьдесят три, а всех пятьдесят восемь, в доброте золота и манере сходственные [с] запечатанным полковою печатью образцовым, штабские против штабского, а обер-офицерские противу офицерского, без наималейшей разности, а весом штабские по три фунта, обер-офицерские по два фунта по шестнадцати лотов. Мерою между кистей в полотнах штабские три, офицерские двадцать — каждый по четыре аршина; штабских два, офицерских тридцать три — по три аршина по восьми вершков. А полос в средине с черным шелком по две, с концов по одной золотой, а в самой средине по одной же золотой. Фигур золотых в кистях в каждых двух: в штабских, с лучшим против офицерских украшением — по тридцати, витых толстых по тридцати ж, мелких по триста по двадцати, мелких же пополам с черным шелком по двести по сороку; в обер-офицерских в каждых двух — фигур золотых по двадцати, шнуров золотых толстых по двадцати ж, мелких по двести по восьми, пополам с черным шелком по двести. И все те шарфы сделать и к отдаче в полк ему, Хабле, представить от*

Кафтан офицера лейб-гвардии Конного полка. 1760-е гг.
(Государственный Исторический музей)

заключения контракта чрез четыре месяца неотменно, а ценою заплатить ему по поставке всех шарфов за каждый шарф за штабский по шестидесят по девяти рублев, за обер-офицерский по пятидесят по девяти рублев»[692]. Розданы по рукам эти шарфы были в конце мая 1770 г.[693]

Новые четыре штабских и 53 обер-офицерских шарфа принимаются в полк в октябре 1780 г. Первые стоили по 100 рублей за штуку, вторые по 75[694]. Из декоративных деталей этих шарфов документы упоминают *«фигуры с блестками»*, витые и гладкие канители[695].

К августу 1790 г. на 60 человек были сделаны шарфы без *«гладких фигур»* в кистях и с лосиной подкладкой под *«поясами»*[696]. Еще пять обер-офицерских шарфов *«с кушаками»* строится в январе 1792 г.[697]

Как уже говорилось выше, парадные чепраки и чушки у строевых офицеров были алые триповые, обшитые золотым позументом и бахромой по краям. С изнанки оба предмета подкладывались крашениной и черной лощенкой, а снаружи украшались вышитыми золотом императорскими вензелями с коронами и лаврами. *«Алого гарусного трипа»* на каждую пару чепраков и чушек выходило по 3 аршина 11 вершков[698].

В той же цветовой гамме были выдержаны как парадные, так и вседневные мундштуки и уздечки. *«...По апробации его сиятельства господина генерала-аншефа, сенатора, лейб-гвардии Конного полку подполковника и разных орденов кавалера князь Михайлы Никитича Волконского*, — говорилось в приказе от 8 марта 1764 г., — *состоящим в полку господам штаб- и обер-офицерам иметь на лошадях вседневные мундштуки и уздечки на красных ремнях с золотою строчкою, таковые, какие прежде бывали парадные, с медным золоченым набором, а парадные, обшитые алым трипом с золотою ж строчкою во всём и с кистьми золотыми — против имеющего образцового мундштука у меня... Попоны ж иметь всякому из господ офицеров по своему гербу, кто какие пожелает, а чепраки иметь же вседневные каковы прежде бывали, а парадные — алые триповые, с золотым позументом и с бахромою»*[699].

Согласно приказа от 26 мая 1765 г. офицерам дозволялось покупать себе заводных английских лошадей вороной, карей и гнедой масти[700].

Сведений о том, как выглядели палатки офицеров лейб-гвардии Конного полка при Екатерине II, в просмотренных нами документах совсем немного. Так, один из пунктов приказа от 5 октября 1764 г. гласил: *«...Господам обер-офицерам, кому из полкового комиссарства за вычет жалованья подрядных палаток не дано, тем неотменно по рангам своим к будущему лагерю на собственный свой кошт строить; также и всем господам обер-офицерам на палатках своих иметь по две медные шишки манером против имеющихся на штабских палатках»*[701]. По две таких же шишки было и на палатках штаб-офицеров[702].

Неизвестный художник XVIII в.
Офицер лейб-гвардии Конного полка. 1786 г.
(коллекция Анны Браун)

Д.М. Коренев
Портрет Николая Майкова в мундире офицера лейб-гвардии Конного полка. Конец 1780-х — первая половина 1790-х гг.
(Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник)

Неизвестный художник XIX в. (копия с оригинала П. Меллинга)
Портрет князя Михаила Голицына в мундире офицера лейб-гвардии Конного полка. 1781 г.
(Государственный Исторический музей)

Кафтан и палаш офицера лейб-гвардии Конного полка. 1770-е — 1790-е гг.
(Государственный Эрмитаж)

Покрой кафтана позволяет уверенно датировать его первой половиной 1790-х гг. Холодное оружие для офицеров Конной гвардии при Екатерине II делались дважды: тесаки в 1765 г. и палаши в 1773 г. Если этот клинок действительно принадлежит Конногвардейскому полку — перед нами палаш образца 1773 г. Такой же палаш и сабля с аналогичным эфесом есть в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (фото справа).

Кафтан офицера лейб-гвардии Конного полка. 1790-е гг.
(Мемориальный музей А.В. Суворова)

Х.-Г. Гейслер
Офицер лейб-гвардии Конного полка. 1793 г.
(Изображение мундиров российско-императорского войска. СПб., 1793. Рис. № 25)

И.Б. Лампи-Старший
Портрет Григория Васильчикова в мундире офицера лейб-гвардии Конного полка. 1794 г.
(Тульский областной художественный музей)

Неизвестный художник XVIII в.
Портрет Александра Рибопьера в мундире офицера лейб-гвардии Конного полка. Конец 1780-х — первая половина 1790-х гг.
(Частное собрание)

ПОЛКОВЫЕ ВЕЩИ

Штандарты

Новых штандартов для лейб-гвардии Конного полка в царствование Екатерины II сделано так и не было. Либо продолжали использоваться штандарты елизаветинских времен (что наиболее вероятно), либо штандарты, изготовленные при Петре III — вопрос этот в настоящее время открытый. Периодически обновлялись только штандартные чехлы. Так, в январе 1764 г. живописец Канцелярии от строений Федор Данилов получил 100 рублей за *«написание живописью»* на 10 чехлах золотом, серебром и красками *«высочайшего Ее Императорского Величества вензелового имени и лавр»*[703]. Девять лет спустя, в июле 1773 г. унтер-мастеру Императорской шпалерной мануфактуры Петру Новикову было заплачено 50 рублей *«за написание им живописью на его фламском полотне на штандарты вместо пришедших в ветхость новых пяти чехлов и за позолочение оных»*[704].

Литавры и трубы

Трубы и литавры в полку, как и прежде, были двух видов: парадные, сделанные из серебра, и вседневные из меди. Парадные вещи не имели определенного срока службы, вседневные трубы обновлялись примерно через каждые шесть лет (в 1763, 1771, 1779 гг.)[705]. Количество инструментов точно соответствовало штатному числу людей: и парадных, и вседневных труб было по 20 штук (одна серебряная и одна медная на каждого трубача), литавр — две пары (серебряные и медные).

Еще одну пару труб получил принятый в полк по капитуляции штаб-трубач Беренс. В феврале 1764 г. трубный мастер Яган Фридрих Данске (Danscke) подрядился изготовить для него *«две трубы, одну серебряную, из своего собственного серебра, с позолотою в нижнем раструбе и наверху по гайкам и шишке, ценою, как за работу оной, так за позолочение и чеканную работу, за семьдесят рублев... другую медную, из своей же собственной меди, с посеребрением на тех же местах, как и серебряная труба вызолочена быть имеет, ценою за девятнадцать рублев»*. Кроме того, мастер обещал сделать *«к ныне имеющимся медным трубам и валторнам трубным четыре кроника и двадцать подставок, валторных четыре мундштука и девять подставок»*[706]. У него же в ноябре 1764 г. покупаются медные посеребренные литавры стоимостью в 150 рублей[707].

Серебряные трубы с 1765 г. хранились в замшевых чехлах[708]. В середине 1772 г. серебряные литавры были починены и выполированы[709].

К парадным трубам полагались шнуры и кисти из золота и шелка (последний, скорее всего, был красный)[710], к вседневным — из цветного гаруса. Так, в мае 1771 г. на новые медные трубы подряжаются гарусные шнуры и кисти *«желтого, красного, синего и черного цветов»*; длина шнура между кистей составляла 10 аршин[711]. В конце 1776 г. взамен пришедших *«в крайнюю ветхость»* гарусных шнуров, к медным трубам было велено купить *«потребное*

число» тонких веревок, обвить их оставшимся от обшивания старой амуниции гарусным галуном и переставить на это кисти, снятые со старых шнуров[712].

Квартирные значки

В конце 1764 г. для полка строятся новые квартирные значки. На изготовление их было куплено 15 аршин *«гарнитуру»*, 10 медных золоченых втоков с копейцами, 400 гвоздей и шелковая бахрома (цвет ни гарнитура, ни бахромы не указан). Написание на этих значках *«с одной стороны в лаврах вензелового имени Ее Императорского Величества, а с другой стороны [литер] о звании полку, эскадрона и роты»* обошлось в 50 рублей[713].

Лагерные принадлежности

Практически полный комплект новых лагерных принадлежностей для полка был построен к середине 1765 г.

В апреле 1765 г. шестерной мастер Придворной конюшенной конторы Василий сын Ильин (имя его обозначено в контракте именно так) подрядился сделать 10 ружейных пирамид и одну караульную палатку *«из доброго и прочного фламского полотна, а именно караульную чрез древко на обе стороны восемь аршин, длиною древко от древка шесть аршин, боковые полы по три аршина, задние полы длиною по одному аршину с половиною, внутри по швам и вокруг снизу подшить нитяною тесьмою, на оной украшение из кумача сделать против имеющейся образцовой палатки, а пирамиды — во всём против данной мне образцовой же и запечатанной полковою печатью пирамиды, но только где расписано краскою, вместо того обшить красным кумачом; и у всех тех караульни и пирамид для пристегивания пол пришить железные крючки с петлями»*[714]. Цена караульной палатки составляла 19 рублей 50 копеек, каждой пирамиды — семь рублей.

Другой поставщик, купец Николай Красильников, в июне 1765 г. взялся изготовить церковный намет из белого фламского полотна *«в нижеписанные пропорции: длиною чрез древко шестнадцать аршин, древко от древка восемнадцать аршин, откосков по шестнадцати на стороне, подзор вокруг по три четвери аршина; украшение из кумача: по швам полосы шириною в два вершка, змейки большие по два аршина, а маленькие по откосам по одному аршину, по древку в один аршин в четыре вершка, по подзору полосу в два вершка; сего тысяча семьсот шестьдесят пятого году июня ко второму на десять числу неотменно, и класть мне в тот намет полотно, кумач, кляпышки, веревки, тесьму, на дыры кожу самые хорошие, плотные, чистые, а кумач красный нелинючий»*[715].

Несколькими месяцами раньше, в феврале 1765 г., было подряжено 244 медных отливных шишки к 122 рейтарским палаткам, 20 таких же шишек к 20 будкам (?) и 10 медных шляп к 10 ружейным пирамидам[716].

2 мая 1771 г. Савелий Александров получил контракт на изготовление 55 рейтарских палаток из белого фламского полотна, меньшего размера, чем

старые, *«со украшением из красного кумача: по древку шириною по пяти вершков, а по сторонам по четыре змейки шириною вверху по три вершка, длиною по двенадцати вершков»*[717].

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ

ЭКЗЕРЦИЦИЯ

6 мая 1732. — Приказ по полку

1. Напредь сего неоднократно приказами от меня (секунд-майор Карл Бирон. — *Авт.*) подтверждалось, чтоб господа офицеры смотрели в ротах своих накрепко, как при случающихся парадах, так и будучи при сменах на карауле в доме Ее Императорского Величества, чтоб рейтары ехали тихо и порядочно, колено с коленом, не разъезжаясь, и шпаги, поставя на ольстредь, держали ровно. А сего числа усмотрено мною, что господин поручик граф Головин, сменясь с караулу от двора Ее Императорского Величества, ехали не так, как надлежит против приказов, но весьма скоро, и шпаги держали не ровно, и разъехав друг от друга, а не колено с коленом. Того ради, еже[ли] впредь оное усмотрено будет при смене или при параде ехать будут не порядочно и не колено с коленом и шпаги будут держать не равно, как уже многократно приказано было, то за не пребрежение приказов и за несмотрение господа офицеры весьма будут ответствовать. Также когда капралы и часовых сменять поведут, то по тому ж — смотреть накрепко, чтоб оные ехали равно, колено с коленом, и шпаги держали ровно, а ежели оные того смотреть не будут, то жестоко будут штрафованы.

2. При сем сообщаются в роты пешие экзерциции, по которым господам офицерам приказать роты свои учить со всякою прилежностию и приводить в добрый порядок, дабы не было в ротах во оном учении какой разни.

РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.4. Л.63 об.-64.

21 июля 1733. — Из рапорта секунд-майора Карла Бирона подполковнику Бурхарду Эрнесту Траутфеттеру о препровождении к нему конной экзерциции

...Да при сем же сообщаю к вашему превосходительству конную экзерцицию и притом рисунки как роте стоять в параде и маршировать по взводам, и как быть

шквадрону в параде ж. Токмо оная экзерциция не апробована, однакож здешний шквадрон обучается оной экзерциции при Ее Императорском Величестве, а апробованной экзерциции еще не выдано. Да при сем же сообщаю к вашему превосходительству о состоянии команды моей недельный рапорт.

И тако донесшись, остаюсь вашего превосходительства покорный слуга.

РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.586. Л.315-315 об.

1733. — Конная экзерциция

Когда ротмистр хочет свою роту к учению изготовить, и расчесть надлежит по взводам и прочее принадлежащее к учению, как ниже сего в артикуле следует:

1. Ротмистру должно сказать «господа обер-офицеры и унтер-офицеры ступайте перед фрунт». Тогда надлежит выступить перед фрунт шагов на двадцать, чтоб офицеры были в одной шеренге по рангам, а унтер-офицеры за ними по рангам же.

2. Ротмистру ж надлежит разделить роту по взводам, и разделя, маршировать [туда], где будет строиться шквадрон.

3. Тогда при шквадроне кто старший ротмистр, скажет всего шквадрону офицерам и унтер-офицерам выступить пред фрунт, как выше показано.

4. Были б лошади в шеренгах постановлены по ранжирному списку.

5. Тогда надлежит ротмистру расчесть, чтоб разочтен был шквадрон из каждой шеренги по 4 человека направо и налево.

6. Потом ему ж надлежит расчесть шквадрон в два взвода, чтоб сделать в 6 шеренг.

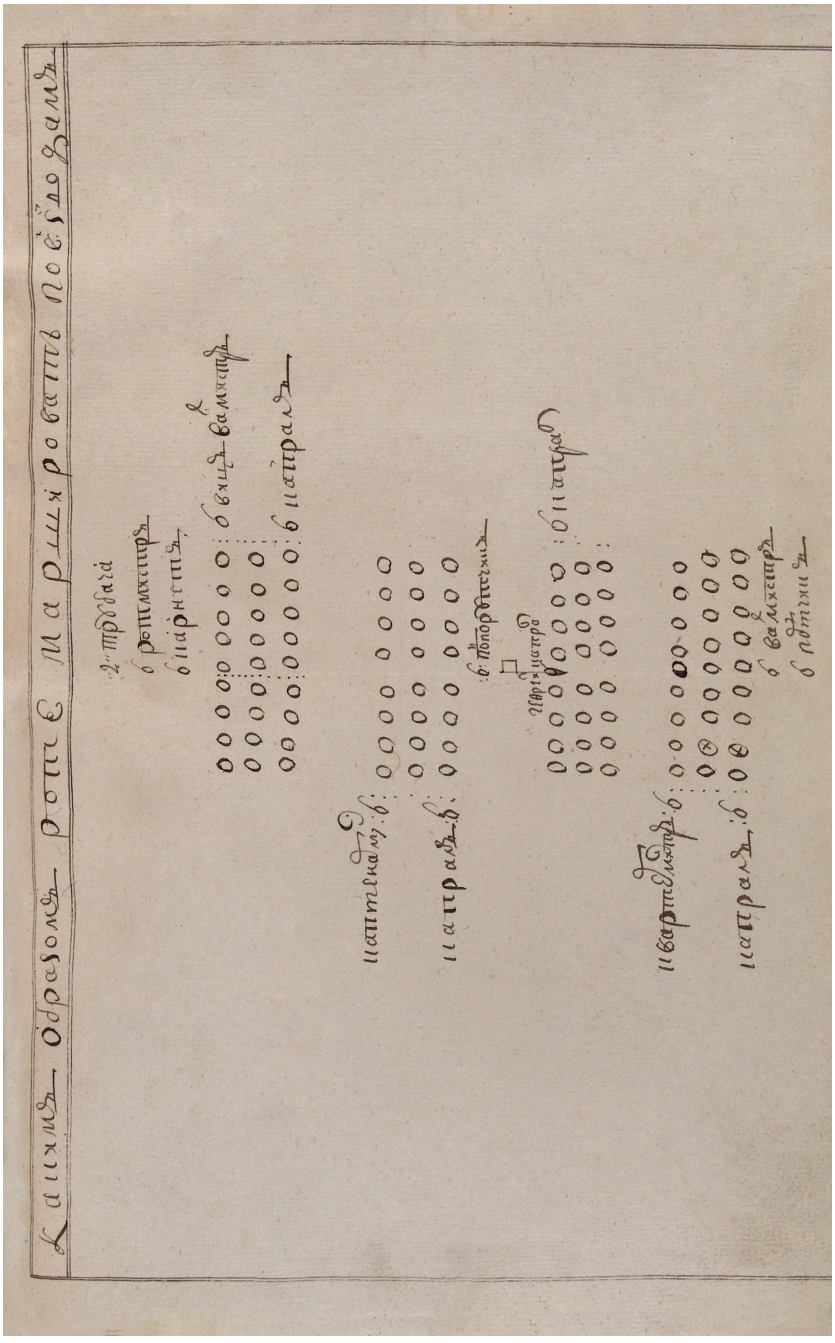
7. По тому ж надлежит заднюю шеренгу расчесть на 4 взвода, чтоб можно было сделать из 3-х в 2 шеренги.

8. Расчесть же шеренги чрез человека выступя, как надлежит сходить с коней. Потом разделить шквадрон в 4 взвода.

9. Тогда командир от шквадрону скажет, чтоб офицеры и унтер-офицеры ехали в свои места, и тотчас скажет «шпаги вон». Потом командир от шквадрону или от роты усмотрит, как прибудут на свои места офицеры и унтер-офицеры, то скажет «шпаги в ножны».

Когда государыня изволит смотреть, то как приказано будет маршировать шквадроном, или двумя взводами, или 4-мя взводами, и когда то марширование окончится, то будет учение:

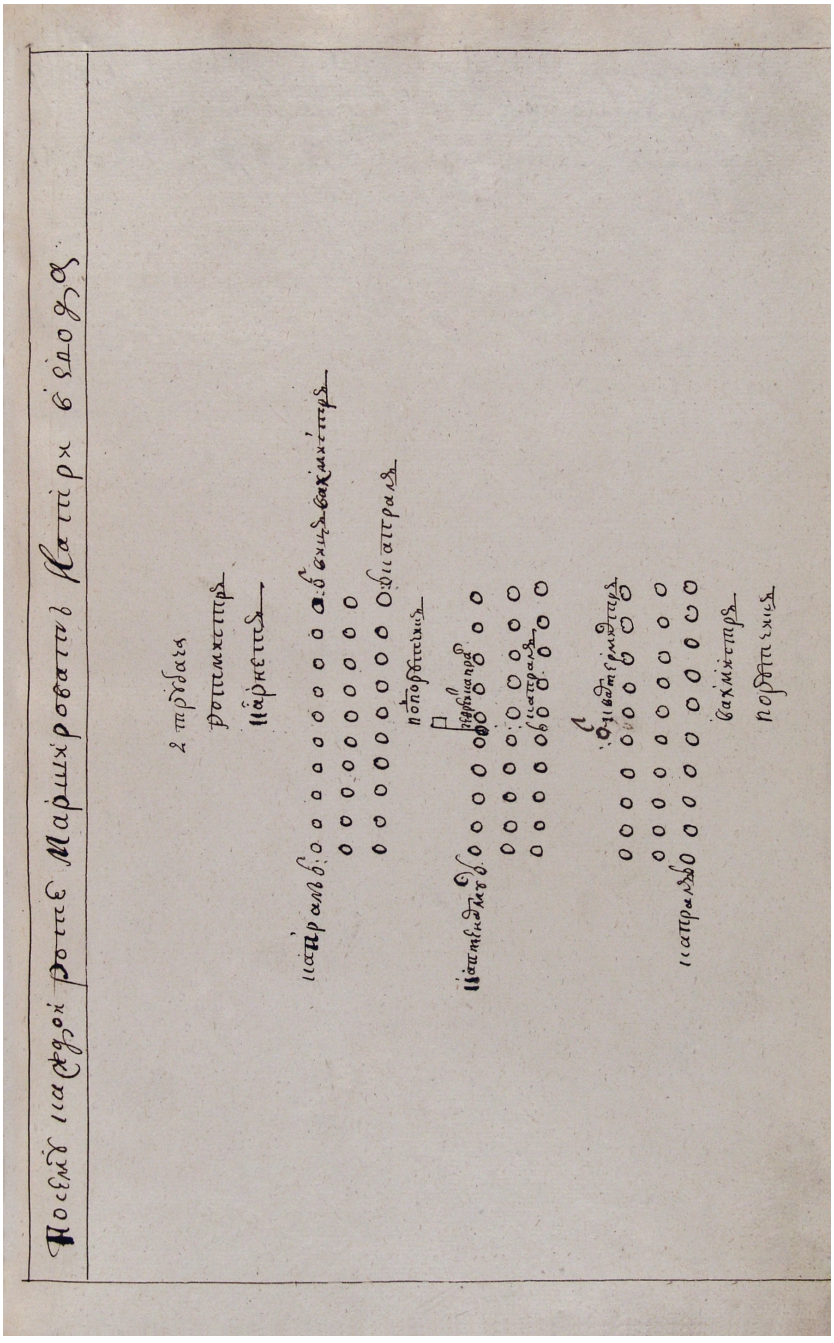
1. По 4 человека направо в 4 оборота.
2. По 4 человека налево в 4 оборота.
3. По 4 человека направо кругом в 2 оборота.
4. По 4 человека налево кругом в 2 оборота.
5. С половина шквадрона направо в 6 шеренг ступай.
6. Налево во фрунт ступай.

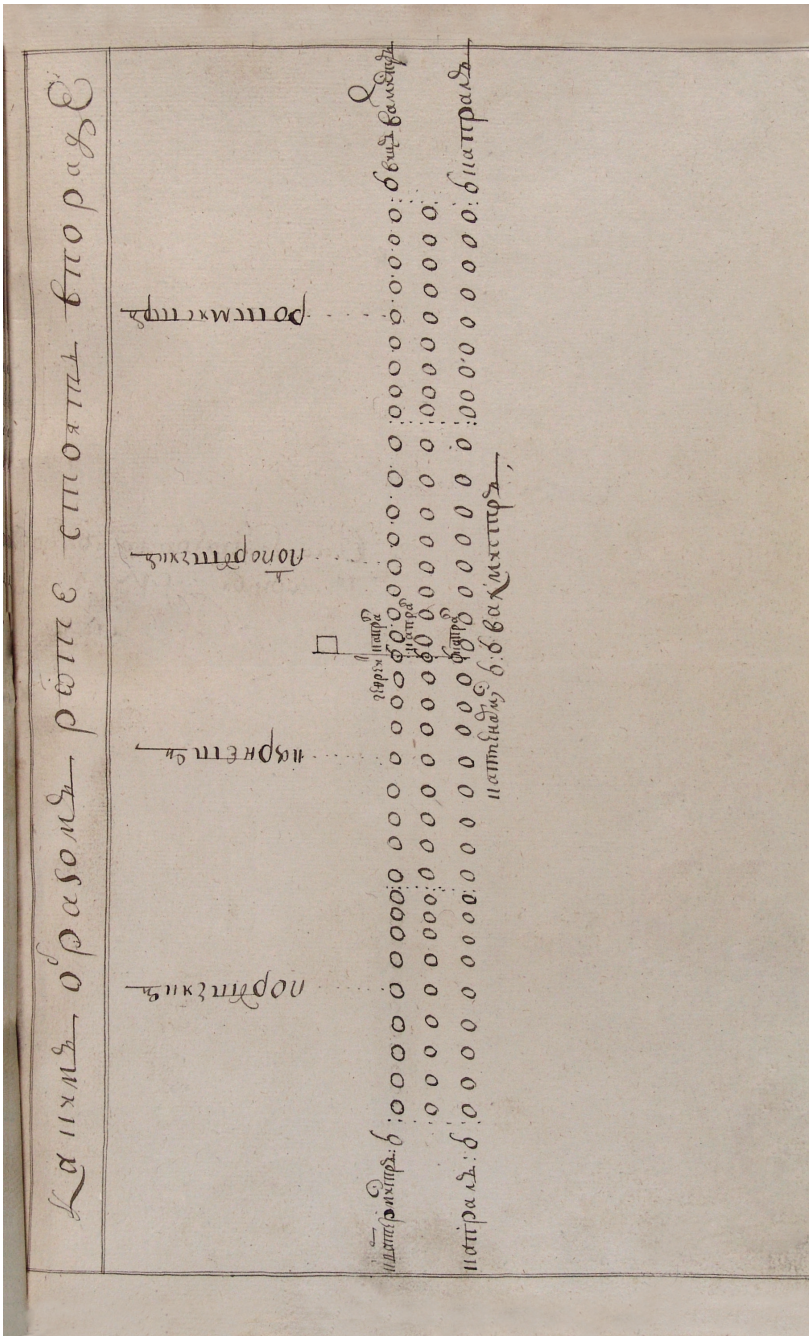
План роты в марше по взводам. 1733 г.
(Российский государственный военно-исторический архив)

7. С половина шквадрона налево в 6 шеренг ступай.
8. Направо во фрунт ступай.
9. Из 3-х в 2 шеренги ступай.
10. Направо и налево во фрунт.
11. Задние две шеренги приступи.
12. По взводам направо в 4 оборота.
13. По взводам налево в 4 оборота.
14. По взводам направо кругом в 2 оборота.
15. По взводам налево кругом в 2 оборота.
16. Шквадрон направо в 4 оборота ступай.
17. Шквадрон налево в 4 оборота ступай.
18. Шквадрон направо кругом в 2 оборота ступай.
19. Шквадрон налево кругом в 2 оборота [ступай].
20. Слушай, теперь надлежит атаковать неприятеля.
21. Правая половина шквадрона, ступай вперед. Тогда трубач при майоре «марш» трубит, а когда трубач трубить перестанет, то стоять равно.
22. Передняя линия налево кругом.
23. Ступай тихо.
24. Ступай, атакуй. Тогда надлежит малою рысью ехать, и чтоб ехали колено с коленом, а когда от шквадрону командир усмотрит, что пришли к стоящему шквадрону в меру шагов в 12 или в 10, то надлежит [сказать] «стой», то чтоб разом остановились.
25. Передняя линия налево.
26. Ступай в свои места.
27. Левая половина шквадрона ступай вперед таким же образом атаковать неприятеля, как правая половина шквадрона выступила. По тому ж и в свои места придут.
28. Задние 2 шеренги осади мало.
29. Шпаги в ножны.
30. Перчатки под портупеи.
31. Карабин на колено. 3 темпа.
32. Взводи курки. 1 темп.
33. Прикладывайся. 1 темп.
34. Пали. Когда выпалят, тогда без слова бросить карабин по погону. 1 темп.
35. Вынимай правый пистолет. 2 темпа.
36. Взводи курки. 1 темп.
37. Прикладывайся. 1 темп.
38. Пали. По тому ж без слова класть в ольстредь. 1 темп.
39. Вынимай левый пистолет. 2 темпа.
40. Взводи курки. 1 темп.
41. Прикладывайся. 1 темп.
42. Пали. Без слова в ольстредь класть. 1 темп.

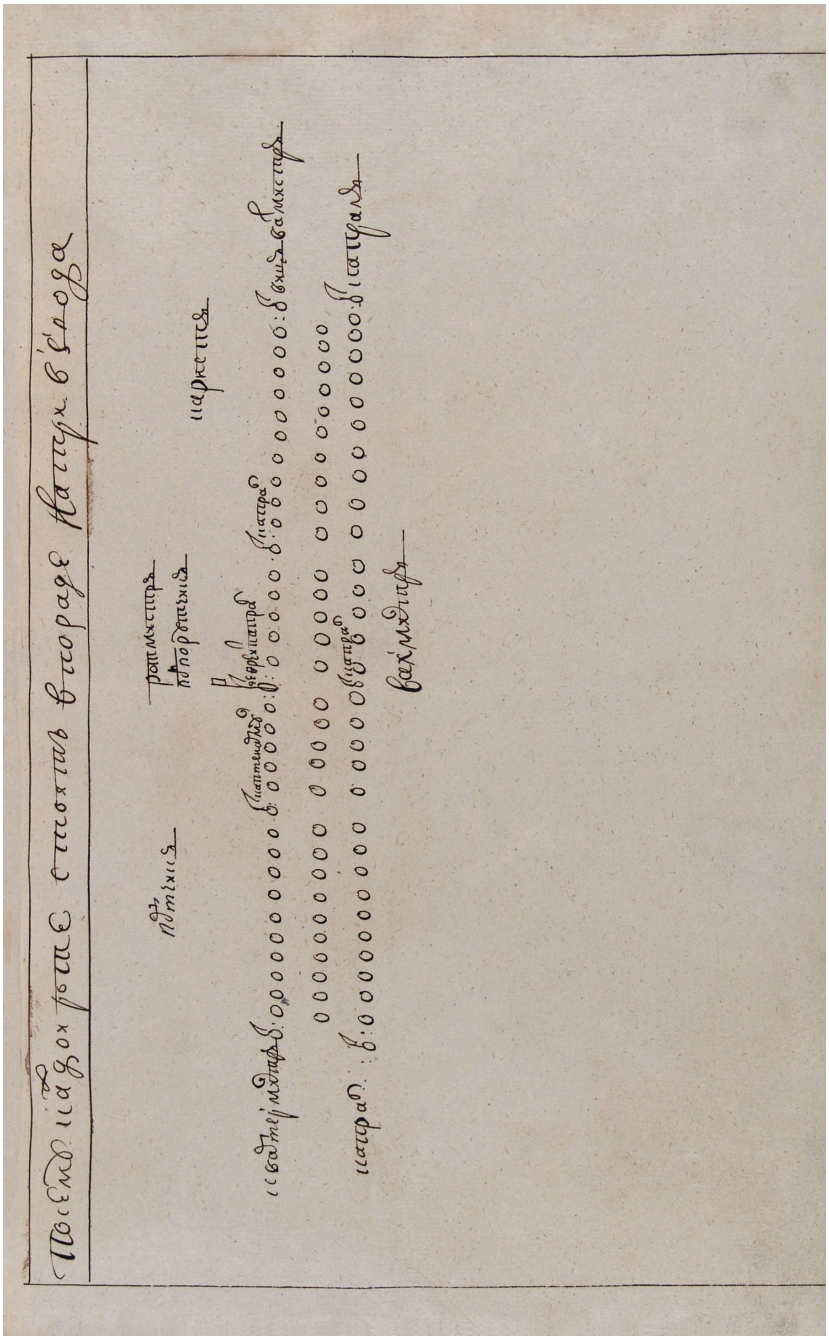
РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.586. Л.313-314 об., 319-320.

План роты в марше на три взвода. 1733 г.
(Российский государственный военно-исторический архив)

План роты в параде. 1733 г.
(Российский государственный военно-исторический архив)

План роты в параде на три взвода. 1733 г.
(Российский государственный военно-исторический архив)

20 сентября 1733. — Доношение подполковника лейб-гвардии Конного полка Бурхарда Эрнеста Траутфеттера на высочайшее имя, с требованием указа об обучении полка экзерциции по-ротно, а не по-эскадронно

Понеже по именному Вашего Императорского Величества изоустному указу полк Вашего Императорского Величества Конной гвардии обучается ныне экзерциции, и чрез неколикое время намерены Ваше Императорское Величество оный полк в экзерциции персонально смотреть, а каковою экзерциею именно оный Вашего Императорского Величества полк обучать, о том еще такого предложения мне не дано. И ежели оный полк Конной гвардии в маршировании и в поворотах обучать против кирасирских Вашего ж Императорского Величества полков по-шквадронно, соединив те шквадроны в двух ротах, то в маршировании, а наипаче в поворотах, имеет быть весьма неспособно, ибо в полку Конной гвардии каждая рота состоит во ста человек рейтар и в довольном числе обер- и унтер-офицеров, а в кирасирских полках против оного комплекта людей многого числа не имеется*.

И того ради Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу: не соизволите ли указать оного полку Конной гвардии, как при персональных Вашего Императорского Величества смотрах, так и в полковых экзерциициях, каждую роту иметь за шквадрон, и в маршах и в экзерциициях же разделять каждую роту на три взвода? То (тогда. — *Авт.*) всякая ж рота всегда при своем штандарте будет, и в поворотах по взводам же и по полувзводам, и в распределении обер- и унтер-офицеров в надлежащие при экзерциициях и маршах для управления тех своих рот места, может быть весьма способнее двухротного, в которых двести человек рейтар шквадрону, понеже таковой немалый в двухстах человеках рейтарах шквадрон так порядочно и скоро, как состоящий во ста человеках ординарный шквадрон же, в маршировании, поворотами и в экзерциициях исправиться не может.

О сем всеподданнейше Вашего Императорского Величества прошу на оное о всемилостивейшем указе.

Резолюция Анны: Учинить по сему.

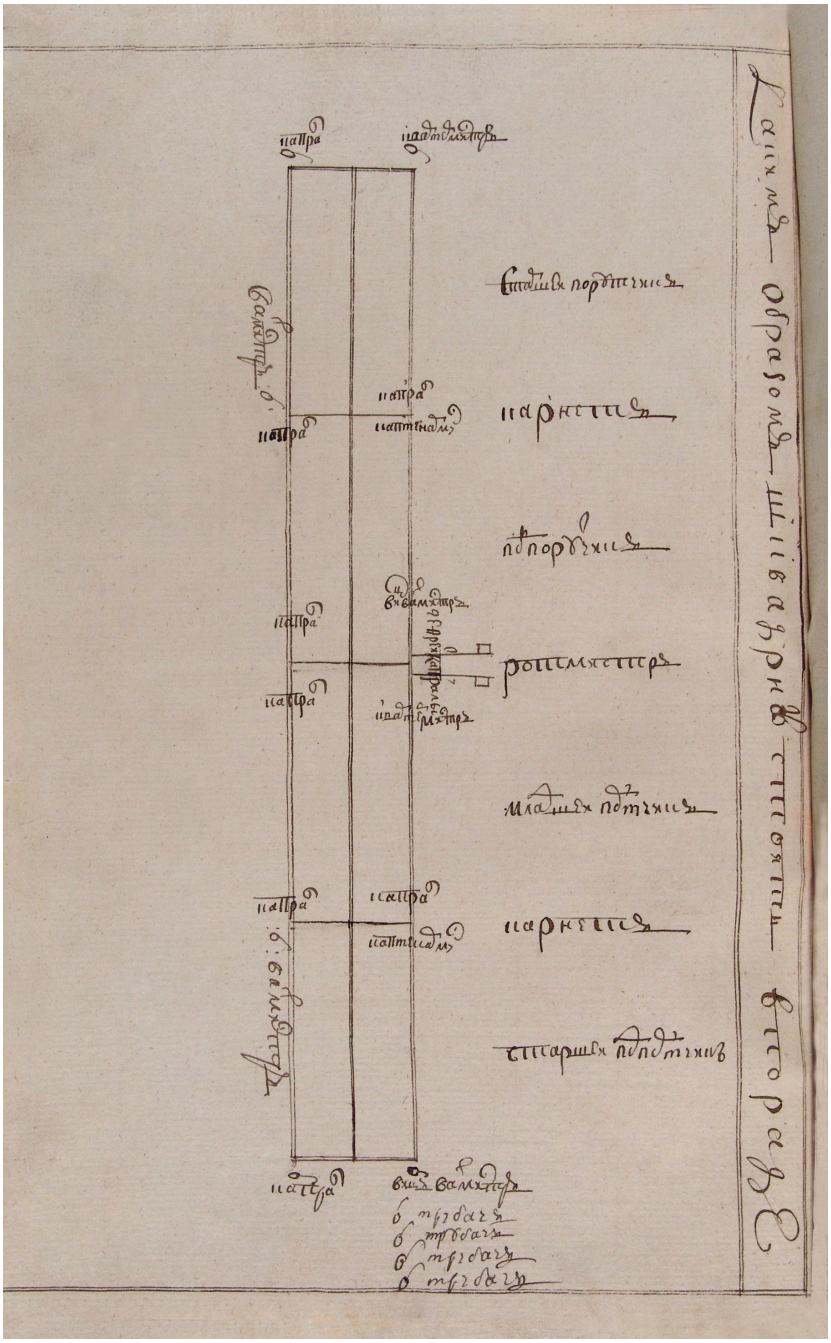
Подписана резолюция октября 15-го дня 1733-го году, № 371.

РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.461. Л.30-30 об.

16 мая 1734. — Из приказа по полку

3. Завтрешнего числа господам офицерам учить роты свои конницею пальбою из карабинов и из пистолет, также и спешась с лошадей учить, а особливо чтоб шпаги вынимали и в ножны клали разом. А когда с коней сходить, то сказать «карабин на крюк», потом «карабин на колено» и «за плечо», и выступить чрез человека, и сказать «изготовьтесь сходить с коней», и сомкнув коней, иттить

* По Воинскому штату 1731 года рота кирасирского полка насчитывала 69 рядовых.

План эскадрона в параде. 1733 г.
(Российский государственный военно-исторический архив)

от лошадей и учить пешей экзерциции. А как обратно к лошадям придут, то сказать «карабин с крюка» и класть в бушмат, и приказать отмыкать смыки и завивать, и выступить чрез человека, и сказать «изготовиться», потом «садись все вдруг». А как карабином, так шпагами и с коней сходить и на коней садиться делать весьма разом и равно, и всегда считали б во всяком темпе «один, два, три, четыре, пять», чтоб делали равно.

4. Когда в конном ученье во всяких поворотах взводами и шквадронами кто стоит с крыла унтер-офицер или рейтар, чтоб конечно поворачивался на одном месте, не уступая своего места, чтоб во всяких поворотах рота стоять могла на своем месте и никуда с своего места не уступать. А когда маршировать в атаку, то б офицеры ехали все в своих командах в средине передней шеренги, чтоб рейтарских лошадей головы были на обеих сторонах против его боку.

5. А когда роты станут строиться в парад полковой конницею, то б рота от роты строилась в десяти небольших шагов.

РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.6. Л.74 об.-75.

28 мая 1734. — Из приказа по полку

3. Завтрешнего числа господам офицерам учить свои роты конницею с пальбою, и чтоб конечно того смотрели и приказывали накрепко, дабы в поворотах которому надлежит стоять, тот бы конечно стоял на своем месте, и никуды, ни назад, ни наперед, с своего места не съезжал, а поворачивался б на одном месте. А которым надлежит заезжать, то б заезжали поскорее разом, также когда надлежит поворачиваться взводами и шквадронами, також и в атаку, таким же бы образом поступали, и смотрели б, ежели когда скажут «направо», то б смотрели на правую руку, а как «налево» скажут, то б на левую руку, и заезжали и выезжали б равно. Також смотреть того конечно, чтоб дистанции своей не потерять, а когда в атаке, в маршу, чтоб конечно офицеры ехали в передней шеренге посредине, чтоб рейтарских лошадей головы с обеих сторон против его ног были, о чём и напредь сего неоднократно приказано было. И конечно по вышеписанным приказам господам офицерам исполнять и смотреть того накрепко.

РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.6. Л.85.

11 июня 1734. — Из приказа по полку

3. Завтрешнего числа пополудни господам офицерам учить свои роты конницею с пальбою; из карабинов и из пистолет выпалить патронов по шести или по семи на каждого рейтара. А когда будет полковой строй и когда литаврщик ударит дробь впервые, чтоб изготовились к учению, то в тот час трубачи б всех рот ехали всякий за свою роту и стали б всякий позади своей роты в двадцати шагах, прямо против штандарта. А когда ученье конное окончится и надлежит быть атаке, то тотчас, когда не вступили еще в атаку, трубачи б ехали всяк к своей роте и стали с крыла. И по оному всегда исполнять в полковой экзерциции.

РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.6. Л.95-95 об.

5 января 1735. — Приказ по полку

1. Завтрешнего числа полку Конной гвардии быть в строю пехотою, и быть всем чинам в богатом парадном мундире и амуниции. И для того роты выводить с полкового конюшенного двора пополуночи в 7-м часу, и иттить по-ротно ж, и собраться в начале восьмого часу у старого почтового двора на площади, где и прежде сего сбирались, и конечно б все роты на то место пришли в самом начале оного восьмого часу пополуночи. Також вывесть те роты с заряженными карабинами учебными без пуль патроны, и сверх того взять тех учебных патронов на каждого рейтара по пяти патронов, и притом же господам офицерам в ротах своих всех рейтар будущих в строю осмотреть, чтоб ни у кого патронов с пули в лядунках, кроме оных учебных, не было. А шляпам быть у рейтар и у других чинов парадным же новым и с белыми лентовыми чистыми бантами, и связаны б те шляпы были хорошенько, против прежних приказов. Потому ж и косы с бантами к волосам привязаны б были ж порядочно и в препорцию. Також как ружье, так амуниция и мундир было б всё чисто и на каждом человеке надето порядочно ж, и рубашки б и штибель-манжеты были белые, а галстуки черные, и сапоги б были смазаны и на ногах вытянуты гладко, и шпоры б положены были ж в препорцию. Потому ж и волосы у каждого ж рейтара были б напудрены и прибраны хорошенько.

2. А понеже его превосходительство господин подполковник Фонтраутфеттер в том строю иметь будет команду гвардии ж при Семеновском полку, того ради при полку Конной гвардии быть в том строю за подполковника и иметь команду господину ротмистру Елизарову, а за майора ехать перед полком господину ротмистру ж князю Черкасскому. А господам офицерам кому при котором дивизионе быть, о том приказано им будет как весь полк сберется в парад, и в том же строю быть и полковому квартермистру господину Бобрищеву-Пушкину. Також когда всем полком будут маршировать мимо Ее Императорского Величества, и тогда конечно господам офицерам, как самим им тем, кои вместе пойдут при дивизионе, уклонять шпаги одним разом и одним же манером, так и штандартами приказать уклонять же одним же разом и в препорцию, как прежде сего при таких же парадах неоднократно им было приказано и действительно показано ж. И притом же накрепко ж во всём том маршировании оным же господам офицерам и урядникам и капралам смотреть, чтоб рейтары в том маршировании по взводам шли ровно и порядочно, плечо с плечом, и ружье б держали на плечах круто и ровно ж, и шляпы б надеты были надвинув на глаза, как прежде сего показано ж, и ногами б ступали ровно ж.

3. Господам же офицерам оные роты свои на парадное место выводить построя в четыре шеренги, и построены б были конечно по ранжиру, також у всех чинов в том строю перчатки были б чистые. А полковые караулы все в тот строй спустить сего ж числа в ночь, точию оставить на гауптвахте одного унтер-офицера да рейтар десять человек, да у его превосходительства господина подполковника Фонтраутфеттера рейтар двух, да у его высокородия господина майора Фонфреймана рейтар двух же.

РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.8. Л.6-7.

18 января 1735. — Из приказа по полку

3. Завтрешнего ж числа в бытность в строю ни у кого б у рейтар хлопцев при них отнюдь не было, також и епанеч тем рейтарам и другим чинам в тот строй не брать, потому ж и штандартные чехлы нестроевым и хлопцам при строе не носить, понеже при прежнем строе видно было тех хлопцев многое число вместе с рейтарами и по сторонам при ротах же шли, чего никогда при строе не подлежит. И того ради конечно господам офицерам о показанных хлопцах в ротах своих запретить, дабы при ротах в строю ни одного хлопца не было.

РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.8. Л.18.

Сентябрь 1736. — Припомнение, как надлежит поступать в марше

1. В марше пехотном надлежит господам обер-офицерам, а паче унтер-офицерам на крылах марширующим, смотреть, чтоб рейтары плечо с плечом держали, и на правую руку смотрели, и равно маршировали и приступали равно ж. А в том месте, где оборот, и первая шеренга как скоро станет, то задним двум шеренгам тотчас приступить и заходить равно, остановиться и приступить же, а прежде не заходить, пока задние шеренги не примкнут.

2. После пальбы отступным боем и после команды «направо кругом» и «ступай», надлежит полку равняться и немного раздаться, чтоб когда рейтары карабины на крюк положат и шпаги будут вынимать, то б свободнее можно было им в том действовать. А залпов будет три: первый будет командроваться таким образом, как приступным боем, а именно будет командровано «изготовься, ступай, прикладывайся, пали»; другой залп — «изготовься, прикладывайся, пали», то тут на месте первой шеренге на колени садиться; третий залп — «взводи курки, вверх прикладывайся, пали».

3. Когда Ее Императорское Величество изволит к месту тому, где смотреть изволит же, приходить, чего надлежит тогда смотреть адъютанту одному. И тогда ж господин подполковник будет у своего шквадрона командровать «шпаги вон», то и другим командирам при шквадронах одному за одним командовать «шпаги ж вон» без перемешки, а именно когда первый скажет, то подле его другому и прочим потому ж командовать.

4. При отдании чести в марше командиру от шквадрона не надлежит шпагу прежде поднять, пока штандарты не минуют Ее Императорского Величества.

5. В пехотном ученье, когда командровано будет «весь полк ступай равно», то надлежит фрунту смотреть на майорскую шпагу: когда майор шпагу подымет вверх, тогда ноги поднять, а когда опустит, то приступать и маршировать. Во время ж приступного и отступного бою надлежит господам командирам от дивизионов и от плутонгов примечать перед собою место, а паче стоящим на правом и на левом крылах и в замке господам же офицерам, чтоб направо ж и налево не принимали и места б не потеряли. А когда полк марширует, то до выступления всякого взвода левому крылу задней шеренге надлежит примечать, где стояли, как еще не сомкнуты были. А как скоро которого-нибудь дивизиона первый взвод фрунт сделает, то и другому взводу фрунт сделать

же, чтоб всегда два взвода во фрунте стояли. А как первый взвод в свои места вступит и раздастся, то и другому вступить, и для того надлежит дистанцию в марше смотреть.

6. А при командровании пальбы майор шпагою махать не будет, и для того рейтары слушали б в том командного слова, а других сигналов или знаков не дожидались.

7. Лошадей заводных до парадного места вести с левой руки, [чтобы они были от] Ее Императорского Величества с правой стороны.

8. К тому числу, как смотр будет, нарядить к полковому квартермистру с каждой роты по пяти человек хлопцев, из которых двадцати пяти быть с ведрами, а остальным с лопатами, и тако надлежит с первых пяти рот по три человека с ведрами да по два с лопатами, а с последних пяти рот с ведрами по два, а с лопатами по три человека.

РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1192. Л.326-327.

10 июня 1753. — Из приказа по полку

4. Хотя в диспозиции о экзерциции в пешем учении темпы и производятся, а именно первый «карабин за плечо», и шпаги вынув, маршируют на место, второй — пришед на то место и положа шпаги в ножны две шеренги осаживают, но понеже первый темп, что «карабин за плечо», находится весьма труден, ибо когда отделят ремень и карабин за плечо кладут, в то время с рейтар шляпы валятся, отчего, дабы единственно (одновременно. — *Авт.*) тот темп произвесть никак и остеречься по величине шляп невозможно, следовательно и второго темпа, осаживание задних двух шереног, не так прилично быть может, как можно, командовать «задние две шеренги направо кругом ступай», и когда придут на свое место, сказать «стой», потом «налево во фрунт», кои темпы чрез объявленное произвождение немалую еще красу по единственному деланию присовокупят, того ради впредь до точного господ полковых штабов об оных темпах рассмотрения и в диспозиции дополнения, производить с завтрешнего полкового строю на нынешний случай вместо того, что «карабин за плечо» «карабин на крюк», с приличными по показанию господам ротным командирам темпами, а потом, когда придут на свое место и шпаги в ножны положат, вместо осаживания задними двумя шеренгами командовать «направо кругом», и потом, когда на свое место придут, «налево во фрунт». И как оные вновь объявленные темпы, так и прежние, впредь до точного отрешения, производить в экзерциции и не оставлять, дабы рейтары по командованию незабвенны имели. Того ради господам ротным командирам рекомендуется оные вновь показанные темпы завтрешнего числа в ротах единственно показать, дабы во время учения помешательства происходить не могло, и для того за оными темпами ремней при карабинах уже не иметь.

РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.42. Л.164-164 об.

24 октября 1762. — Из приказа по полку

8. Вчерашнего числа усмотрено дежур-майором, что команды к полковым штабам и к ротным командирам на караул дорогою идут не порядочно, что и чинит полку непристойность. Того ради чрез сие накрепко подтверждается, дабы впредь унтер-офицеры и капралы команды на караул водили сами порядочно, а ежели на дороге встретятся генералитеты или лейб-гвардии полков господа полковые штабы, то остановясь, унтер-офицерам или капралам вынимать шпаги и команды вести фрунтом, как по регулам надлежит. А буде и за сим приказом кто в неисполнении вышеписанного усмотрены будут, то неотменно имеют быть штрафованы.

РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.52. Л.142.

8 февраля 1782. — Из приказа по полку

6. Усмотрено мною, что полковые нижние чины сидя на лошадях держат повода очень длинно, и тем дают лошади волю иттить так, как она хочет, что в конной службе не делает хорошего виду. В рассуждении сего господам ротным командирам наиприлежнейше стараться всех нижних чинов приучить, чтоб каждый мог управлять своею лошадью свободно, и повода в руке держал короче, отделя оную ближе к гриве лошади, и чтоб лошадь держала шею гордее.

РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.77. Л.17.

ИНСТРУКЦИИ И НАСТАВЛЕНИЯ О КАРАУЛЬНОЙ И ПАТРУЛЬНОЙ СЛУЖБЕ

2 сентября 1736. — Инструкция караульному офицеру в доме Ее Величества

Дополнение прежней диспозиции,
данной прошедшего 1733 году декабря 10 дня

Каким образом господа офицеры на караул к дому Ее Императорского Величества командрованные и там стоящие поступать имеют

1. Когда ненастье, то по прежней диспозиции маршировать и сменяться в чехлах, а когда погода хорошая и не надеются дождя, то из конюшенного двора, чехлы сняв, маршировать, а оные чехлы отдать пешим на тот же караул командрованным рейтарам. Ежели ж погода переменная, то маршировать до речки Мьи, а у речки, не переехав Зеленого мосту, снимать чехлы на устороне, увидя, что непогода перестала, при которых остаться из пеших рейтар двум человекам, которым оные чехлы в караульню рейтарскую принесть. А будет поедут мимо конюшенного двора государева, то не минув конюшни, оное исправить.

2. Переехатчи мост на реке Мьи, с командою маршировать по четыре человека, со обнаженными шпагами, а трубач «марш» трубит даже до того места, где смена быть имеет, а той команде, которая на карауле стоит, надлежит смены дожидаться, и как приходящая команда канал переедет и будет приближаться к тому месту, где смена будет, то стоящей на месте надлежит быть в параде, и обнажили б шпаги, и трубили б «марш», и сменясь, таким же образом маршировать до того ж места, а приехав до вышереченного мосту на Мойке реке, шпаги положить в ножны.

3. Когда команды, как приходящей, так и стоящей на месте, стоять где сменяются, а будут проезжать мимо господа министры, генералитет и штаб-офицеры от гвардии, и в то время случатся господа офицеры перед фрунтом на лошадях и команда со обнаженными шпагами, то господам офицерам самим надлежит таким персонам по обыкновению честь отдавать, а в небытность их унтер-офицерам.

4. Господину офицеру, стоящему на карауле, рейтар, которые имеют стоять на часах с утра до обеда, осмотреть всех вместе поутру, которые после обеда до вечера стоять имеют, осмотреть после обеда, чтоб были во всяком убранстве и чистоте. А тех, которые ночные часы стоять имеют, надлежит офицеру осмотреть с вечера, по выстрелении из пушки, и освидетельствовать, доброго ль состояния люди, и здоровы и трезвы ли, а ежели тому противные сыщутся, таковых не ставить перед теми дверьми, которые к спальне Ее Величества идут, потому ж и тех, которые кашляют, не ставить же.

5. Стоящим на часах, как пред спальнею Ее Величества, так и перед залом, честь отдавать Ее Величеству с плеча, а не от ноги, и для того, когда увидит, что Ее Императорское Величество изволит выходить, тотчас от ноги на плечо сделать, а ежели ж Ее Величество незапно изволит выйти, то отдавать честь и от ноги, однакож надлежит осмотрительно стоять, чтоб не опоздали.

6. При смене и после смены надлежит всеконечно рейтарам приемы, повороты и марш равно, бодро и порядочно делать, також и стоя на часах прямо и бодро стоять. И которые рейтары запамятуются и слабо во оном поступать будут, оных после смены штрафовать без упущения. А чтоб не дерзали садиться, прежние приказы подтверждаются.

7. Тем, которые с часов сменяются, держать карабины подвысь в правую руку, а капралу обнаженную шпагу, и так маршировать через весь дворец, а перешед мост через канал и минув окны кабинетские, сделать с поля. Таким образом поступать днем, а ночью, сменясь с часов, тотчас сделать с поля, а сделав с поля, капралу шпагу положить в ножны.

8. Стоящим часовым на лошадях комплементов шпагами не делать.

9. Все приказы их превосходительств господ генералов-адъютантов записывать в журнал порядочно и чисто, с изъяснением, которого числа и от которого господина генерала-адъютанта или от кого другого что приказу было и что по оным исполнено. Також твердую записку иметь о всех происходящих делах при оной команде касающихся до ней, кроме таких, которые к секрету подлежат. Також записывать, что при команде какие унтер-офицеры и рейтары штрафованы и за что.

10. Господам офицерам караульным надлежит быть частее в зале Ее Императорского Величества и в покоях его высокографского сиятельства господина обер-камергера графа фон Бирона, и ежели в караульне, и сколько может время допустить смотреть самому часовых перед сменою и при смене, чтоб порядочно сменялись. А приемы, которые к смене подлежат стоя на карауле, приказать делать всегда, чтоб твердо рейтары знали, как на часах сменяться, и смотреть того, ежели из пеших рейтар, которые не очень собою видны, оных на часы перед спальнею Ее Величества и перед залом не ставить, и выбирать видных и достойных рейтар из конных, а тех на их местах посадить на коней.

11. Когда лошади на конюшне стоят оседланы, чтоб подпруги были отпущены, потому ж и паперсти и пахви. Також когда сухое время и грязи нет, то лошадям хвостов не подвязывать.

В прочем же, как в содержании караулу, так и в смотрении людей и лошадей, полагается на господ обер-офицеров известное искусство и ревностное тщание к службе Ее Императорского Величества и к чести того полку.

Такова дана во дворец за рукою господина подполковника Фонтраутфеттера

РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1192. Л.321-322 об. Копия.

28 мая 1752. — Инструкция унтер-офицеру на пикете в Смольном доме Ее Величества

Инструкция по указу Ее Императорского Величества лейб-гвардии Конного полку из полковой канцелярии того ж полку стоящему на бекете в Смольном Ее Императорского Величества доме унтер-офицеру

Сего мая от 26 дня в полученном в полковую канцелярию лейб-гвардии Преображенского полку от дежурства сообщении объявлено:

По силе Ее Императорского Величества от дежурного господина генерал-адъютанта ко оному дежурству сообщения, что Ее Императорское Величество всемилостивейшая государыня указать соизволила для опасности от пожарных случаев лейб-гвардии от полков поставить пикеты против прошлого 1751 году, в тех же местах и с теми ж приказами, которые бы и поставить немедленно. А понеже в прошлом году от полку лейб-гвардии Конного пикеты в пристойных местах поставлены были, вследствие чего ныне, как ниже о том показано, к содержанию пикетов для пресечения, чего Боже сохрани, пожарных случаев и притом всяких опасаемых злодейств от безбожных зажигателей и прочих непорядков учреждение поставлено, в чём поступать тебе по нижеследующим пунктам:

1. Первый пикет имеет быть, где тебе с командою стоять, при Смольном Ее Императорского Величества доме, и в команде твоей ефрейтор 1, рейтар 12, трубач 1. Второй пикет с начала въезду от Литейного двора оного полку, на котором капрал 1, рейтар 8. И с тех пикетов разводить часовых в разных местах в слободах оного полку, где о том показано будет. Причем тебе с командою в тех местах смотрение наикрепчайше иметь, дабы, от чего Боже сохрани, пожарного случая и никаких непорядков учиниться не могло, и ежели где загорится, то того часу оный как возможно тушить, и притом поручается ж и состоящий под

командою помянутого капрала в твою команду пикет, с которым тож поступать имеешь как следует о тех пикетах, и быть тебе под командою стоящего на карауле на полковой гауптвахте обер-офицера.

2. Во время, как днем, так и ночью, быть часовым на всех постах при ружье, в местах назначенных завсегда неотменно, и всем при тех караулах бывшие никуда не отлучались, а особливо часовым смотреть недреманным оком, дабы не в указные времена близ жилья из подлых людей никто не останавливался, а ежели усмотрено будет и сумнительно окажется, таковых велеть брать под караул и представлять на полковую гауптвахту караульному офицеру.

3. Патрулингам ходить, а именно ночью по три раза беспрестанно, а днем хотя и более, и притом присматривать праздно шатающихся людей, паче ж подозрительных к зажиганиям, такожде и воров, и ежели таковые усмотрятся, оных брать в самой скорости под караул и представлять по тому ж караульному на гауптвахте офицеру, которому, когда кто взят будет, тотчас рапортовать полковых штабов.

4. После вечерней зори, когда выпалят из крепости из пушки, как едущих, так и идущих, кроме знатных персон и ве́домых людей, а больше тех, которые из подлости, по окликании часовым присматривать, не имеется ль при тех чего подозрительного к зажиганию, и ежели найдется что подозрительное или признается кто за сумнительного, то оного до утра задержать с ведома того офицера, которому поутру посылать об нем в те места где живет, для осведомления куда ходил и кто его знает, и уверя, если покажет себя не ложно, отпускать, а буде объявление его окажется несправедливое, не чиня ему свободы, исполнять против третьего пункта.

5. Ежели где явится шум или драка, то оное пересекать же и брать под караул.

6. Часовых сменять на постах с пикетов как надлежит самим капралу и ефрейтору.

7. У стоящих на пикетах рейтар имело б быть конечно у всех для тушения пожаров топоров и кожаных ведр по шести.

8. Во всём вышеписанном поступать тебе осторожно, как надлежит порядком и присмотром наилучшим, охраняя свою должность, а ежели явится что непорядочное, а паче произойдет пожарный случай, и тобой бы и командою твоею неосторожно поступлено и до расширения допущено будет, или какие злодеи мимо тебя обыщутся, то как за себя, так и за свою команду ответствовать имеешь по Военному артикулу.

9. Поставленным от пикетов часовым наикрепчайшее подтверждать смотреть, чтоб как бродящих по миру, так и подлого народа обоих полов всеконечно на дворы и близко строения, как днем, так и ночью, отнюдь не допускать, а ходили б точию днем улицами по надлежащим дорогам, а ежели кто из таковых подлых идущего на двор или остановившегося близко строения усмотрят, таковых тотчас ловить и осматривать, и буде явятся подозрительные, брать под караул и о том рапортовать.

10. Хотя чего точно в сей инструкции и не изображено, а ты по обращениям своим притом рассудишь пресечение непорядков что за благо, о том позволяется представлять оному офицеру, а ему полковым штабам письменно.

11. Сию инструкцию при сменах унтер-офицерам сдавать друг другу с рук на руки в целости.

Дана в Санкт-Петербурге

Подлинная за рукою господина секунд-майора и кавалера Корфа

РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1207. Л.442-443. Журнал исходящих документов.

23 сентября 1754. — Инструкция обер-офицерам на карауле при полковой гауптвахте

Инструкция лейб-гвардии Конного полку из полковой канцелярии того ж полку стоящим при полковой гауптвахте на карауле господам обер-офицерам

Понеже на показанную полковую гауптвахту командируетесь вы на караул и в команде вашей унтер-офицер 1, капралов 2, трубач 1, рейтар 29 человек, где будучи вам исполнение чинить нижеследующее:

1. Означенный караул на полковой гауптвахте и караулы ж от каждой роты, состоящие в конюшнях при государевых лошадях, иметь вам в добром смотрении. И на полковом дворе при нижепрописанных местах иметь денно и ночно часовых, а именно: при денежной казне двух; в полковой канцелярии одного; у полковой Божией церкви и у кладовой комиссарской палаты одного; на крыльце в проходных сенях одного; у порохового погреба одного; у будки, что с приезду на полковой двор, одного; в сенях, где арестанты содержатся, одного; при арестантах — сколько когда потребно будет, а в конюшнях каждой роты из посылаемых туда от рот караулов часовым быть, где они господами ротными командирами определены. И всем вышеписанным часовым приказать на определенных их постах стоять во всём по силе воинских регулов, и всегда б крепкое и неослабное смотрение имели, и как днем, так и ночью посторонних и незнаемых людей в конюшни и на конюшенный и на полковой дворы, и к амбарам и сараям, також где полковая денежная и пороховая казна и полковой обоз содержатся, отнюдь не допускать, дабы от того не могло денежной казне и прочим казенным амуничным вещам какой утраты последовать. Також приказать смотреть, чтоб никто, как из посторонних, так и из полковых служителей, днем и ночным временем с огнем к конюшням и к прочим полковым казенным строениям, к казне и к полковому обозу, и внутри конюшен и сараев, где фураж лежит, не ходили, и имели б от того крепкую предосторожность, и табаку б в тех местах как караульные, так и другие никто не курили б, потому ж и с зажженными свечами без фонарей на конюшнях и кругом всяких полковых строений и магазейнов не ходили ж бы. Караульни же велеть топить, и в ночное время зажженные свечи иметь с бережением, и трубы б у тех печей на каждую неделю были чищены. И для осторожности от огня, дабы такого несчастия приключиться не могло, при всякой конюшне велеть иметь всегда по большому с водою чану, а при караульных кадки, и притом же были б и ведры. И всех вышеписанных на всяком посту часовых караульным капралам велеть сменять в надлежащее время самим неотменно. А арестантов при полковой гауптвахте содержать под крепким караулом. Також и если, от чего

Боже сохрани, где приключится пожарное несчастие, то тот же час караульному трубачу велеть трубить «тревогу».

2. Состоящим же в конюшнях часовым приказать смотреть рейтарских лошадей, чтоб они себя каковым случаем не повредили, чего ради в осенние и зимние месяцы в ночное время в фонарях велено иметь чрез всю ночь с зажженным фитилем конопляное масло. И чтоб лошади всегда были в своих стойлах, а когда отвяжутся лошади и из стойл выйдут, тогда б по-прежнему привязывали их вводя в те стойлы порядочно.

3. В каждое число пополуночи в начале пятого часу приказать караульному трубачу к чищенью и поенью лошадей сигнал давать, а как пополуночи ж семь часов пробьет, тогда в начале восьмого часу приказать караульному же трубачу вторично трубить, и тогда караульным капралам в ротах своих на конюшнях означенным лошадям надлежащее число овса давать, и притом велеть смотреть, все ли в яслях лошади положенное им сено съели. Буде ж у которых еще не съедено, то оное отбирать в одно место, чтоб ни у одной лошади сена в яслях при даче овса ничего не было. И оный корм [чтоб] даван был в указные часы, как выше сего изображено и ниже следовать будет. А когда по восьми часах лошади овес весь съедят, то снять с них недоуздки и надев уздечки, приказать поворотить тех лошадей к яслям задом, и уздечными поводами каждую лошадь на обе стороны к столбам развязать, и таким образом стоять им привязанным один час, чрез которое время означенное отобранное у реченных лошадей не съеденное сено, смешивая с другим свежим сеном же, класть им в ясли, и в начале девятого часу поворотить тех лошадей по-прежнему к яслям и уздечки с них скинуть и привязать на недоуздки. И тогда б у каждой лошади сено заложено было равною частию и по малому числу, ибо в дневное время, когда то положенное сено лошади съедят, то и еще можно им сена по малому ж числу закладывать же.

4. В первом часу пополудни приказать караульному трубачу еще трубить, и тогда б всем лошадям вторично овса в указную дачу, что надлежит, приказали задать. И как овес съедят, то на один второй час, поворотя ж тех лошадей, привязать и стоять, как выше показано, а с начала третьего часу поворотить паки к яслям и заложить им вторично сена по вышеписанному ж порядку. И в пятом часу пополудни велеть их напоить, а в шестом часу еще караульному трубачу приказать трубить, и тогда б последний раз лошадям в те сутки дали овса, и как овес съедят, то б чрез два часа надлежащим образом тех лошадей и конюшни вычистили б и постлали под них соломы, и заложить в ясли сена всем равномерно ж. И привязаны б тогда к ночи лошади были на недоуздках в препорцию — не длинно и не коротко, чтоб можно тем ночным временем каждой лошади на соломе лежать, а пополуночи в первом часу караульные б капралы осмотрели, у всех ли лошадей в яслях сено имеется. Буде же у которых нет, то б тем сена положили по препорции не съеденного у других, а в дневное б время клали тем лошадям сена во всех конюшнях в показанные часы по малому числу. И накрепко смотреть, дабы под ногами и многого числа пред лошадьми в яслях того сена днем не было, а к ночи закладывали б оным лошадям сена больше. Хворых же лошадей содержать при конюшнях особливо, с добрым в довольстве и чистоте смотрением.

5. Будущим в тех конюшнях на карауле вышеписанным капралам о состоянии приказать в тех конюшнях караулов, також о поении и довольствии против вышеписанного фуражом лошадей, рапортовать вас со обстоятельством, в показанные часы, что когда происходить будет. А понеже сего сентября 23 дня отданным в полк приказом велено и господам командующим ротами о содержании во оных конюшнях лошадей в чистоте и довольствии фуражом, и о бережении оного фуража, також седел и другой амуниции в добром призрении и порядке ежедневно в ротных конюшнях смотреть и прилежное во всём вышеписанном попечение иметь, и кто именно которого числа рот своих в конюшнях будут, о том им в данном при сем журнале каждый день подписываться, а вам о том, кто они именно были, и коих же чисел, при сменах с караула под подаваемыми господам дежур-майорам рапортами подписывать.

6. А о состоянии же всех вышеписанных караулов, и в довольстве и чистоте лошадей, и об арестантах приказать вам караульному с гауптвахты унтер-офицеру каждый день поутру дежурного адъютанта рапортовать, а он о том имеет доносить дежурному господину майору.

7. Когда поутру капралы с конюшен [в] 8-м часу пополуночи отрапортуют о состоянии тех конюшен и лошадей, тогда вам самим по всем конюшням лошадей осмотреть — всё ли во оных конюшнях против рапортов исправно, и лошади в доброй ли чистоте и довольствии содержатся? А после того вашего осмотрения, пополудни в первом часу, во время трубления ко вторичному лошадям корму, велеть осмотреть же по всем конюшням состоящему при вас на карауле унтер-офицеру — у всех ли лошадей овес имелся и в конюшнях всё ли порядочно? А пополудни в начале седьмого часу, после трубления к овсу, все конюшни осмотреть вышеписаным же порядком.

8. Пополудни ж в 10-м часу осмотреть вам самим во всех конюшнях лошадей — надлежащим ли образом оные стоят, и сено у них в яслях и солома под ними подстлана ли, також когда в фонарях масло зажигается, то по препорции ль оное положено, и караульные в тех ли местах стоят, где им показано? Також и велеть караульным с гауптвахты унтер-офицеру с капралом в ночное время ходить по всем конюшням и по другим постам частыми дозоры, и всего вышеписанного смотреть, дабы часовые, как стоящие при полковом дворе, так и в конюшнях, осторожно и порядочно стояли.

9. Как вы с караула сменитесь, обо всём вышеписанном подавать со обстоятельством дежурному господину майору письменный рапорт, которые письменные рапорты записывать в данную при сем книгу верно. И для надлежащего по сей инструкции исполнения, при сменах друг другу сдавать сию инструкцию в целости.

10. Самому же с полковой гауптвахты, кроме конюшен или когда нужда потребуется к господам полковым штабам, никуда не отлучаться, и по вышеписанным пунктам исполнять без упущения.

Дана в Санкт-Петербурге

РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1214. Л.181-184 об. Журнал исходящих документов.

16 июля 1788. — Приказ обер-офицерам на карауле в Летнем доме Ее Величества

Стоящим в Летнем Ее Императорского Величества доме на карауле лейб-гвардии Конного полку господам обер-офицерам приказ

Как для содержания в Летнем дворце караула посылаются от полку лейб-гвардии Конного рейтары по большей части новоприверстанные из рекрут и к службе еще не привыкшие, то дабы они, стоя на часах, исполняли всё им повеленное, для беспрестанного за ними присмотру сверх обыкновенно посылаемых при команде вашей унтер-офицеров командированы [еще] четыре унтер-офицера, которых должность есть следующая:

1-е. Имеете им приказать, дабы двое из них беспрестанно ходили по постам и за часовыми неослабное имели смотрение, чтоб опрятно они стояли, наблюдая, с таковою ли точностию исполняют по приказам, которые на посты им даны. Для лучшего ж часовому понятия, чтобы приказы те унтер-офицеры им читали, и сверх того, на словах им растверживали, припоминая каждому, дабы исполнял по оному без упущения.

2-е. При таковом беспрерывном присмотре подтверждали б часовым, чтобы партикулярных людей, идущих в сад и имеющих при себе собак, ни в какое время и ни под каким видом не впускали.

3-е. Сколь скоро начнется съезд для гулянья в саду, то при самом начале оного те унтер-офицеры должны вас об оном уведомить. Вам же рекомендую на то время часовых в саду и на постах, мимо коих больше ходит людей, поставить из тех рейтар, кои несколько привыкли уже к службе, собою виднее, опрятнее, и имеют лучшее понятие, как часовому на своем посту стоять и повеленное исполнять должно. Впрочем заключаю сие тем, что и кроме сего предписания к точнейшему выполнению всего того, что требует порядок службы, сопряженные с вашим званием, не упустите вы употребить рачительного своего внимания.

Рекомендую подтверждать унтер-офицерам, дабы во время хождения их дозором и во время собрания народу в саду наблюдали б унтер-офицеры всякую учтивость и благопристойность перед всяким званием людям.

РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1265. Л.355-355 об. Журнал исходящих документов.

24 июля 1788. — Ордер [премьер-майора Петра Боборыкина] стоящему на карауле в Летнем доме Ее Величества поручику Дмитрию Зубову об оставлении его на этом карауле впредь до устранения замеченных неисправностей

Вчерашнего числа усмотрено мною, что при самом входе в Летний сад у ворот поставлен часовой в худых сапогах, и видны у ног пальцы. А как не только при каждом отряде на караул команды не оставляю я словесно господам обер-офицерам подтверждать, дабы сохраняя порядок службы, по новости людей смотрели за ними, приобучая их к опрятности и ко всему тому, чего звание солдата требует, но даже стоящим в Летнем дворце на карауле господам обер-офицерам от меня предписано, в какое время на каких постах и как ставить

часовых, а притом и каким образом иметь за ними смотрение, к лучшему ж всего того приведению в действо, сверх обыкновенного караула наряжаются и четыре унтер-офицера, дабы под присмотром караульного господина обер-офицера смотрели и они за часовыми, чтоб новоприверстанные, стоя на часах, колико можно были опрятны и имели вид солдата, а по сему предписанию каждый рачительный к службе Ее Императорского Величества офицер и прямой сын Отечества по долгу звания своего исполнять и неусыпное попечение о том иметь обязан. Но поелику на вопрос мой вашему благородию лично сделанный, ответствовали вы мне, что нет в команде вашей лучше рейтара, кем бы того, о котором я выше сказал, переменить вы могли, а тем и принудили меня иттить ко фрунту и собрать команду вашу, в которой не одного, а несколько таких я нашел, что собою видны, да и одеты опрятнее, следовательно, и переменить бы его было кем, но не было на то вашего внимания, из чего заключаю я, что ваше благородие не имеете должного старания о выполнении того, что вам предписано. К совершенному ж удивлению моему нерачение ваше к службе больше я приметил в то время, когда идучи со мною вместе к фрунту, не было в вас и того стремления, каковым обыкновенно одолжается всякий офицер в присутствии своего начальника, дабы его упредить и взять при фрунте свое место, и не прежде сие исполнили, как заставили уже меня вам о том припомнить. Во фрунте же новую усмотрел я неисправность — люди стояли не по ранжиру, которого по-видимому вы и не делали. Сие я разумею из того, что при мне ранжировать их начали, а ранжир для лучшего виду фрунта после всякого развода на часы делать вы обязаны, и чем чаще люди к ружью бывают вызываемы, тем более привыкают владеть оным. Но как ни по словесному моему наставлению, ни по предписанию на пост ваш данному, не сделали ваше благородие надлежащего исполнения, а во всех частях нашел я противу должного порядка службы упущение, то покудова лучшую получите ко оной охоту, и усмотрена будет рачительность ваша ко всему тому, чем по званию вашему вы одолжаетесь, и что по данному вам предписанию исполняемо будет без упущения, до тех пор имеете остаться на теперешнем вашем карауле бессменно, при котором наблюдать что хотя и есть ваш долг для обозрения часовых ходить по постам, но завсегда обращать внимание ваше на главный пост, то есть на фрунт, чтоб ближее вы при оном сами находились, а пачее в то время, когда видите своего начальника. Сей ордер должен остаться, когда вы и смену с караула получите, в наставление приходящим в Летний дворец лейб-гвардии Конного полку господам обер-офицерам.

РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1265. Л.361-362. Журнал исходящих документов.

28 августа 1789. — Инструкция обер-офицерам на карауле при полковой гауптвахте

Инструкция лейб-гвардии Конного полку стоящему на полковой гауптвахте на карауле господину обер-офицеру, а в небытность его вахмистру

1-е. Во время вашего караула на всех в полку постах происходило б точное исполнение всего того, что долг службы требует, и всевозможно наблюдать, дабы

расторопно и в должном строевом порядке к фрунту выходили на гауптвахте и на бекете все вдруг в одной форме, в плащах или без плащей, как можно скорее, и становиться непременно по ранжиру, также быть во фронте и часовому без шубы, а ранжир всегда делать по разведении на часы.

2-е. Ежедневно по утрам и вечерам караульный на гауптвахте господин обер-офицер, а в небытность офицера стоящий за оного вахмистр, рапортует дежурного при полку господина ротмистра, и как содержит он главный в полку пост, то и получает со всех караулов рапорты, о государственных же лошадях, сколько оных в которой роте состоит здоровых и больных, и когда какая прибыль или убыль последует, о том стоящие в конюшнях на карауле унтер-офицеры или капралы ежедневно по утрам в 6-м часу в особо данной на то на гауптвахте книге подписывают, а на гауптвахте, сочиня из того генеральный рапорт, с дополнением, кто содержится арестанты, и кто с гауптвахты и бекету в котором часу по всем состоящим в полку постам ходил дозором, и благополучно ль при караулах, посылать оные к дежурному господину ротмистру поутру в 7-мь часов.

3. Состоящий на гауптвахте на карауле господин обер-офицер, или в небытность его вахмистр, с посту своего никуда отлучаться не должен, кроме осмотру и дозору ближайших в полку постов. В отдаленные ж посты, как то к конюшням и еще где есть часовые, ходить с гауптвахты и бекету унтер-офицерам и капралам, из которых каждый чтоб имел при себе двух рейтар.

4. Во время шествия Ее Императорского Величества и Их Императорских Высочеств полком к Новодевичьему монастырю, отдавать честь Ее Императорскому Величеству туда и обратно; когда ж будет на карауле обер-офицер, тогда трубить «поход», а когда на карауле вахмистр, тогда не трубить. Их же Императорским Высочествам равномерно отдавать честь туда и обратно, не трубя «походу», а в отсутствии Ее Императорского Величества трубить «поход».

5-е. Лейб-гвардии господам подполковникам и майорам, также фельдмаршалам, становиться во фронт и отдавать честь, а в другой раз той персоне только становиться во фронт и чести не отдавать. Гвардейским же обер-офицерам и армейским штабам отдает честь один только часовой один раз, а в другой держать ружье под приклад в должном порядке и строптивости.

6. Бекетному унтер-офицеру, капралу приказывать накрепко часовому, дабы смотрел и имел примечание, если из полковых нижних чинов, как то унтер-офицеры, капралы, рейтары, извозчики, неопрятны и не в приличной одежде гвардии солдату идет из полку или входит в полк, таковых останавливать, брать под караул и рапортовать по команде.

7. По пробитии вечерней тапты смотреть также накрепко, чтоб полковые нижние чины не выходили из полку, а когда случится от полковых чинов или посторонних людей поблизости бекета шум и драка, то стоящему на карауле унтер-офицеру брать под караул [и] отсылать на полковую гауптвахту. В противном же случае, если в драке множество будет людей и бекетный унтер-офицер не может командою своею их взять, в таком случае дает знать на полковую гауптвахту. В то ж время стоящий на гауптвахте на карауле обер-офицер, а в небытность его вахмистр, посылает с капралом к бекету на

помощь команду, и по взятии тех людей отводит их на полковой двор под караул. Стоящие на гауптвахте рапортуют в то ж время какие взяты люди полкового штаба, также извещают старшего ротмистра, за майора дежурного ротмистра и адъютанта.

РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1266. Л.405 об., 408-409 об. Журнал исходящих документов.

1 октября 1789. — Инструкция унтер-офицерам на пикете при полковом парадном месте

Инструкция лейб-гвардии Конного полку стоящим унтер-офицерам на полковом парадном месте при бекете на карауле

Сменяться вам между собою чрез двои сутки, а когда кто из вас будет в карауле, исполнять по нижеследующему без упущения:

1-е. На оном бекете имеют три поста: первый — у фрунту, второй — у порохового погреба, третий — у манежа на углу, к той стороне, на которой колодец. В каждые двои сутки будет командироваться с разводом рейтар для содержания постов по девяти человек, за ефрейтора один да трубач один. Часовому приказывать у фрунту, ежели услышит на полковом парадном месте или поблизости оного шум, драку, грабеж или какое бесчинство, в то ж время давал бы знать в караульню унтер-офицеру, а унтер-офицер, ни сколько не медля, должен взять из караульни рейтар и поспешно иттить на место шума и брать под караул и отсылать на полковую гауптвахту. Ежели ж столь велика, что не можно караульным и тем живущим в связи нестроевым взять под караул или прекратить ссору и драку, тогда трубачу трубить «сбор», по которому не только с полкового двора, но и из ротных конюшен должны подать тебе помощь. Сверх того, оный же часовой должен смотреть, чтоб все лежащие в виду его материалы никто не мог растаскивать, и были б в целости.

2-е. У порохового погреба часовой должен при смене осматривать печать и замок, также вокруг погреба, и в кровле не осыпался ли дерн, и нет ли от дождей в погреб течи, и чтоб к погребу никто не подходил с огнем, и табаку не только тут курить, но и поблизости не подходили б, в близости не шатались бы люди, а ежели усмотрит, о таковых дать знать на бекет. За материалами обще смотрение иметь с тем часовым, который наряжается от строения для караулу материалов, дабы не были растасканы. Стоящему же на часах у материалов часовому состоять в команде бекетного унтер-офицера, а унтер-офицеру смотреть, чтоб оный часовой ежеминутно ходил вокруг материалов. Каждое утро бекетный унтер-офицер о материалах должен рапортовать состоящего при материалах господина обер-офицера и адъютанта.

3-е. Часовому у манежа слушать, дабы в слободке на песках и парадном месте шуму, драк и грабежа не было, и сколь скоро услышит, дать знать стоящему у фрунту часовому, а тот должен известить в караульню унтер-офицеру, а унтер-офицер должен исполнить, как предписано в первом пункте.

4-е. Приказать на всех постах, так как оные поблизости конюшен, смотреть, чтоб никто не мог вести или нести с конюшен казенного фуража. Таковых брать под караул и отсылать на полковую гауптвахту.

5-е. Часовым во время ночное подавать один от одного сигналы беспрестанно, дабы недремно стояли, а ежели от которого сигналу не будет, давать знать тому часовому, который стоит у фрунту, а тот должен известить ефрейтора или унтер-офицера. А часовые б стояли так, чтоб один другого видеть мог, и отходили б столько от своего места, чтоб в низких к возвышенным местам видимы ими были проходящие.

Майор Боборыкин

РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1266. Л.455-455 об. Журнал исходящих документов.

20 февраля 1792. — Инструкция дежурному по полку ротмистру

Инструкция по указу Ее Императорского Величества лейб-гвардии Конного полку из полковой канцелярии дежурному при полку господину ротмистру

Имеете вы в трехсуточном при полку дежурстве быть для смотрения в ротных казармах, конюшнях государевых лошадей, фуража и прочего, и состоящих как на полковой гауптвахте, так и в конюшнях караулов и, во время оного поступать и исполнение чинить по нижеследующему:

1-е. Караулы, на полковой гауптвахте при одном обер-офицере, а в небытность его одном унтер-офицере, капрале одном, трубаче одном, рейтар двадцати одном человеке, а в ротных конюшнях в каждой при одном унтер-офицере или капрале рейтар по девяти человек, на полковых бекетах, на ближнем при одном унтер-офицере, одном капрале, трубаче, рейтар двенадцать человек, на дальнем при одном унтер-офицере, одном капрале, трубаче, рейтар шесть человек, у полкового манежа при одном ефрейторе, одном трубаче, рейтар шесть человек, иметь вам в команде вашей. И как на полковой гауптвахте, бекетах, так и в ротных конюшнях, денно и ночно часовым быть при нижеписанных постах, а именно, на полковой гауптвахте: при денежной казне — одному, в полковой канцелярии — одному, у фрунту — одному, у полкового госпиталя — одному, у полковой божией церкви и у кладовой комиссарской палаты — одному; у будки, что с приезду на полковой двор — одному; в рейтарской караульне, где арестанты содержатся — сколько когда потребно; на бекетах, на ближнем: у фрунту — одному, у полковой слесарской мастерской — одному, в штабском доме — двум; на дальнем: у фрунту — одному, у порохового погреба — одному, при манеже у берейторского дома — одному, к полковому парадному месту — одному, а в конюшнях каждой роты по три, из коих один должен вне конюшни быть, вкруг ее обходя, извещать в то ж время обо всём происходящем своего начальника, коих и поставить в удобных местах. И всем тем часовым приказать на определенных их постах стоять во всём по силе воинских регулов, и всегда крепкое и неослабное смотрение иметь, чтоб как днем, так и ночью посторонних и незнаемых людей без ведома караульных обер-, унтер-офицеров и капралов в конюшни и на полковой двор, к амбарам, к амуничным цейхгаузам, також и сенным сараям и где полковая денежная и пороховая казна и полковой обоз содержится, отнюдь не допускать, дабы от того не могло денежной казне и прочим казенным амуничным вещам и фуражу какой утраты последовать, також

и приказать смотреть, чтоб никто из посторонних и полковых служителей, как днем, так и ночным временем, с огнем к конюшням и прочим полковым строениям, к казне и полковому обозу, а внутри конюшен и сараев, где фураж лежит, отнюдь не допускали, и табаку в тех местах, как караульные, так и другие никто, не курили, потомуж и с зажженными свечами без фонарей на конюшнях и кругом всяких полковых строений и магазинов не ходили ж бы, и имели б от того крепкую предосторожность. Караульни же велеть топить и в ночное время зажженные свечи в них иметь с добрым бережением, и трубы в тех караульнях у печей в каждую неделю были бы чищены, и для осторожности от огня, дабы какого несчастия приключиться не могло б, при всякой конюшне иметь всегда по большому с водою чану, а при караульнях кадки, при чём и ведрам быть. И всех вышеписанных на всяком посту часовых караульным капралам велеть сменять в надлежащее время самим неотменно, и арестантов при полковой гауптвахте содержать под крепким караулом, и при всякой смене часовых капрал тех арестантов сдавать, также и если, от чего Боже сохрани, где приключится пожарное время, то тот же час караульному трубачу велеть трубить «тревогу».

2-е. За всем полковым казенным строением, а особливо где живут полковые нижние чины, иметь надзирание, чтоб около светлиц, на дворах и на пришпектах всевозможная чистота сохранялась, и никакого б сору и дрязгу в ненадлежащем месте набросано не было, да и вся внутренняя полиция относительно состоящих в ведомстве полку собственных домов возлагается попечению дежурного господина ротмистра.

3-е. Состоящим в конюшнях часовым смотреть приказать рейтарских, драгунских и подъемных лошадей, чтоб они себя каковым случаем не повредили, чего ради в осенние и зимние месяцы в ночное время в тех конюшнях велеть иметь чрез ночь с зажженным фитилем конопляное масло, дабы лошади всегда были в своих стойлах порядочно, для чего часовым примечать, недоуздки хорошо ль привязаны и не скинула ль которая, а когда отвяжутся и из оных выйдут, то б не могли причинить между собою засечки, и тем часовым, осмотря оных лошадей, ставить в стойлах и привязывать их по-прежнему.

4-е. В каждый день поутру, пополуночи в начале пятого часа, приказывать караульному на гауптвахте трубачу к чищению лошадей на трубе сигнал подавать, и тогда б все рейтары, как караульные, так и пришедшие для чищения лошадей, в конюшнях постланную солому и навоз собрали и на показанное место из конюшен вынесли, а лошадей вычистили б как надлежит порядочно, и притом чищении конюшен и лошадей велеть быть караульным в конюшнях унтер-офицерам и капралам, и накрепко смотреть, дабы все лошади весьма чисто вычищены были. А в седьмом часу велеть трубить к водопою, то по тому сигналу лошадей приказать напоить, при котором водопое караульным унтер-офицерам и капралам самим быть безотлучно, и наблюдать, чтоб непоеных лошадей не осталось. А как пополуночи семь часов пробьет, тогда в начале восьмого часа приказывать караульному трубачу вторично трубить, и тогда караульным в конюшнях означенным лошадям первую задачу из положенной указной дачи овса давать, и притом велеть осмотреть, все ли в стойлах лошади

положенное им сено съели. Буде же у которых еще не съедено, то оное отбирать в одно место, чтоб ни у одной лошади сено в яслях при даче овса ничего не было, чего караульным унтер-офицерам накрепко наблюдать, також за всеми караульными рейтарами смотреть, дабы они данным им в смотрение лошадям перед прочими излишнего сена не давали, а клали б всем равно, и в указные часы, как ниже следовать будет. Когда же по восьми часах лошади овес съедят, то снять с них недоуздки и надеть уздечки, приказать поворотить тех лошадей к яслям задом, и уздечными поводами каждую лошадь к столбам на обе стороны привязать, и таким образом стоять им привязанным один час, чрез которое время означенное отобрать у реченных лошадей не съеденное сено, смешивать с другим свежим сеном же и дать им в ясли, и в начале десятого часа поворотить тех лошадей по-прежнему к яслям и уздечки с них скинуть и привязать на недоуздки. И тогда б у каждой лошади сено положено было равною частию и по малому числу, ибо в дневное время, когда то положенное сено лошади съедят, то и еще можно им сена по малому числу закладывать.

5-е. В первом часу пополудни приказывать караульному трубачу еще трубить, и тогда караульным в конюшнях унтер-офицерам и капралам всем лошадям вторично овса в указную дачу что надлежит приказывать давать, и как овес съедят, то на один второй час поворотя ж тех лошадей привязать, и стоять им как выше показано. В начале третьего часа трубить сигнал, по чему поворотить паки лошадей к яслям и заложить им вторично сена по вышеписанному ж порядку, и в шестом часу пополудни по трубному сигналу велеть их напоить, а в седьмом часу еще караульному трубачу приказать трубить, и тогда в последний раз лошадям в те сутки дали овса, причем накрепко велеть караульным унтер-офицерам и капралам наблюдать, чтоб сею последнею дачею составлялась указная положенная дача овса, и всемерно б каждой лошади оная в сутки доходила сполна. И как овес съедят, то в девятом часу без сигналу подлежащим образом тех лошадей и конюшни вычистили б и подстлали б под них солому, заложа в ясли сено всем равномерно. По снятии попон и по привязании троками, к столбам привязать лошадей к ночи на недоуздках, в препорцию, чтоб можно тем ночным временем каждой лошади на соломе лежать. Пополуночи в первом часу караульным во всякой конюшне унтер-офицерам и капралам осмотреть, у всех ли лошадей в яслях сено имеется, и буде у которых нет, то б тем сено положили по препорции не съеденного у других, но чтоб указной в сутки сена дачи не превосходило. А хворых лошадей и жеребят, когда оные иметься будут, содержать в конюшнях от здоровых лошадей особливо, в добром довольствии фуража и чистоте смотрением.

6-е. Будущим в тех конюшнях караульным вышеписанным унтер-офицерам и капралам о состоянии конюшенных караулов, також о чищении и поении и довольствии против вышеписанного фуражом лошадей приказать рапортовать стоящего на полковой гауптвахте караульного обер-офицера, что когда происходить будет, а оный караульный офицер имеет обо всём том ежедневно по утрам и вечерам чрез караульного унтер-офицера со обстоятельством рапортовать вас, кроме смены с караулу, с полковой гауптвахты, ибо о той смене он рапортует дежур-майора.

7-е. Когда поутру унтер-офицеры в восьмом часу пополуночи отрапортуют о состоянии конюшен стоящего на полковой гауптвахте караульного офицера, а вы о том от него чрез унтер-офицера рапорт получите, тогда вам самим во всех конюшнях лошадей осмотреть — все ль оные порядочно и чисто вычищены, також седла, ружья и прочая амуниция в подлежащей ли чистоте, и как приказано при лошадях, а фураж при магазейнах в призрении ль находятся, и кормом лошади в назначенные времена положенною дачею сполна ль довольствуются, и хорошо ль подкованы, а хворые у них с добрым ли присмотром пользуются и по болезням их есть ли какая польза, також и в конюшнях должная ль чистота имеется, и нет ли в чём какого упущения? И если что усмотрите не против сего, оное рекомендуйте приказать в то ж время исправить караульным в конюшнях унтер-офицерам, и велеть их ротным командирам доносить с крепким подтверждением притом, чтоб впредь в ротах их таких неисправностей не было, а ибо и обер-офицеры рот своих в конюшнях для лучшего во всём вышеписанного присмотру, по силе прежде данных о том в прошлых годах инструкций, предложений и приказов всякий день сами быть должны, то и во оной в конюшнях их бытности вам чрез караульных унтер-офицеров ведать надлежит. И о том по тому ж обо всём вышеписанном, всё ль оное порядочно и во всём ли паки действительно исполняется, всякий день вам самим дежур-майора рапортовать.

8-е. Пополудни ж в первом часу, во время трубления ко второму лошадям корму, велеть вам по всем же конюшням осмотреть стоящему на полковой гауптвахте на карауле офицеру, у всех ли лошадей овес имеется, и хорошо ль оные вычищены, и в конюшнях все ль содержатся порядочно, и по осмотре обо всём том велеть ему чрез караульного унтер-офицера рапортовать вас, и пополудни в начале седьмого часа, после трубления к овсу, всё на конюшне велеть же осмотреть. Вышеписанным образом караульному с гауптвахты унтер-офицеру о том рапортовать караульному на гауптвахте офицера, а офицеру рапортовать вас по вышеозначенному.

9-е. Пополудни в десятом часу велеть караульному обер-офицеру осмотреть во всех конюшнях лошадей, порядочно ль оные в стойлах поставлены, и сено у них в яслях и солома под ними постлана ль, и караульные в тех местах стоят, где им показано. Да и сверх того, ниже караульным с полковой гауптвахты, как офицеру, так унтер-офицеру и капралам, с полуночи в надлежащие часы велеть по всем постам и конюшням с приличным числом команды дозорами ходить, и всего вышеписанного и часовых, дабы они каждый на своих постах исправностей, накрепко смотреть и о том вас рапортовать.

10-е. В хорошее время всем полком рейтарских лошадей приказывать проезжать, при котором проезжании как вам самим, так и от каждого шквадрона по одному обер-офицеру быть, и наблюдать, дабы то проезжание лошадей тихо и порядочно происходило. Оных лошадей ставить по-прежнему в конюшни и велеть им довольно дать выстояться, а потом их корму припускать. И о том по проезжании, и всё ль оное благополучно, в те ж дни рапортовать дежур-майору.

11-е. Если паче чаяния приключится такое дело, которое времени не терпит, об оном велеть рапортовать дежурного господина ротмистра, а тот в тот же самый час должен рапортовать полкового командира.

12-е. Стоящему в полковой канцелярии часовому приказать по боевым канцелярским часам (часам с боем. — *Авт.*), сколько когда часов пробьет, столько ж бить в колокол, дабы часовые могли иметь в смене часов уравнение, а трубачу к чищению, поению и довольствию овсом и сеном лошадей в надлежащее время давать сигналы. Капралу же всякому на своем посте велеть часовых сменять чрез три часа.

13-е. Как вам по прошествии трех суток с дежурства сменяться надлежит, тогда с ротмистром, который от вас то дежурство принять имеет, быть для рапортования о всём вышеписанном и о смене с того дежурства к дежур-майору.

А сию инструкцию для надлежащего по оной исполнения при сменах вас сдавать друг другу в целости. Также для ведома и надлежащего исполнения караульным на полковой гауптвахте обер-офицерам, дабы они неведением не отговаривались, с сей инструкции дана точная копия, а ротным командирам о том же исполнении в полк приказом предложено.

Дана в Санкт-Петербурге февраля 20 дня 1792 году

На подлинной подписал: граф Салтыков

РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1269. Л.106-109 об. Журнал исходящих документов.

РАЗНОЕ

19 сентября 1734. — Описание полковой церкви

Его сиятельство превосходительный господин генерал-лейтенант и кавалер, и лейб-гвардии Конного полку подполковник, и Ее Императорского Величества генерал-адъютант князь Алексей Иванович Шаховской изволил приказать:

Когда Ее Императорское Величество соизволит указать на строение в Конную гвардию полковой церкви выдать денежную сумму, тогда на тое сумму построить полковую церковь во имя Благовещения пресвятые Богородицы следующим образом:

1. Намет сделать яринный зеленый и с полами из доброго полотна, и подбить тот намет и полы красным кумачом, також и верх расцветить тем же кумачом, и полы сделать по шпалерному — на деревянных прутах. А длиною и шириною и вышиною тот намет сделать по препорции, точию б не такой большой, как лейб-гвардии в Преображенском полку, и не на трех, но точию на двух древках, с перегибом, чтоб можно было удобнее и легче тот намет возить в случающихся походах, а не более как в длину и с откосками угловыми в полшесты (пять с половиной. — *Авт.*) сажени трехаршинных, а шириною в семь аршин по земле, а вышиною по древку от земли шесть аршин, а полы в два и поларшина, и потому имеют быть оба наметные углы от древок по земле по полпята аршина, а средина между древок полосьма аршина, а между палаточными от алтаря и наметными полами вкруг порожнего места на поларшина.

2. Над престолами от канастаса (иконостаса. — *Авт.*), где быть алтарю, сделать под оным наметом палатку кумачную красную на складных пяльцах,

а к канастасу придевать крючками, и подбить зеленым или синим шегрином*, а шириною и вышиною та палатка против канастасу, а в длину к наметному углу четырех аршин и сделать углом же.

3. Канастас сделать складной, по синей земле, а атласный ли или полотняный, о том призвав, спросить живописца Каравака, и как лучше, так и сделать. Шириною по земле шесть аршин, вышиною нижний ярус два и поларшина, верхний один и поларшина, а всему высота четыре аршина. Широтою ж Царские двери один аршин шесть вершков, а образам и Северным дверям широта ж по одному аршину и по полтретья вершка. А образам быть: по правую сторону Царских дверей образ Спасителев да другой святых Симеона и Анны, а по левую сторону образ Благовещения пресвятые Богородицы; да Северные двери с образом же архистратига Михаила, а в верхнем ярусе над Царскими дверьми Вечеря тайная, а над тем в сиянии имя Божие, а по сторонам Вечери тайные два образа ликом к Вечери: на припадших коленях святого Александра князя Невского да Иоанна Воинственника.

4. Одежды на престолы и покровы и пелены и ризы и подризники и епитрахили и поручни и завесу к Царским дверям и прочее сделать камчатые или другое и штофное, что где приличнее, також и книги и лампады и прочее ж искупить сколько каких потребно и по исчислению положенной денежной суммы.

5. А делать вышеписанный намет и палатку в Москве, а о кумаче и о шагрине, ежели в Москве дорог, то исчисля сколько надобно, писать о покупке в Украину.

6. Полкового попа, который ныне в полку состоит, иметь точию до будущего 1735 году, а в начале того году из полку его выключить, ибо пришлется тогда из Украины черный священник, который бы мог предику (проповедь. — *Авт.*) сказывать, и о том представить в Синод доношением. Також на содержание певчих деньги по подписке с офицеров были б в каждый год сбираны сполна, и содержать их до тех певчих при полку в целости.

РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.332. № 148.

19 апреля 1764. — Из приказа по полку

3. Напредь сего неоднократно отданными в полк письменными приказами, да и прошлого 763 году августа 26 числа подтверждаемо было, если когда кто унтер-офицеры, капралы и рейтары за собственными их нуждами проситься будут на рынок или в другие места, то в подлежащей чистоте и убранстве приказывать отпущать, и чтоб идучи, как генералитету, так и господам лейб-гвардии штаб-и обер-офицерам, по съеме шляп отнюдь не кланялись, а только б поворотясь к той персоне, против которой шляпу должно будет снять, становились прямо, и шляпу держать в правой руке, опустя во всю руку, а потом, по проходе или проезде вышеписанных персон, надев шляпу, по-прежнему идти. А ныне усмотрено, что многие унтер-офицеры, капралы и рейтары, идучи по

* Шагрин — возможно, речь идет о шагреневой (от франц. chagrin) коже.

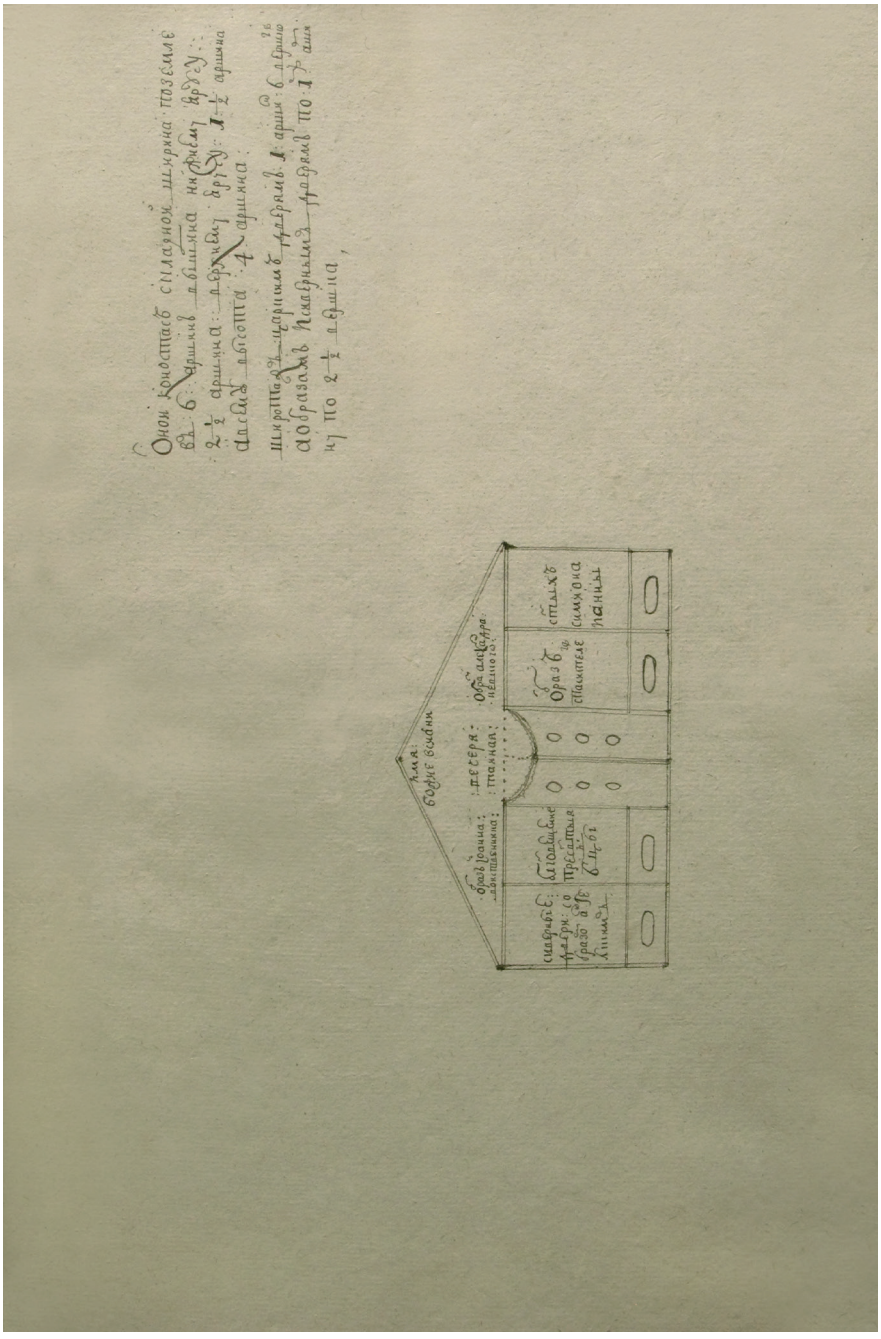

Рисунок иконостаса полковой церкви лейб-гвардии Конного полка. 1734 г.
(Российский государственный военно-исторический архив)

дороге, кланяются, что чинит полку непристойность, а полковым письменным приказам неисполнение. Того ради чрез сие господам командующим ротами обер-офицерам подтверждается в ротах своих всем унтер-офицерам, капралам и рейтарам накрепко приказывать: ежели кто отпущен будет на рынок или в другое куды место, то б встречающимся встречу господам генералитетам и лейб-гвардии полков штаб- и обер-офицерам по съеме шляп отнюдь не кланялись, а только б поворотясь, становились прямо, и шляпу тремя средними перстьми сверху переднего носка, а большим перстом подхватя снизу, сняв, держали в правой руке, опустя во всю руку, а если паче чаяния и за сим кто в таковом неисполнении письменных приказов усмотрен будет, за оное неотменно господа ротные командиры имеют ответствовать.

РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.55. Л.88-88 об.

21 июля 1787. — Из приказа по полку

1. К немалому моему оскорблению нередко примечено, что некоторые нижние чины пьют с таковою невоздержанностию, что уподобляются более скоту, нежели как Богом созданной разумной твари. Таковая невоздержанность всякого звания добрым людям должна быть постыдна, а паче военным должна быть мерзка, ибо не только лишает оных здоровья, но сил и разума исполнять как честному солдату подлежит долг его звания и присяги, почему за нужное нахожу сим подтвердить, дабы б не только во всех ротах, но и командах было строгое и неусыпное смотрение, чтоб никто в бесчувственном пьянстве не обращался. О таковых же, кои доброю манерою от столь человеку постыдной страсти воздерживаться не будут, как о недостойном его звания представить рапортом.

РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.82. Л.69.

[1] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1. Л.145-146 об.
[2] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.331. Л.12 об.-13.
[3] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.22.
[4] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1188. Л. н/н.
[5] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.460. Л.25-29 об.
[6] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.468. Л.27-27 об.
[7] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.530. Л.72 об.
[8] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1220. Л.458, 460 об.
[9] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.499. Л.29; Д.554. № 78; Д.555. Л.67 и др.
[10] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1260. Л.79.
[11] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.74.
[12] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.467. Л.41-41 об.
[13] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1195. Л.417; Д.1205. Л.515; Д.1214. Л.430.
[14] РГАДА. Ф.248. Оп.17. Кн.1107. Л.604-604 об.
[15] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.119.
[16] ОР РНБ. Ф.885 (Эрмитажное собрание). Д.149. Л.4 об.
[17] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.77. Л.17.
[18] Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению (далее — Исторической описание...). Т.2. СПб., 1899. С.132.
[19] Историческое описание... Т.3. СПб., 1899. С.73-75.
[20] Историческое описание... Т.5. СПб., 1899. С.62-64.
[21] Историческое описание... Т.2. СПб., 1899. Приложения. С.24.
[22] Историческое описание... Т.3. СПб., 1899. Приложения. С.17.
[23] Историческое описание... Т.5. СПб., 1899. Приложения. С.7-8.
[24] *Анненков И.В.* История лейб-гвардии Конного полка 1731–1848. Т.1. СПб., 1849. С.18-28, 72, 104-105, 133-137.
[25] *Летин С.А.* Конная гвардия времен Анны Иоанновны // Орел. № 3. СПб., 1993. С.3-9.
[26] *Летин С.А., Леонов О.Г.* Русский военный костюм. От Петра I до Петра III. М., 2008. С.193-203, 300.
[27] *Летин С.А.* Конная гвардия времен Анны Иоанновны // Орел. № 3. СПб., 1993. С.3-9; Летин С.А. Российская императорская гвардия. СПб., 2005. С.147.
[28] *Леонов О.Г.* Русский военный костюм. Эпоха Екатерины II. М., 2010. С.85-95.
[29] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.538. Л.431.
[30] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.540. Л.152 об.; Д.543. Л.296 об.; Д.546. Л.88 об. и др.
[31] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1315. Л.177.
[32] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.526. № 6; Д.537. № 162.
[33] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1220. Л.461 об.
[34] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.528. Л.37; Д.530. Л.155 и др.
[35] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.538. Л.371 об.
[36] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.536. Л.241-241 об.
[37] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.548. Л.317-317 об.
[38] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.538. Л.351.
[39] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.6. Л.89 об.

[40] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.582. Л.51.
[41] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.44. Л.166.
[42] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.43. Л.98.
[43] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.21. Л.240 об.
[44] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.530. Л.155.
[45] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.548. Л.315.
[46] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.574; Д.1189. Л.107.
[47] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.526. № 64; Д.530. Л.155 об., 157.
[48] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.21. Л.240 об.-241.
[49] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.530. Л.159 об.
[50] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.545. Л.100.
[51] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.546. Л.107 об.
[52] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.531. Л.95-95 об.
[53] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.538. Л.356; Д.546. Л.107; Д.549. Л.41; Д.1213. Л.131.
[54] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.21. Л.229-229 об. и др.
[55] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.579. Л.486, 716; Д.581. Л.56 об.
[56] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.21. Л.1 об.-2.
[57] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.13. Л.41.
[58] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.31. Л.32.
[59] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.528. Л.124 об.; Д.1406. Л.8 об.
[60] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.6. Л.58; Д.10. Л.99 об.
[61] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.35. Л.113 об.
[62] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.56 об.
[63] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.580. Л.543.
[64] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.579. Л.836 об.
[65] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.42. Л.205.
[66] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1206. Л.240.
[67] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.551. Л.89-89 об.
[68] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.579. Л.834 об.
[69] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.31.
[70] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.579. Л.836 об.
[71] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.579. Л.524 об.
[72] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1191. Л.162 об, 211 об.
[73] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.4. Л.109.
[74] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.4. Л.111; Д.6. Л.89 об.
[75] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.42. Л.103 об.
[76] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.46. Л.69 об.
[77] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.35. Л.10.
[78] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.5. Л.94.
[79] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.49. Л.103.
[80] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1. Л.15, 28 об.
[81] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.10. Л.281 об.-282.
[82] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.18. Л.262.
[83] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.42. Л.207 об.
[84] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.579. Л.836 об.

85 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.4. Л.110 об.; Д.852. Л.51.
86 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.579. Л.489.
87 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.23. Л.146 об.
88 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.23. Л.146 об.
89 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.42. Л.103 об.
90 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.579. Л.438 об.
91 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1204. Л.35.
92 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.582. Л.51 об.
93 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.37 об.
94 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.22 об.
95 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.545. Л.411.
96 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.90.
97 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.579. Л.489-489 об.; Д.1315. Л.72.
98 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.4. Л.110 об.
99 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.579. Л.438.
100 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1188. Л.29.
101 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1188. Л. н/н.
102 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.579. Л.504-504 об.
103 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.6. Л.84 об.
104 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.579. Л.794-795.
105 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.580. Л.371-371 об., 395.
106 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.580. Л.353-353 об., 356.
107 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1210. Л.150 об.
108 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1206. Л.486-487; Д.1210. Л.199-199 об.
109 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1949. Л.55 об.-56, 57 об-58 об.
110 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.551. Л.100-100 об.; Д.1229. Л.361 об.
111 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.552. Л.154-167.
112 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1229. Л.497.
113 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1136. Л.162 об.
114 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.460. Л.33-33 об.
115 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.331. Л.389.
116 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1189. Л.680-681 об.
117 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.530. Л.19-20, 23 об.-24; Д.532. Л.272; Д.545. Л.411.
118 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.546. Л.60, 62-62 об.
119 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.8. Л.257-257 об.
120 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.10. Л.42 об.-43.
121 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1196. Л.156 об.
122 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.18. Л.278-279.
123 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.18. Л.285 об.-286.
124 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1201. Л.592 об.-593; Д.1203. Л.476-478 об.
125 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1211. Л.346-346 об.
126 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1217. Л.429 об.; Д.1227. Л.118 об.
127 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.546. Л.281 об.; Д.547. Л.24 об.
128 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.31. Л.149 об.-150.
129 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.42. Л.88 об.

130 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.45. Л.141.
131 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.33. Л.34 об.
132 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.526. № 5, № 6; Д.1197. Л.16.
133 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.582. Л.51 об.
134 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1191. Л.76 об.
135 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.529. Л.11-11 об.
136 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.584. Л.243-243 об.
137 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1210. Л.505.
138 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1211. Л.244 об.
139 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.544. Л.165-165 об.; Д.546. Л.65-66; Д.548. Л.293-294.
140 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.551. Л.110-111.
141 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.579. Л.604.
142 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1321. Л.450 об.
143 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1315. Л.113, 129, 210.
144 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.536. Л.297 об.; Д.1205. Л.475.
145 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.14. Л.3 об.
146 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.540. Л.201-202.
147 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.4. Л.110 об.; Д.582. Л.51 об.
148 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.18. Л.342 об.
149 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.23. Л.179.
150 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.540. Л.201; Д.1211. Л.45-46.
151 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.44. Л.166.
152 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.551. Л.75-75 об.
153 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.7 об.
154 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.406; Д.584. Л.36; Д.1315. Л.97.
155 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.551. Л.90-90 об.; Д.1229. Л.407 об.
156 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.536. Л.435-435 об.; Д.1228. Л.212-212 об.
157 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.546. Л.208-209.
158 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1320. Л.105-105 об.
159 РГВИА. Ф.5. Оп.1. Св.57. Д.1410. Л.250-250 об.
160 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1188. Л. н/н.; Д.1189. Л.417 об.
161 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1192. Л.355 об.
162 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1321. Л.549, 550 об., 551 об., 553 и др.
163 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1203. Л.425 об.
164 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.544. Л.98.
165 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1188. Л. н/н.
166 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.4. Л.38.
167 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1210. Л.402.
168 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.57-57 об.; Д.1315. Л.57.
169 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.460. Л.11-11об.
170 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1188. Л. н/н.
171 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.7 об.
172 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.465. Л.8; Д.523. Л.152-153.
173 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1192. Л.310 об., 355 об.
174 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1192. Л.418.

175 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.524. № 104.
176 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1193. Л.81 об.-82.
177 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1201. Л.197 об.-198.
178 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.23. Л.187 об.
179 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.23. Л.190 об.
180 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.543. Л.100.
181 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1216. Л.333 об.-334.
182 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1214. Л.128.
183 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1224. Л.113.
184 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.43. Л.162; Д.1210. Л.505 об.
185 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1214. Л.128-128 об.
186 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1229. Л.267-268 об.
187 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.4 об., 24, 39 об.
188 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.527. Л.140-141; Д.1406. Л.8.
189 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.476. Л.25-26; Д.1315. Л.101; Д.1321. Л.376.
190 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.39 об.; Д.1205. Л.484-484 об.
191 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.4. Л.110 об.
192 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.536. Л.293-295 об.
193 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1210. Л.242 об.-243, 377.
194 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1. Л.105-105 об.
195 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.6. Л.89 об.
196 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.44. Л.166.
197 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.584. Л.38 об., 229; Д.1319. Л.30 об.
198 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1200. Л.232.
199 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.6. Л.115.
200 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.540. Л.120-129 об., 197-197 об.; Д.1210. Л.480, 481, 505 об.
201 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.540. Л.199-200; Д.1211. Л.44 об.
202 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1227. Л.342; Д.1228. Л.8.
203 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1228. Л.43 об.
204 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.550. Л.111.
205 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1189. Л.417 об.
206 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1315. Л.79.
207 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.529. Л.131-136; Д.1315. Л.34.
208 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.10. Л.279 об.
209 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.537. № 241; Д.1201. Л.197 об.-198; Д.1210. Л.251-251 об.
210 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.579. Л.837 об.
211 РГАДА. Ф.248. Оп.7. Кн.386. Л.242 об.-243.
212 РГАДА. Ф.248. Оп.7. Кн.386. Л.243 об.
213 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.468. Л.6.
214 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.5. Л.6; Д.1193. Л.268.
215 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.4. Л.43, 109 об.; Д.10. Л.343.
216 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.634.
217 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.579. Л.838 об.
218 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.526. № 18. Д.581. Л.39.
219 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.537. № 158; Д.1205. Л.151.

220 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.527. Л.96-98 об.
221 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.537. № 242.
222 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1229. Л.385-385 об.
223 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1229. Л.477.
224 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1229. Л.519.
225 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.464. Л.3.
226 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.14. Л.41 об.
227 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.460. Л.9 об.-10; Д.1315. Л.94; Д.1321. Л.376.
228 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.39 об.
229 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.57.
230 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.476. Л.26 об.-27; Д.581. Л.39 об.
231 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.536. Л.304.
232 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д. 536. Л. 258-259; Д.1205. Л.583 об.
233 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.544. Л.256-256 об.; Д.1217. Л.140.-141.
234 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.41; Д.1315. Л.23-24.
235 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.526. № 49; Д.579. Л.839.
236 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.540. Л.107.
237 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.540. Л.107-109.
238 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.42. Л.220-220 об.
239 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.4. Л.111-112.
240 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.582. Л.51 об.-52, 52 об.
241 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.60 об.
242 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.579. Л.486-486 об.
243 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.583. Л.936, 937.
244 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.580. Л.406.
245 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.584. Л.128; Д.1321. Л.530.
246 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1189. Л.105-105 об.
247 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1321. Л.346-346 об.
248 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1321. Л.383-387.
249 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.22. Л.26 об.
250 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.535. Л.24.
251 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.23. Л.173.
252 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.23. Л.182.
253 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.35. Л.12 об.
254 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.35. Л.26 об.
255 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1208. Л.435 об.
256 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1210. Л.74.
257 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.543. Л.228; Д.1210. Л.380.
258 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.40. Л.148 об.
259 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.57 об.-58.
260 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1188. Л. н/н.
261 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.331. Л.129.
262 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.18. Л.184 об-185.
263 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1406. Л.7 об., 8 об.
264 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1406. Л.9 об.

265 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1406. Л.11.
266 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.52. Л.17 об.
267 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1206. Л.258.
268 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1208. Л.526.
269 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.543. Л.292-292 об.
270 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1321. Л.141-141 об., 142 об., 186.
271 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1197. Л.375.
272 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.10. Л.281 об.
273 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.475. Л.1.
274 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1213. Л.55, 299 об.-300.
275 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.544. Л.200 об.
276 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1211. Л.90-90 об.
277 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1211. Л.106 об.-107.
278 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.545. Л.126-126 об.; Д.1224. Л.219-220; Д.1233. Л.80.
279 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1219. Л.139 об.
280 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1219. Л.194.
281 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1219. Л.230.
282 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1223. Л.235.
283 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.551. Л.29.
284 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1219. Л.324.
285 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.551. Л.28-29 об.
286 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.523. Л.159-160.
287 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1195. Л.380.
288 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.35. Л.63.
289 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.547. Л.256-256 об.
290 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.460. Л.7 об.
291 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.523. Л.48-51.
292 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1321. Л.449-449 об.
293 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.57.
294 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.57 об.
295 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1320. Л.104 об.
296 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.541-547 об.
297 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1321. Л.384.
298 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.384.
299 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1321. Л.382 об.
300 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.4. Л.117 об.
301 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.460. Л.7 об.
302 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.149.
303 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.331. Л.127, 175.
304 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1321. Л.396.
305 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.18. Л.70 об.
306 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.10. Л.281 об.-282.
307 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1321. Л.451.
308 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.10. Л.235.
309 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.579. Л.716; Д.1192. Л.311 об.

[310] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.711.
[311] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.460. Л.11 об.
[312] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.441-441 об.; 443-443 об.; 500 об.-501.
[313] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.579. Л.263.
[314] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.468. Л.39; Д.579. Л.718 об., 722 об.-723, 749; Д.1321. Л.450, 451.
[315] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.581. Л.150 об.
[316] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.23. Л.119 об.
[317] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.18. Л.106-106 об.
[318] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.18. Л.242 об.-243.
[319] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.331. Л.214-214 об.
[320] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1195. Л.493 об.-494 (документ сильно поврежден).
[321] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.4. Л.113.
[322] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.23. Л.36-36 об.
[323] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1402. Л.1-62.
[324] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.23. Л.153-153 об.
[325] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.23. Л.179.
[326] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.530. Л.71-73; Д.1198. Л.456 об.
[327] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.23. Л.59 об.
[328] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.530. Л.64 об.-65.
[329] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.537. № 210; Д.1206. Л.341-344.
[330] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.543. Л.122-125 об.; Д.1214. Л.34-34 об.
[331] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.35. Л.29 об.
[332] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.43. Л.90.
[333] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.536. Л.58-61.
[334] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.546. Л.15; Д.1220. Л.87 об.-88.
[335] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.39. Л.86 об.
[336] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.39. Л.342-342 об.; Д.43. Л.222.
[337] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.545. Л.381-382.
[338] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.47. Л.202.
[339] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.544. Л.93.
[340] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1315. Л.45, 66.
[341] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1315. Л.137, 150.
[342] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.580. Л.262; Д.1320. Л.104 об.
[343] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.536. Л. 189-189 об., 205 об.-206; Д.1205. Л.267-268.
[344] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1205. Л.506.
[345] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1210. Л.87 об.
[346] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.536. Л.311.
[347] РГВИА. Ф.24. Оп.1. Д.201. Л.440.
[348] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.527. Л.17-18.
[349] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1206. Л.377 об.; Д.1207. Л.108 об.
[350] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1205. Л.501-501 об.; Д.1207. Л.128 об.
[351] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.536. Л.205 об.
[352] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.536. Л.311.
[353] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.580. Л.262.

[354] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1207. Л.493.
[355] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1210. Л.107.
[356] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1210. Л.378.
[357] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.524. № 92; Д.1225. Л.43 об.
[358] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.534. Л. н/н.
[359] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.476. Л.22 об.-23.
[360] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1320. Л.103; Д.1321. Л.369 об.
[361] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.536. Л.189-189 об.; Д.1207. Л.329.
[362] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.536. Л.205 об.-206; Д.537. № 165.
[363] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1210. Л.116-116 об.
[364] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.526. № 70.
[365] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1197. Л.120.
[366] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.526. № 70; Д.532. Л.224-224 об.; Д.536. Л.263-263 об.; Д.544. Л.140; Д.549. Л.112-113; Д.1201. Л.527 об.-528.
[367] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.526. № 70.
[368] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.544. Л.140.
[369] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.549. Л.113.
[370] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1320. Л.103.
[371] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1210. Л.379 об.
[372] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.549. Л.259-260.
[373] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.14. Л.41 об.
[374] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.536. Л.263-263 об.
[375] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1315. Л.201.
[376] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1201. Л.197 об.-198; Д.1203. Л.425 об.
[377] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.460. Л.9 об.
[378] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.584. Л.229.
[379] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.527. Л.91-91 об.
[380] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.528. Л.142; Д.1406. Л.10.
[381] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.584. Л.192 об.
[382] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.584. Л.268.
[383] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.584. Л.409-409 об.
[384] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.584. Л.410-413 об.
[385] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.586. Л.114.
[386] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.586. Л.114 об.
[387] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.586. Л.377.
[388] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.587. Л.196.
[389] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.551. Л.92-93 об.
[390] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.551. Л.93 об.
[391] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.551. Л.96 об.
[392] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1230. Л.92 об.
[393] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.556. Л.114-114 об.; Д.559. Л.97-97 об.
[394] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.557. Л.24-24 об.; Д.566. № 35 и др.
[395] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.552. Л.51.
[396] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.562. № 2.
[397] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.559. Л.97-98; Д.561. № 12; Д.562. № 2.

[398] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.552. Л.96; Д.559. Л.70; Д.562. № 2; Д.565. № 20 и др.
[399] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1230. Л.331.
[400] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.53. Л.140 об.-141.
[401] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1259. Л.468 об.; Д.1270. Л.301.
[402] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1254. Л.129; Д.1256. Л.159.
[403] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.915. Л.224; Д.1259. Л.468 об.
[404] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1269. Л.194 об., 241 об.
[405] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1270. Л.299 об.
[406] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1244. Л.108 об.
[407] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1261. Л.416.
[408] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1269. Л.194 об., 241 об.
[409] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.53. Л.148; Д.1230. Л.342; Д.1231. Л.362.
[410] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.59. Л.54 об.
[411] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.552. Л.72-73; Д.557. Л.25 и др.
[412] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.557. Л.25-26 об.; Д.562. № 83; Д.563. № 85.
[413] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.570. № 87.
[414] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.552. Л.72; Д.554. № 45; Д.557. Л.14, 25-26 об.; Д.564. № 65; Д.568. № 27; Д.1260. Л.361; Д.1269. Л.194.
[415] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1231. Л.298 об.
[416] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1263. Л.298.
[417] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1260. Л.160.
[418] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1265. Л.326.
[419] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1266. Л.530 об.-531.
[420] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1269. Л.241 об.
[421] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.56. Л.256; Д.551. Л.89-89 об.
[422] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.552. Л.97; Д.1230. Л.345 об.
[423] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1235. Л.312 об.
[424] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.554. № 63.
[425] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.557. Л.14-15.
[426] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.76. Л.113 об; Д.569. № 46; Д.571. Л.134-134 об.; Д.1256. Л.159; Д.1269. Л.194 об., 241 об.
[427] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1270. Л.358 об.
[428] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.53. Л.151 об.; Д.54. Л.94 об.-95.
[429] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.52. Л.99; Д.55. Л.216.
[430] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.55. Л.100 об.; Д.56. Л.129.
[431] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.54. Л.95; Д.59. Л.110; Д.53. Л.151 об.
[432] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.54. Л.94 об.; Д.55. Л.68.
[433] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1231. Л.351 об.
[434] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.554. № 158.
[435] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.53. Л.140 об.-141, 148 об.; Д.552. Л.106-106 об.
[436] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1230. Л.253 об.-254.
[437] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.552. Л.51, 95-95 об., 97; Д.1230. Л.251-255.
[438] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.553. Л.78-78 об.
[439] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.553. Л.79; Д.554. № 161; Д.557. Л.123-123 об.; Д.562. № 83; Д.1232. Л.329; Д.1249. Л.102; Д.1253. Л.84.

[440] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.55. Л.131 об.
[441] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.56. Л.93.
[442] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.554. № 152, № 155, № 158; Д.1232. Л.144; Д.1234. Л.284-285 об.
[443] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.556. Л.114-115; Д.557. Л.82-83.
[444] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.556. Л.132-132 об.
[445] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.559. Л.96-98; Д.1245. Л.264 об.-265 об.
[446] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.561. № 12.
[447] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1247. Л.329; Д.1256. Л.167 об.
[448] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.562. № 2.
[449] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.562. № 101.
[450] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.563. № 28; Д.1249. Л.86-88.
[451] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.565. № 20, № 66, № 73.
[452] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.566. № 35; Д.567. № 61, № 67.
[453] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.569. № 58; Д.1259. Л.143-143 об., 323.
[454] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1260. Л.239-239 об.
[455] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.571. Л.61; Д.573. Л.42; Д.1263. Л.276.
[456] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1265. Л.297 об.-298, 476, 548 об., 578 об.
[457] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1266. Л.287 об.-288.
[458] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1267. Л.167, 179 об.
[459] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1269. Л.211 об.-212, 287 об.-288.
[460] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.577. Л.73; Д.1270. Л.118 об.-119, 135 об.-136 об., 300-301 об., 356-356 об.; Д.1271. Л.84 об.-85, 368 об.
[461] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1269. Л.142.
[462] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1269. Л.193 об.-194 об., 287 об.-288 об.; Д.1270. Л.135-135 об., 301.
[463] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.88. Л.349.
[464] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1270. Л.172 об.
[465] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1253. Л.292 об.
[466] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.565. № 70; Д.567. № 62.
[467] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.569. № 46.
[468] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.571. Л.134-134 об.
[469] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1266. Л.300.
[470] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1270. Л.115 об., 358 об.
[471] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.78. Л.67.
[472] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.554. № 62.
[473] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.557. Л.28-28 об.
[474] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.559. Л.67-67 об., 71-71 об.
[475] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.565. № 59; Д.567. № 71.
[476] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.569. № 31.
[477] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1260. Л.368 об.; Д.1263. Л.338 об.
[478] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.576. Л.63.
[479] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1269. Л.194, 289.
[480] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.561. № 85.
[481] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1265. Л.326 об.

[482] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.81. Л.44.
[483] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.56. Л.122; Д.554. № 82; Д.1235. Л.224 об.
[484] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1235. Л.338 об.
[485] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.551. Л.90-90 об.
[486] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1235. Л.223 об.
[487] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.560. Л.43.
[488] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1262. Л.240 об.-241.
[489] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.577. Л.44; Д.1265. Л.253-253 об., 480-480 об.; Д.1271. Л.147 об.-148.
[490] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.551. Л.291.
[491] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.552. Л.16.
[492] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1230. Л.47-47 об.
[493] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.64. Л.64 об.-65.
[494] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1245. Л.257.
[495] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.64. Л.64 об.-65.
[496] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.562. № 128.
[497] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1265. Л.535 об.
[498] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1270. Л.356-356 об.
[499] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1271. Л.368.
[500] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1263. Л.433 об.; Д.1271. Л.368.
[501] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.491. Л.46 об.; Д.555. Л.67.
[502] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1235. Л.164 об.; Д.1260. Л.443.
[503] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.937. Л.224.
[504] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1239. Л.134; Д.1247. Л.119 об.
[505] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.52. Л.10, 99.
[506] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1257. Л.182 об.-183 об., 239, 270.
[507] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.913. Л.51.
[508] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1265. Л.358 об.-359 об.
[509] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1269. Л.194 об.
[510] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1235. Л.172 об.
[511] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.54. Л.101 об.
[512] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.554. № 63.
[513] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.56. Л.127-127 об.
[514] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.557. Л.14-15.
[515] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.569. № 46.
[516] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.76. Л.113 об.
[517] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.571. Л.134-134 об.; Д.1261. Л.469.
[518] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1266. Л.300.
[519] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1270. Л.299 об., 358 об.
[520] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.55. Л.66; Д.554. № 78; Д.1235. Л.254-254 об.; Д.1260. Л.394; Д.1261. Л.286 об.
[521] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.56. Л.18; Д.491. Л.57; Д.1259. Л.393.
[522] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1260. Л.398 об.
[523] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1261. Л.381 об.
[524] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1259. Л.337 об.-338.

[525] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.554. № 78, № 83; Д.563. № 31; Д.1235. Л.347.
[526] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.560. Л.45; Д.1247. Л.113 об.
[527] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.77. Л.34 об.
[528] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.79. Л.63 об.
[529] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1235. Л.303 об., 310.
[530] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.562. № 93.
[531] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.552. Л.192-192 об.
[532] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.559. Л.52; Д.1247. Л.115.
[533] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.569. № 83.
[534] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.565. № 57.
[535] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1260. Л.312.
[536] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.571. Л.135; Д.573. Л.74.
[537] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1264. Л.320.
[538] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1229. Л.500 об.; Д.1247. Л.205 об.
[539] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.79. Л.63 об.; Д.569. № 33.
[540] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1260. Л.398 об.
[541] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1265. Л. 458 об., 461.
[542] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1265. Л.577 об.
[543] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1266. Л.273.
[544] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.499. Л.29.
[545] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.56. Л.17 об.
[546] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1235. Л.165.
[547] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1272. Л.225-227.
[548] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1262. Л.128.
[549] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.559. Л.10-10 об.
[550] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.559. Л.11, 12; Д.1258. Л.269.
[551] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1269. Л.343-343 об.
[552] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.557. Л.93, 94; Д.565. № 57.
[553] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.569. № 46.
[554] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.563. № 31; Д.1265. Л.236 об.
[555] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1235. Л.38 об.
[556] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1266. Л.281 об.
[557] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1265. Л.329.
[558] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.56. Л.43 об.-44.
[559] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1235. Л.183.
[560] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1269. Л.343.
[561] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.571. Л.132.
[562] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1261. Л. 395 об., 417.
[563] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1267. Л.206.
[564] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1269. Л.194-195, 241-241 об.
[565] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1271. Л.230 об.-231; Д.1272. Л.248 об.
[566] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1272. Л.248 об.
[567] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1269. Л.343-343 об.
[568] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.63. Л.20; Д.554. № 47; Д.557. Л.118-118 об.; Д.565. № 57; Д.569. № 46; Д.1251. Л.200 об.; Д.1266. Л.274; Д.1271. Л.368, 369 об.; Д.1265. Л.326 об., 329.

569 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1235. Л.182-182 об., 297 об.
570 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1235. Л.106 об.
571 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1235. Л.364.
572 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1234. Л.69 об.
573 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.52. Л.140 об.
574 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.52. Л.148-148 об.
575 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.55. Л.78-78 об.
576 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.55. Л.78 об.
577 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.55. Л.109.
578 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.55. Л.110 об.
579 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.55. Л.131 об.-132.
580 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.78. Л.36.
581 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1267. Л.179 об.
582 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.54. Л.100 об.; Д.553. Л.77; Д.1235. Л.333-333 об.
583 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.555. Л.20.
584 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.565. № 77.
585 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1253. Л.329-330.
586 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1253. Л.130 об.
587 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1261. Л.416 об.
588 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1261. Л.323 об.-324.
589 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1261. Л.415 об.
590 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1261. Л.415 об.
591 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1261. Л.116-116 об.
592 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1270. Л.358 об.; Д.1271. Л.369.
593 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1269. Л.244 об.-245.
594 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1269. Л.194.
595 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1270. Л.300 об.
596 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1270. Л.301 об.
597 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.564. № 69.
598 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1261. Л.417.
599 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1265. Л.335 об.
600 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1267. Л.320.
601 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1267. Л.442 об.
602 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1269. Л.354-354 об.
603 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1271. Л.368 об.
604 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.557. Л.91-91 об.; Д.937. Л.436.
605 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.557. Л.30; Д.1241. Л.165-165 об.
606 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1233. Л.71 об.
607 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.561. № 62.
608 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1253. Л.78 об.-79, 108 об.
609 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.565. № 104.
610 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.567. № 62.
611 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1259. Л.337 об.-338.
612 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1262. Л.184.
613 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1262. Л.271 об-272.

[614] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1265. Л.174-175, 234 об.-235.
[615] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1267. Л.180.
[616] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1267. Л.184 об.-185.
[617] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1269. Л.194 об., 241 об.
[618] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1269. Л.328-328 об.
[619] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1270. Л.223 об., 229 об.
[620] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1270. Л.357-357 об.
[621] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1270. Л.172 об.
[622] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1229. Л.538 об.-539.
[623] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1949. Л.59-59 об.
[624] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1230. Л.51 об.-52.
[625] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1232. Л.210 об.; Д.1237. Л.52; Д.1256. Л.126 об.-127; Д.1259. Л.283 об.-285.
[626] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1261. Л.191 об.; Д.1263. Л.418-418 об.; Д.1266. Л.191 об.-192.
[627] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1259. Л. 292 об., 392 об.
[628] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1259. Л.447 об.
[629] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1261. Л.416.
[630] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1261. Л.435 об.-436.
[631] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1261. Л.462.
[632] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1264. Л.159 об.-160.
[633] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1267. Л.249 об.-250 об.
[634] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1269. Л.244 об., 288 об.
[635] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1269. Л.183 об.
[636] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1271. Л. 229-229 об., 368 об.-369.
[637] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1271. Л.239 об.
[638] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1271. Л.218 об.-219, 370.
[639] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1271. Л.231.
[640] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1248. Л.412 об.-413.
[641] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1261. Л.327.
[642] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1256. Л.197-197 об.
[643] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1259. Л.415.
[644] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1261. Л.203.
[645] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1261. Л.172 об.
[646] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.561. № 128.
[647] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1270. Л.357-357 об
[648] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1237. Л.271-271 об.; Д.1247. Л.329. Д.1261. Л.287 об.
[649] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1265. Л.480.
[650] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1266. Л.322.
[651] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1263. Л.286 об.
[652] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1231. Л.536 об.
[653] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1256. Л.196-196 об.; Д.1261. Л.391 об.; Д.1256. Л.194, 196 об.; Д.1261. Л.391 об.
[654] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1266. Л.384.
[655] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1270. Л.300 об.

[656] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1265. Л.480.
[657] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1263. Л.248 об.
[658] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1263. Л.286 об.
[659] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1271. Л.169 об.
[660] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1232. Л.167; Д.1235. Л.255 об., 276 об.
[661] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.555. Л.68-68 об., Д.570. № 108; Д.1235. Л.310.
[662] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1256. Л.194.
[663] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1235. Л.297 об.
[664] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1248. Л.269 об., 278 об.
[665] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.555. Л.68-68 об.
[666] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1237. Л.306 об.
[667] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1259. Л.292 об.
[668] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1259. Л.392 об.
[669] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1260. Л.222, 239 об.; Д.1261. Л.395 об.-396, 417 об.; Д.1263. Л.286, 311-311 об.; Д.971. Л.105-106; Д.1265. Л.136; Д.973. Л.102; Д.1265. Л.354.
[670] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1261. Л.304 об.-305.
[671] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1262. Л.240 об.
[672] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.971. Л.59 об.
[673] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.973. Л.102; Д.1265. Л.354.
[674] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1266. Л.491 об.
[675] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1270. Л.357.
[676] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1261. Л.462; Д.1267. Л.475 об.; Д.1269. Л.138 об.; Д.1270. Л.221; Д.1271. Л.369 об.
[677] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1267. Л.475 об.
[678] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1263. Л.104.
[679] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1264. Л.320 об.
[680] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.52. Л.142.
[681] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.52. Л.161.
[682] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1230. Л. 108, 147; Д.1231. Л.112 об.-113.
[683] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1230. Л.99.
[684] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.52. Л.148.
[685] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.57. Л.37.
[686] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.551. Л.246; Д.1230. Л.41 об.-42.
[687] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.52. Л.19 об., 148 об.; Д.916. Л.9 об., Д.1230. Л.111 об.
[688] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.76. Л.25 об.
[689] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.56. Л.127 об.; Д.1234. Л.73-75; Д.1235. Л.164 об.; Д.1248. Л.196-197.
[690] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.551. Л.260.
[691] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.52. Л.161-161 об.
[692] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.558. Л.53-53об.
[693] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.64. Л.32.
[694] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1257. Л.301-301 об.
[695] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1267. Л.248.
[696] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1267. Л.232 об.-233, 323.
[697] РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1269. Л.89.

698 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.551. Л.245, 248; Д.1232. Л.76, 78.
699 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.55. Л.58.
700 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.56. Л.119.
701 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.55. Л.251 об.
702 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1230. Л.145 об.
703 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1232. Л.56.
704 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1248. Л.275.
705 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1231. Л.521; Д.560. Л.51, 52; Д.568. № 26.
706 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.553. Л.29.
707 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.553. Л.171.
708 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.554. № 99.
709 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1247. Л.204.
710 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.554. № 74.
711 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.560. Л.52.
712 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1253. Л.312 об., 322.
713 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.553. Л.172.
714 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.554. № 65.
715 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.554. № 99.
716 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.1235. Л.104 об.
717 РГВИА. Ф.3543. Оп.1. Д.560. Л.46-47.